

СЛОВО. Том XI.

Тетралогия: **Петр Первый**

Для чего ездил Петр за границу? Что он там искал? Официальная история пытается нас убедить, что искал он там культуру. Но, что на самом деле, истинным мотивом, побудившим его на столь далекую и столь длительную поездку, являлось ознакомление с масонством и принятие высших статуты посвящения у Английского короля — на тот момент начальствующего над всеми масонами мира.

Ученик-переросток

Финансовая политика

Петру на все требовались деньги: на содержание огромной полицейской армии, на увеселительные мероприятия, «стройки века» и т.д., и т.п. И вот какие новшества в области налогообложения для этой цели он изобрел:

«...учреждается Монастырский приказ, контролирующий церковное имущество. Как итог деятельности только этого приказа — с 1701 по 1710 годы государство получило дополнительный доход более миллиона рублей» [43, с. 210].

Корова стоила 1,5 рубля. Таким образом, это будет что-то порядка: 666 666 коров. Что-то сильно напоминающая цифра. Случайно ли?

Помимо того налоги были введены по следующим пунктам:

«1. “Орленая” бумага (все официальные документы, от договоров по мелким сделкам до прошений в гос. учреждениях, должны были подаваться на гербовой бумаге).

2. Сбор на рождение (родился ребенок — плати).

3. Сбор на похороны (помер близкий — плати).

4. Сбор на заключение брака.

5. Сбор на составление завещания.

6. Налог на пшеницу.

7. Налог на свечи.

8. Налог с владельца лошади.

9. Налог на конскую шкуру (сдох у тебя конь, ободрал ты его — плати).

10. Налог на конские хомуты.

11. Налог на упряжные дуги.

12. Налог на ношение бороды.

13. Отдельный налог на ношение усов.

14. Каждый десятый поросенок от каждой свиньи должен сдаваться в казну.

15. Налог на домовладение (в Москве).

16. Налог на ульи (по всей России).

17. Сбор с покупки кровати.

18. Банный сбор (с каждой баньки).

19. Мельничный сбор и сбор с владельца постоянного двора.

20. Трубный сбор (есть у тебя печь с трубой — плати) [вот откуда берет начало проевшая нам сегодня всю плешь *черная хата!!!* — А.М.].

21. Сбор с дров, купленных для собственного употребления.

22. Налог на орехи (купил орехи, а в их цену включен и налог).

23. Налог на арбузы.

24. Налог на огурцы.

25. Налог на питьевую воду.

26. Налог на продажу лошадей.

27. Налог на частные рыбные ловли.

28. Налог на покупку гробов.

Кроме того, источником вышибания денег стали так называемые казенные монополии на тот или иной продукт или товар, над производством или продажей которого государство осуществляло контроль и по своему усмотрению регулировало на него цену. В этот перечень входили: все виды спиртного, смола, деготь, рыба, рыбий жир, масло, мел, ворвань, поташ, ревень, свиная щетина, сибирские меха, шахматы, игральные карты, лен, табак, соль (что до соли, ее указом от 1705 г. предписывалось продавать со стопроцентной «накруткой», и люди, которым не по силам было платить бешеные деньги, из-за отсутствия соли болели и умирали).

Однако и этого не хватало, чтобы прокормить государственных монстров, отрицавших все нормальные законы экономики, грянуло невиданное в России новшество — подушная подать, как и многие иные нововведения Петра, позаимствованная во Франции. Вместо принятой раньше податной единицы, “двора”, отныне брали с каждой живой души — от младенцев до стариков. Эту систему отменил лишь в 1887 г. Александр III...

Петр тем не менее не достиг в увлекательном деле измышления все новых податей подлинных высот. Во время Отечественной войны немецкие оккупанты в Белоруссии брали налог за каждое окно в избе, а также налог на собак и кошек. В свое время Петр отчего-то не обратил внимания на столь заманчивые статьи доходов, и, слава Богу, не исключено, что в этом случае на Руси вовсе перевелись бы собаки и кошки [но сначала перевелись бы люди — А.М.]...

Стоит еще добавить, что попутно сдирали колокола с церквей, дабы переплавить их на пушки, забривали в солдаты монахов...

Подобное налоговое ярмо требовало драконовских мер для его выполнения, а потому по всей стране были расквартированы войска, которые и взяли на себя функцию сборщика налогов.

Выглядело это так. Была произведена “раскладка полков на землю”, и по всей стране разместили воинские части, которые население обязалось взять на полное содержание. Денежки должен был вышибать особый комиссар, избиравшийся из дворян данной губернии. Полк, разместившийся в конкретной местности, не только жил за ее счет, но и брал на себя массу полицейских функций...

Тяжелее всего приходилось при сборах подушной подати, которую собирали земские комиссары с прикомандированными к ним воинскими отрядами. “Каждый объезд продолжался два месяца; шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом страхе под гнетом или в ожидании вооруженных сборщиков”.

В Казанской губернии менее чем через два года этакого военно-финансового хозяйствования полк не досчитался при очередной ревизии 13000 душ — более половины всех числившихся по бумагам налогоплательщиков. Народишко попросту разбежался...» [15, с. 377–380].

И было с чего:

«Можно только недоумевать, — пишет Ключевский, — откуда только брались деньги у крестьян для таких платежей» [238, с. 107].

Можно. Потому как страх вообще как-либо лишний раз соприкоснуться с петровским «правосудием» заставлял человека снимать с себя последнюю рубаху лишь бы оказаться

подальше не только от него самого, но и от его скорпионов, приставленных для откачки народной крови.

Да, горели часто и даже угорали от топки печей по-черному. Брауншвейгский посол Вебер вот, например, что сообщает об одном из таких городков, где выплачивать налог на трубы местные жители возможности просто не имели:

«Валдай-городок менее значительный, и дома в нем, равно как и в других посредственных городах и местечках, деревянные, выстроенные из бревен, сложенных одно на другое и подверженные весьма частым пожарам, потому что очень немногие из них имеют трубы» [401, аб. 302, с. 1350].

А не имеют потому, что царь-кровосос изобрел этот пресловутый «трубный сбор».

Датский посол Юст Юль тематику обкладывания страны налогами Петром в своем дневнике от 8 августа 1710 г. сопровождает вот какой фразой:

«Любопытно, что нет ни одной статьи (народных) доходов, которой царь не монополизировал бы и с которой не получал бы свои доли. Так, между прочим, в Петербурге перевозки между островами, из посада в посад сдал одному проживающему здесь князю, платящему с них пошлины по 400 рублей в год. Каждая рыболовная сеть, которую бедняк снискивает себе пропитание, и та обложена здесь ежегодным сбором за право ловить рыбу» [293, с. 196].

Но аппетиты Петра с каждым годом лишь возрастали. И вот что сообщается о системе им налогообложения в данной области 1720 году:

«...доходов он имеет столько, сколько хочет и у кого хочет взять насильно. Перевоз в Петербурге дает в месяц 9 000 рублей» [397, с. 154].

И вот что собою представлял Петербург:

«...он весь окружен реками и каналами, через которые нет мостов, и поэтому всем приходится плавать водой¹» [396, с. 165].

А перебираться с острова на остров, опять же, Петр требовал исключительно под парусами. Вот что сообщает на эту тему Фридрих Христиан Вебер, брауншвейг-люнебургский посол, прибывший в Петербург в феврале 1714 г.:

«Царь повелел обнародовать указ, чтобы как только сойдет лед, никто, под опасением тяжкого денежного и телесного наказания, не смел плавать по Неве на веслах, но чтоб постоянно употребляли паруса; и хотя с людьми случались ежедневные несчастья, и царю предлагали собрать большую пошлину за устройство моста на судах, но он ничего не слушал и хотел силою принудить своих Русских к изучению маневров на парусах» [400, аб. 33, с. 1068].

Повинных же в нарушении нещадно штрафовал. В своем дневнике от 19 ноября Юль записал. Сегодня:

«Царь встретил на фарватере — и завернул назад — около тридцати шлюпок, которые, вопреки изданному им здесь когда-то положению, шли при благоприятном ветре не под парусами, а на веслах. Лодки (нарушающие это положение) платят (штраф в размере) 5 рублей с весла. Означенные шлюпки будучи приведены на веслах обратно (в Петербург), были задержаны, (и с них) за провинность потребовали штраф. На одной из них, шестивесельной, шел вице-канцлер Шафиров; на двух других десятивесельных, великий канцлер Головкин и его свита. Задержали и мою десятивесельную шлюпку, на которой я послал по делу на тот берег одного из моих людей, и меня пригласили уплатить 50 руб.» [293, с. 221–222].

И таковых шлюпочек три десяточка! То есть за один раз Петр, при посредстве лишь одного из сотен своих премилых указцев по обиранию, опорожнил карманы своих верноподданных, и даже попытался выскрести карманы посланника союзной ему державы, где-то на сумму под полторы тысячи рублей.

Прибрал он к рукам, что отмечает князь Куракин, и игорный бизнес:

¹ Мост (плашкоутный) через Большую Неву впервые был наведен в 1727 г.

«отданы на откуп: карты, тавлеи, шахматы, юла [рулетка — А.М.], кости и всякие игры денежные, чтоб не явя тех инструментов, и не заклейма, и не заплатя пошлину, не играли; а заплатя пошлину, вольно играть» [373, с. 252].

Вот еще очередная статья дохода с оккупированной им страны:

«При всякой купле, что бы ни составляло ее предмет — сено ли, жито, дрова, лошади, овес, — с продавца равным образом взимается десятая деньга с их (стоимости), причем все крупные покупки (на сумму) свыше одного рубля записываются в особом определенном на то приказе» [293, с. 256].

Вот еще очередная статья дохода Петра, напоказ всем выставяющего кем-то зачем-то штопаные свои носки. Корб сообщает, что петровским:

«...законом предписано, чтобы всякую находку доставляли в приказ; здесь записывали имя принесшего, и день, когда найдена и доставлена вещь; предметы неодушевленные хранятся в приказе, а животные в царской конюшне. Таким образом, если кто потерял какую-нибудь вещь, тот обращается в приказ, а если пропало животное, отыскивает оно в царской конюшне, и когда отыщет и докажет, что оно ему принадлежит, может взять оно за легкий и сносный выкуп. Так, когда у одного из наших за несколько дней пред сим пропала лошадь, чрез приказ она была возвращена, и за это нужно было заплатить наперед три рубля» [283, с. 504–505].

А вообще лошадь по тем временам, между прочим, стоила, в зависимости от ее породы, от 5 до 15 рублей. То есть две трети от цены должен был отдать любимец Петра — иностранец, ничуть при этом не опасющийся за свою жизнь. Однако ж деньги отдавались вперед. Потому, окажись эта где-то «обнаруженная» «птенчиками» лошадь не его, или не сумеи доказать он ее принадлежность, то к потери лошади пришлось бы приписать и две трети цены уже лошади новой.

Однако ж рискнул бы кто из простолюдинов в те времена, красочно описанные в предыдущей главе, вообще и пытаться обращаться в петровского толка «правосудие»?

Вряд ли. Уж больно рискованное это занятие. А потому, следует присовокупить и ко всем уже перечисленным видам налогов, еще и этот — на чего-либо пропажу. Здесь система просто внаглую грабила русского человека, не позволяя ему о пропавшей лошади или корове, или какой-либо вообще имеющейся у него вещи даже рта раскрыть. Ведь что стоило какому-либо «птенцу», укравшему у крестьянина его пасущуюся на лужку живность, присвоить ее себе? Кто рискнет с ним судиться в чаянии жажды справедливости?

И все это лишь в добавление ко всему уже перечисленному — от налога на печную трубу до налога на гроб от такой «распрекрасной» в петровском концлагере жизни.

А вот какова была цена лишь одного из всех перечисленных взиманий финансовых средств с русского человека.

На людей, не пожелавших расстаться со своей бородой:

«...указ о брадобритии, выпущенный Петром после возвращения из Голландии... предусматривал откуп — 100 рублей в год с купцов, 60 рублей с бояр, 30 рублей с прочих граждан» [14, с. 146].

А ведь это очень большие деньги. Мало того, грабеж граждан, упрямо остающихся непреклонными, продолжался до тех самых пор, пока они не ломались и не становились в строй к царю-антихристу.

Но как такие сумасшедшие деньги мог набрать простой крестьянин?!

Так от него, понимая, что это бесполезно, брадобрития особо и не требовали:

«...крестьяне платили сумму совершенно несопоставимую: всего 1 копейку при въезде в город и при выезде оттуда. А в деревнях... на бороды никто не покушался» [14, с. 146].

Так что зря нам сегодня пытаются внушить, что непреклонно остались в вере отцов исключительно староверы, единственные якобы в ту пору носители бород. Сбрил свои бороды, что выясняется, выделившись из среды русского народа, обасурманившись, лишь правящий класс:

«...смена одежды и брдобритие касалось от силы 3% населения» [14, с. 146].

Исключительно эту прослойку общества тогда заставили и переодеться:

«...подвергалось пени русское платье. У городских ворот приставленные целовальники брали за него с пешего по 13 алтын 2 деньги, с конного по 2 рубля» [51, с. 650].

Много это или мало?

Этими драконовскими мерами у конного, не желающего превращать себя в ряженого клоуна, практически отбирали его лошадь!

Вот что грозило русскому человеку за нежелание попугайствовать за границе:

«...штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с небритой бородой и усами, нещадно били батогами. У строптивых вырывали бороды с корнем... Купцам за торг русским платьем — кнут, конфискация и каторга.

В довершение всему русским людям насильно воткнули в зубы трубку и заставили курить табак, что русские рассматривали как тяжкий грех» [182, с. 110].

Низы Петру, что нам очень распрекрасно известно, так и не покорились, продолжая: носить бороду и русское платье, наотрез отказываясь курить.

Верхи же, понятно дело, не желая терпеть зла от петровских соглядатаев, со временем, переоделись по требуемой Петром моде. А кто не пожелал потворствовать капризам царя-антихриста, перестал находиться в верхах — только-то и всего.

Но отступление в малом всегда порождает отступление и в большом:

«После Петра служилые верхи и податные низы понимают друг друга все хуже. У них складываются разные системы ценностей и представления о жизни, и они все чаще осознают друг друга как представителей едва ли не разных народов» [14, с. 147].

Так и была Петром поделена Россия на два враждебно друг к другу настроенных лагеря. Одним из них стала обритая, переодетая и переобученная под инородчину некая наднациональность, состоящая из правящего страной сословия. Их интересы защищала также переодетая и также обритая армия. Всех их объединяло и еще одно свойство: отречение от веры отцов, что, собственно, и являлось стержнем произведенного Петром реформирования. И вся энергия раскручиваемого маховика этой пресловутой «России молодой» была направлена на подавление исконной веры русских, а также на подавление всех тех, кто этому произволу незаконного монарха способен хоть сколько-нибудь противиться.

Потому население страны, чтобы отбить у него охоту к сопротивлению, для начала требовалось обобрать до нитки: голодный человек, что прекрасно известно все смуты затевающим «мудрецам», просто обречен на поражение при любом даже самом отчаянном сопротивлении. Ведь большевики именно так и поступили с захваченным ими населением огромной страны. Но большевики не являются первооткрывателями глубинного знания тоталитарного управления людьми. Средства для низведения населения в самое ужасающее состояние прекрасно знал еще и Петр. Чем был занят в самом начале своих «славных дел», учреждая просто кабальную систему налогообложения: даже монгольские баскаки не могли бы похвастаться тем разором, который принесла его экономическая политика. И это все потому, что:

«Прежде Петра никто не додумался до оккупации *собственной* страны...

...Петровская армия вела себя в России, словно в завоеванной...» [15, с. 380–381].

Но кроме полицейской армии, буквально оккупировавшей страну, были и иного рода дармоеды, которые терзали отданные им территории с проживающими на них людьми уже на свой лад:

«Царские чиновники под предлогом сбора казенного дохода притесняли и мучили жителей, пользовались случаем брать с них лишнее: удобным средством для этого служил правож. Со своей стороны ожесточенные жители открыто сопротивлялись царским указам, собирались толпами, били дубьем чиновников и солдат» [51, с. 650].

«Платежом подушных денег земские комиссары и офицеры так притесняют, что крестьяне не только пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посеянный хлеб отдают и оттого необходимо принуждены бегать за чужие границы» [15, с. 383].

После чего, как свидетельствует австриец Оттон-Анетон Плейер:

«...все становится тяжелее, съестные припасы с каждым годом поднимаются в цене, хлеба не так много, возовые лошади, которые должно употреблять для разной перевозки припасов, становятся реже, потому что на них надобно отправлять подводы и военные повозки в военный стан, а назад их приходит оттуда немного...» [290, с. 401].

Так что «стройки века» пожирают не только людей, но и лошадей. Оттого всеобщая безкормица, разорение и голод.

Вот как описывает систему этого грабежа, изобретенного Петром, Страленберг. Все дело в том, что Петр, не желая сам ни во что вникать, ведь для этого надо хоть на недельку бросить пьянствовать, чего он сделать, являясь врожденным алкоголиком, ну уж никак не смог бы, сбор податей отдал на откуп губернаторам. Они же, став арендаторами временщиками, стремились из отданных им на ограниченное время пользования земель вытряхнуть все возможное и невозможное. И, по-преимущественности, в как можно более сжатые сроки. Ведь у Петра на недели слишком много пятниц. О чем они знали прекрасно, а потому стремились урвать свое, пока за воровство от кормушки еще не отстранили:

«...губернаторы или арендаторы, получа места, вымышляли к обогащению своему способы с немалым подчиненных разорением: когда надлежало комиссаров, подьячих и других чинов посылать для собрания податей, то посылались оные в такое время, когда крестьяне упражнялись в своей работе и денег не имели, отчего принуждены были они продавать лошадей, скот и хлеб свои за половинную цену или комиссарам для пособления в том немалые давать подарки, отчего впоследствии, что крестьяне, распродав свой скот, убегали из жилищ своих. А так как в государстве ни у какого дворянина пристанища им невозможно иметь было, то больше ста тысяч ушло за границу в Польшу, в Литву, в Турки и Татары, где они, получа лучшие вольности, поселились деревнями» [306, с. 123].

И, кстати, очень не зря губернаторы так торопились. Ведь в 1715 г. Петр, когда понял, наконец, что наделал, учинил ревизию. Оттого многим непоздоровилось:

«...большая часть губернаторов отставлена, и пожитки их обобраны, некоторым же учинено телесное и смертное наказание, а двум сенаторам за ложную присягу ужены были языки» (там же).

Видать наворовали не много, а, потому, и откупиться от запросов проверяющих чиновников было нечем. Однако же:

«...Меншиков, два брата Апраксиных, Кикин и многие другие, откупились великим числом денег и так остались при чинах своих» [306, с. 124].

Помогло ли чем это петровское «дознание»?

«Но челобитчики никакой из того пользы не получили, ибо новоопределенные губернаторы не лучше первых поступали... через оное знатные суммы собраны... от чего многие вотчины в конечное разорение пришли...» (там же).

Оттон Плейер:

«По тем же причинам в России стали гораздо реже и деньги, несмотря все на новые выдумки доставать их; но так как только те, кто поставлен для таких денежных вымогательств, получают от того больше прибыли, а царь меньше, то краю от того еще больше вреда» [350, с. 401].

«Населению не оставалось денег даже на соль. Даже в Москве и в той, — сообщает Ключевский, — многие ели без соли, цынжали и умирали» [238, с. 107].

«В начале XX столетия П.Н. Милюков, изучив петровские архивы, пришел к страшным выводам: уже к 1710 г. податное население (т.е. за вычетом дворянства, высшего духовенства и купечества — А.Б.) уменьшилось на одну п я т у ю . Конечно, в это число

входят и беглые, но все равно, не менее пятнадцати процентов податного населения России *погибло...*» [15, с. 383].

А так как подать в те времена собирали исключительно с мужчин, то здесь следует все-таки заметить, что в Великую Отечественную войну, когда наша страна потеряла убитыми на фронте 8% своих мужчин, урон населением России был понесен все-таки вдвое меньший!

Вот еще очередные цифры подсчетов потерь в правление в России царя-антихриста:

«Разгром, учиненный Петром, как более правильно называть его “реформы”, привел к гибели огромного количества людей.

Последней общей переписью перед Петровской эпохой была перепись дворов в 1678 году. Петр в поисках новых плательщиков податей провел в 1710 г. новую перепись. В результате переписи обнаружилось катастрофическое уменьшение населения, сообщает М. Ключков в книге “Население Руси при Петре Великом по переписям того времени”. Убыль населения, “если вполне полагаться на переписные книги новой переписи, отписки, доношения и челобитные, в 1710 достигла одной пятой числа дворов старой переписи; в ближайшие годы она возросла до одной четверти, а к 1715–1716 году поднималась выше, приближаясь к одной трети (то есть к 33%)”².

П. Милюков в “Истории государственного хозяйства” сообщает, что “средняя убыль населения в 1710 году сравнительно с последней Московской переписью равняется 40%”.

...в результате совершенной Петром революции население России уменьшилось на одну треть. Подумайте хорошенько, почитатели Петра, об этой ужасной цифре! Можно ли считать благодетельными реформы, купленные гибелью третьей части населения государства?» [238, с. 108].

Однако ж это было той «славных дел» эпохи лишь еще начало...

«Рекрут приводили в города скованными и держали, как преступников, долгое время по тюрьмам и острогам... пропитание им давали самое скудное, от этого между ними свирепствовали болезни, и многие безвременно умирали на дороге без церковного покаяния; другие же, от всевозможных лишений потеряв терпение, разбегались...» [51, с. 680].

Вот как описывает набор рекрутов датский посланник Юль. Дневник от 1 июня 1711 г.:

«Дорогою я повстречал множество крестьянских парней, идущих в Москву из города Севска. Это новобранцы, которых должны распределить по полкам. Они были закованы попарно в шейные кандалы» [293, с. 281].

«Всякая казенная служба омерзела в глазах русского народа... в начале 1715 года убежавших со станции из Москвы и с дороги было до двадцати тысяч» [51, с. 680].

Вот что на эту тему сообщает Оттон-Антон Плейер:

«...в России, однако ж, мало думают о сохранении солдата, так как плохое устройство и присмотр за необходимыми магазинами... главный недостаток, от которого войско чуть ни с каждым годом расстраивается больше, чем от самых жарких сражений...» [290, с. 402].

Оказывается, что разграбляемые «птенцами» магазины представляли собой вовсе не главный, но лишь очередной «недостаток», влиявший на численность петровского аника-воинства.

«...рекруты безпрестанно убегали со службы. Чтоб предупредить побег, их обязывали круговою порукою, грозили ссылкой за побег рекрута его родителям... Но побег от этого не прекращались... Села пустели от многих поборов, беглецы собирались в разбойничьи шайки, состоявшие большею частью из беглых солдат. Они нападали на владельческие усадьбы... грабили и сожигали их...

...Города Псков, Торжок, Кашин, Ярославль и другие дошли до такого разорения, что современники находили едва возможным поправиться им в течение пятидесяти лет.

² М. Ключков. «Население Руси при Петре Великом по переписям того времени». Том I. СПб., 1911.

Много народа вымирало, много разбегалось. В 1711 году насчитывалось в этом крае 89 086 пустых дворов» [51, с. 664].

«В Казанской губернии один из полков недосчитался всего за 2 года половины тех, кто должен был их содержать: “ушли в бега” больше 13 тысяч душ» [14, с. 129].

«Народ постоянно всеми способами убегал от службы, и царь издавал один за другим строгие указы для преследования беглых... Но беглых солдат было так много, что не было возможности всех казнить, и было принято за правило из трех пойманных одного повесить, а двух бить кнутом и сослать на каторгу. С не меньшей суровостью преследовали беглых крестьян и людей. Передерживавшие беглых такого рода подвергались смертной казни. Беглецы составляли разбойничьи шайки и занимались воровством и грабежом. Принято было за правило казнить из пойманных беглых крестьян и холопов только тех, которые уличены будут в убийстве и разбое, а других наказывать кнутами, налагать клейма, *вырезывать ноздри. Последний способ казни был особенно любим Петром. В его бумагах остались собственноручные заметки о том, чтобы инструмент для вырезывания ноздрей устроить так, чтоб он вырывал мясо до костей*» [51, с. 651].

То есть уродовать и мучить людей для этого монстра являлось самой приятнейшей из забав. Что подтверждено, как здесь сообщает Костомаров, даже документально.

«Неудовольствие было повсеместное, везде слышался ропот, но везде бродили шпионы, наушники, подглядывали, подслушивали и доносили. За одно неосторожное слово людей хватали, тащили в Преображенский приказ (Преображенский приказ ведал политическим сыском), подвергали неслыханным мукам» [51, с. 651].

«Невыносимые поборы и жестокие истязания, которые повсюду совершались над народом при взимании налогов и повинностей, приводили народ в ожесточение. Народ бежал на Дон и в украинные земли, по рекам Бузулуку, Медведице, Битюгу, Хопру, Донцу завелись так называемые верховые казачьи городки, населенные сплошь беглецами» [51, с. 653].

Но и не только Украины принимали покидающее Россию население:

«Народ толпами уходил за границу, и по указу 26 июня 1723 года устроены были по границе заставы. Польскому правительству написано было, чтоб оно, со своей стороны, назначило комиссаров для поимки и отсылки в Россию бежавшего в Польшу русского народа. Расставленные на границах драгунские полки не могли сладить с беглыми, которые уходили за рубеж с ружьями, рогатинами и, встречая на рубеже драгун, готовы были биться с ними, как с неприятелями; другие же толпами успевали пройти мимо застав» [51, с. 749].

К тем же, кто не успевал убежать, применялись следующие меры воздействия:

«Неоплатных казенных должников с 1718 года стали отправлять с женами и детьми в Петербург в адмиралтейство, оттуда годных мужчин рассылали на галерные работы, а женщин — в прядильные дома, детей же и стариков — на сообразную с их силами работу, все они должны были отрабатывать свой долг казне... Их кормили наравне с каторжниками... Случалось, однако, что таких отрабатывающих свои долги удерживали и после срока...» [51, с. 683].

Однако же, думается, при бытовавших тогда отношениях Петра к скованным по рукам и ногам людям, таких, на момент окончания отработки задолженности, оказывалось уж слишком немного...

Так что все нам расписанные «преобразования» «преобразователя» ни чем иным как самым настоящим *геноцидом* именовать просто нельзя.

При подобных поборах русскому человеку, чтобы не умереть от голода, приходилось убирать дымовыводящую трубу и жить в грязи, саже и дышать угарным газом, ломать свои собственные бани, прекращать высаживать огурцы. Даже для покупки гробов для умерших своих близких от такой страшной жизни денег не всегда можно было найти.

А нас всегда попрекали этой самой топящейся по-черному хатой! Так вот откуда она вообще берет свое начало — с петровского ограбления русского человека непосильными поборами, когда следовало выбирать между грязью и смертью. И, выбирая жизнь, русский человек переходил на топку избы *по-черному*...

Но этот временно используемый вынужденный прием, направленный против голодной смерти своего семейства, ввиду полной невозможности выплаты еще и этого налога, теперь вменен нам в якобы извечную нашу чуть ли ни врожденную чумазость! И окажись Петр чуть расторопнее фашистов, нашим оболгателям можно было бы уже сочинять саги о том, что русские-де и окон-то в своих избах не прорубают — им, де, не зачем — они читать все равно не умели и не умеют.

Однако ж для выживания от спустившегося бремени налогов пришлось бы не только рубить себе избы-чуланы западного образца, но заколачивать уже имеющиеся окна.

Вот где лицо этой самой их западной цивилизации! Вся их чумазость отталкивается от привычки сидеть в грязи и в потемках. И если они видят, что есть люди, которые распознают в этих варварах грязных неандертальцев, то у них тут же вспыхивает острое желание этих людей приравнять к себе: запретить бани, печные трубы, окна и т.д.

А суммы из России вышибались Петром поистине астрономические. Не мог русский человек сидеть в грязи — за то и расплачивался своей кровью.

И вот еще какой особенностью перед всеми иными монархами Европы выделялся Петр: пятки его шерстяных носков, явно напоказ, всегда были кем-то старательно заштопаны. Это могло внушать окружающим мысль о бережливости с его стороны, явно, как выясняется, мифологической. Эта чисто пропагандистская, весьма топорная с его стороны фальшивая уловка просто смешна: один только Меншиков в одни только английские банки упрятал целый годовой бюджет огромной страны! Да и сам Петр никак не меньше вбухал в одно только свое первое путешествие по заграницам, когда «делам» этим своим, впоследствии столь поимевшим *славу*, причем достаточно *дурную*, у него в Саардаме было положено начало в койке с горничной. Да и дипломов он там себе фальшивых с десяток прикупил, да бражничал, да кутил... Так что просадил он тогда, всего за одну свою поездку, тоже будь здоров: отнюдь не менее, нежели Меншиков за всю свою жизнь уложил в английские банки!

А сколько транжирили «птенцы», разворовывающие страну за его спиной?

Зато пятки у копейных носков их хозяина сверкали латками всем напоказ...

А для того, чтобы «птенчикам» было что воровать, нужно было откуда-то все же изыскивать средства. Тому и способствовала проводимая Петром *финансовая политика*.

«...почти всегда она откровенно отвратительна...

...Вместо того чтобы изыскивать способы увеличить производительность тех источников дохода, которые уже существуют и соответствуют производительным силам страны, он выбирает политику финансового вымогательства, облагая наудачу все, что кажется ему подлежащим обложению... с 1678 года, со времени последней переписи, число подлежащих обложению имуществ сократилось на одну пятую. На севере потеря доходит до 40%» [16, с. 504–507].

То есть политика Петра по отношению к своим подданным была столь безчеловечна, что введенный им впоследствии еще и подушный налог, когда каждая вновь рожденная душа уже с пеленок подвергалась поборам, не стал каким-то особым нововведением этого страшного человекообразного существа, развернувшего геноцид русского народа еще задолго до своих коммунистических последователей. И точно так же, как его последователи отдали власть в нашей стране потомкам Ханаана, Петр отдал ее созданным со всех концов света инородцам. А от того ненависть русского человека к иноземцам столь возросла, что любая даже самая стихийная случайность могла стоять этим пирующим на нашей крови инородным пиявкам жизни.

Это распрекрасно понимал и сам дирижер вводимого Петром чужебесия, Лейбниц. Он по этому поводу писал:

«Я боюсь, чтобы в случае его [Петра — А.М.] гибели, у Русских не возобновилась прежняя ненависть к иностранцам, которым Петр покровительствует...» [390, с. 36].

И было чему побаиваться главному стратегу по построению концлагеря в Российском государстве. Вот, например, какими событиями был отмечен Астраханский бунт:

«...во время случившегося мятежа в 1703 г. в Астрахани все чужестранцы, находившиеся в этом городе, сделались жертвою мести и были изрублены...» [329, с. 64].

Может, потому Петр и учредил строительство своей синтетической, инородной русской державе столицы в местах исконного обитания шушеры чухонской — подальше от пределов исконного проживания русского человека? Ведь сосавшие из нас кровь иностранцы и полуиностранцы очень сильно рисковали своим здоровьем. Что и случало не единожды в наших центральных губерниях. Но, что выясняется, страшно им было даже вдали от земли русских людей — на гиблых болотах в городе кровососе. А потому:

«В момент смерти Петра дипломатический корпус считал опасным положение свое и всех живших в Петербурге иностранцев, так как можно было опасаться насилий со стороны черни, умиравшей с голода... (Депеша Кампродона от 6 февраля 1725 г.)» [16, с. 510].

Но и еще за три года до этого обстановка в окрестностях столицы выглядела слишком накалившейся, чтобы иностранцы могли не опасаться за свою жизнь:

«...голод и побегии приводили к размножению разбоев. Летом 1722 года дошло до царя, что на Оке и на Волге разбойники убивают хозяев, грабят товары, а наемные работники на купеческих судах не только не обороняют своих хозяев, но еще сами подговаривают разбойников. Около самого Петербурга не было проезда за разбойничьими шайками; а одна из этих шаек, доходившая, как говорят, до 9 000, под командою отставного полковника помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и все военные склады и перебить всех иностранцев» [51, с. 750].

И очень жаль, что в город-кровосос все же не нагрязнул тот отставной полковник и не раздавил этот созданный Петром нарыв, который гнил затем еще очень долго, вплоть до большевицкой революции.

А может, и есть в том какой-то высшего порядка смысл, что вся эта распложенная «преобразователем», жирующая на нашем горе орава дармоедов, в конце концов, сама же себя в 1917 году, словно Иуда к петле, и приговорила к смерти? Поистине: как аукнется, так и откликнется.

«...ближайшим результатом реформы было устройство выгодных мест, из-за которых ссорились любимцы государя, которыми они торгуют и дорого оплаченное получение которых побуждает должностных лиц возмещать расходы за счет подчиненных. Если на них донесут, что редко случается, так как торговцы эти держатся настороже, то они выходят из затруднений по-турецки, предлагая господину долю взятки. Принятая Петром система стремится сделать из губернаторов что-то вроде откупщиков податей (fermiers genéraux), с почти неограниченной властью для добывания средств, из которых взималась требовавшаяся огромная военная контрибуция» [16, с. 518].

«Сохранились безчисленные докладные записки о бедственном состоянии государства, невероятных тяготах налоговых, вымирании населения до такой степени, что не из кого было набирать рекрутов...» [161, с. 175].

Вот, например, как описывает свое путешествие по петровской России посол Дании Юст Юль (1709 г.):

«...пристав, всегда ехавший с несколькими солдатами впереди, занимал силою дом, который ему больше нравился, приводил его к моему приезду в порядок, топил, выгонял из него (хозяев) и вполне завладевал всем, что там было... В случае поломки саней или (порчи) сбруи солдаты силою отымали у крестьян все, что было нужно, так что мне ни о чем не приходилось заботиться. В России крестьяне... так боятся солдат, что... без прекословия готовы отдать добровольно все, лишь бы избежать их побоев...» [293, с. 104].

Хорошо, если только побоев. Ведь эти «птенчики», о чем гласит лишь безликая статистика, уничтожили практически все взрослое мужское население России!

«...число бродяг все росло. Это было следствием общих условий, слишком тяжелых, слишком жестоких... карали за подачу милостыни штрафом и присуждали к кнуту... В 1719 году за это преступление ежедневно наказывали кнутом³... Это очевидное доказательство, что средство было недействительно» [16, с. 526–527].

И тут Валишевский прав. Вот если бы за это расстреливали, четвертовали или вешали, как за вязанку хвороста, что Петром было введено в окрестностях строящегося его детища — города-монстра, то, может быть, число желающих не дать доведенным до нищеты антирусской властью людям умереть с голоду несколько и поубавилось бы...

Эта наша неспособность к черствости сердца, которая ни первому к нам пожаловавшему антихристу, ни даже его двухсотлетней давности последователю не позволила из народа-богоносца сконструировать вырожденческую богоборческую нацию — и есть наша столь непробиваемая защита, которая и составляет основную часть менталитета истинно русского человека.

Да что там кнут! Даже под страхом смерти не помочь умирающему от голода человеку мы так никогда и не сможем. Об этом Петр, в силу его менталитета, полностью противоположного нашему, не мог и догадываться. Такого чувства в его генах заложено не было. Он не являлся человеком. Он был зверем. И это еще раз подтверждает лишь только тот факт, что он не имел обычно присущей его приятелям-королям страсти к охоте на зверей.

Но пристрастие к утехам с кровавыми последствиями он все же имел. Это была тоже охота. Только несколько иного свойства — *охота на людей*...

«В марте 1711 г. Петр сделал доносительство *официальной* государственной службой. Было создано особое ведомство из чиновников-доносчиков, названных фискалами, состоявшее из пятисот человек, а во главе их стоял обер-фискал, в чью задачу входило “выведывать случаи злоупотребления и доносить на виновных Сенату, невзирая на чины и звания”. Доносительство стало *профессией* — даже большевики этого повторять не стали, держа своих многочисленных стукачей “за штатом”...» [15, с. 390–391].

И эта профессия, на Руси до того времени совершенно невиданная, приносила немалый доход:

«...в случае правильности доноса половина штрафа шла в пользу фискала, в случае же, если донос оказывался ложным, предписывалось фискалу “в вину того не ставить”» [15, с. 391].

То есть обливать грязью им было разрешено кого заблагорассудится. Однако ж если компромат имелся слишком достоверный, то более выгодно было его запродать самому обвиняемому и разойтись с ним по-турецки.

Но одними фискальными службами законодательство Петра не ограничивалось:

«Поняв наконец что с казнокрадством и взяточничеством (вызванными к жизни его же реформами) обычными средствами не справиться, Петр создал особые комиссии по расследованию. Каждая состояла из гвардейских офицеров — майора, капитана, поручика, которым было приказано рассматривать дела и вершить суд не по закону, а “согласно здравому смыслу и справедливости”».

Известно, что творится, когда огромные полномочия получают люди, каждый из которых имеет *свой* здравый смысл и по-разному понимает справедливость... Брауншвейгский посланник Вебер писал: “...члены почтенного Сената, куда входили главы знатнейших родов из всех царских владений, были обязаны являться к какому-то лейтенанту, который судил их и требовал от них отчета”.

...эти самые гвардейские офицеры сплошь и рядом совершенно не разбирались в сложных делах, которые им предстояло решать “по справедливости”. Об их поведении

³ Костомаров, История России, т. II, с. 629.

наглядный пример дает жалоба фельдмаршала Шереметева, к которому неожиданно оказался приставленным гвардии сержант Щепотьев. И не просто соглядатаем — Щепотьев привез с собой адресованную фельдмаршалу царскую инструкцию, где говорилось, что Щепотьеву “велено быть при вас некоторое время, и что он вам будет доносить, извольте чинить”. Другими словами, фельдмаршалу предлагалось следовать приказам сержанта...

Сохранились письма Шереметева своему свату Головину. В одном он жалуется: “Он, Михайло (Щепотьев — *А.Б.*), говорил во весь народ, что послан он за мною смотреть и что станет доносить (приказывать — *А.Б.*), чтоб я во всем его слушал”. Строчки из второго письма: “Если мне здесь прожить, прошу, чтоб Михайло Щепотьева от меня взять... непрестанно пьян. Боюсь, чево б надо мной не учинил; ракеты денно и ночью пускает, опасно, чтоб города не выжег”. Судя по сочувственному ответу Головина, репутация Щепотьева была всем известна — как самая незавидная.

Если так поступали с фельдмаршалом, одним из любимцев Петра... легко представить, как куражились над менее высокопоставленными чинами облеченные высочайшим доверием гвардейцы. Даже на заседаниях Сената, считавшегося высшим правительственным учреждением, постоянно присутствовал гвардейский офицер, чтобы своей властью отправлять в крепость тех, кто на заседании станет вести себя “неподобающе и неблагопристойно» [15, с. 389–390].

На что такое похоже?

Так это же «святая» фем! Но лишь с тем маленьким отличием, что у немцев ее суды вершились под покровом таинственности, а Петр выволок ее из подземелий аж в Сенат!

Каково чувствовалось себе самим сенаторам, вроде бы как всей огромнейшей страны владыкам, если над шеей каждого из них постоянно нависало лезвие петровской гильотины в виде приставленного к их заседаниям какого-то полупьяного капрала-выдвиженца, и что на уме у него — вряд ли кто мог даже приблизительно определить.

А у капрала этого, о чем свидетельствует Страленберг, в голове вообще ничего не было. Кроме сурового приказа — карать. И он карал:

«Что касается суда и расправы в следствиях, то оно таким порядком учреждено было, что никакой ответчик, хотя б он невиновен был, не мог ко оправданию своему надежды иметь, ибо судящие его особы были все офицеры гвардии, которые никаких других прав, кроме военных артикулов, где малые дела жестокому телесному и смертному наказанию подвержены, не знали, за что от государя жалованы им были пожитками и именьями осужденных» [306, с. 124].

Так что и они расправлялись со своими жертвами, отдаваемыми им Петром в полной независимости от вины осуждаемых, совершенно не безкорыстно. Потому спасти попавших на их судилище сановников могли лишь такие суммы денег, которые существенно превышали бы цену их собственных имений. То есть погибал тот из «птенчиков», кто не успевал ко времени своего привлечения к ответственности наворовать столько, сколько хватило бы ему на откуп в случае над ним суда. Потому разграблялось имущество русского крестьянина даже не потому, что «птенчики» являлись такими уж конченными изуверами, но лишь потому, что прекрасно зная повадки своего господина, зверя в человеческой шкуре, они стремились прежде всего своим воровством обезопасить самих себя.

Так что при Петре вообще никто во всей стране не мог чувствовать себя в безопасности: награбленный капитал, при возникновении неурядиц с соглядатаями, конечно же, помочь мог. Но ведь мог и не помочь! Ведь все, опять же, то есть сама жизнь или смерть практически любого придворного вельможи, зависела от чьего-то аппетита. А кто мог бы заранее этот аппетит, ну, хотя бы приблизительно, как-то посчитать? Потому в постоянном страхе за свою жизнь в это царствование пребывали вообще все.

Но оно и понятно, ведь полномочия у этих посланцев, выбранных Петром, не имели вообще никаких пределов:

«Посланным в провинцию гвардейцам предписывалось “губернаторам непрестанно докучать”, чтобы они неотложно исполняли царские требования, в противном случае гвардейцы должны были “как губернаторов, так и вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги и на шею положить цепь, и по то время не освобождать, пока они не изготовят ведомости (отчетность — А.Б.)”. В 1723 г. в Твери за волокиту со сбором налогов тверского воеводу вкупе с прочим высшим начальством долго держали в оковах по распоряжению гвардейского *рядового* солдата, нагрянувшего из Петербурга. *Солдат* Преображенского полка Пустошкин посадил на цепь московского вице-губернатора Воейкова, имевшего чин бригадира (средний меж полковником и генералом) — а вдобавок чуть ли не всю губернаторскую канцелярию» [15, с. 390].

Если в центральных губерниях за недостаточное разорение русского человека рядовые уполномоченные от Петра генералов на цепь саживали, в попытке заставить их под страхом смерти выколотить из своего народа последние крохи, то что можно говорить о глухой провинции?

Потому там, чтобы не погибнуть с голоду, сидя все на той же цепи, русский человек стремился сбежать в лес, за границу, в горы — подальше от нагрянувшего на Святую Русь супостата, узаконившего полное разграбление и уничтожение русского человека на всех просторах огромной страны. И это касалось вообще всех, невзирая на чины и звания. То есть полная аналогия кровавого большевистского режима, когда в считанные недели редели целые кварталы с проживающими в них вроде бы и обласканными властью партработниками. И вчерашних палачей сегодня не спасали их бывшие революционные заслуги. Просто после выполнения ими своей Иудиной миссии пришла теперь и их очередь быть закланными на жертвеннике дорвавшегося до власти антихриста, который без человеческой крови обходиться просто не умеет.

Так что вся финансовая система Петра — Ленина основывается исключительно на уничтожении попавшего в ее тиски человека. То есть всеми этими «враждебными вихрями» всегда руководит отнюдь не глупость, способная обогащать или карать Меншиковых, Шустовых и им подобных, но расчетливая жестокость, основанная на массовом уничтожении людей, где Меншиковы и Шустовы являются лишь исполнителями, временно оказавшимися в фаворе. Назавтра их все равно поджидает Иудина петля: закон любой революции — «каждая революция пожирает своих детей» — не оставляет ее участникам никаких шансов. Они лишь исполнители звериной воли своих владык и, отслужив свой час в качестве халифа, каждый из них из палача обязан превратиться в жертву. Так что участь массово расстреливаемых в 1938-м комиссаров Ленина предвдваряет участь комиссаров Петра, которых от уничтожения, судя по всему, спасла лишь скоростная смерть своего сюзерена.

И вот какую кошмарную резервацию представляла по тем временам вздернутая Петром на дыбу страна, разворовываемая и умерщвляемая теперь еще и его «птенчиками» — наследниками «дел»:

«Петровские администраторы вели себя как в завоеванной стране... При каждом губернаторе были политкомиссары из гвардейцев. Ни один из губернаторов не был уверен, что завтрашний день пройдет благополучно. Лейб-гвардии поручику Карабанову Петр однажды дал поручение все губернские власти “сковать за ноги и на шею положить цепь”. В Москве один уполномоченный Петром унтер-офицер Посоткин, по словам дипломата Матвеева, “жестокую передрагу учинил... всем здешним правителям, кроме военной коллегии и юстиции, не только ноги, но и шеи смирил цепями”. В Вятку, как и в другие города, был послан уже простой гвардейский солдат Нетесов. Безпробудно пьянствовавший в Вятке Нетесов, “забрав всех как посадских, так и уездных лучших людей, держит их под земской конторой под караулом и скованных, где прежде всего были держаны разбойники, и берет взятки”» [238, с. 98].

Вот как подытоживает разговор на данную тему Ключевский:

«под высоким покровительством сената казнокрадство и взяточничество достигли размеров никогда не бывалых прежде — разве только после» (там же).

«“Помещиков и старост, — пишет историк Болотин (1735–1792), — отвозили в город, где их содержали многие месяцы в тюрьме, из коих большая часть с голоду, а паче от тесноты, померли. По деревням повсюду слышен был стук ударений палочных по ногам, крик сих мучимых, вопли и плач жен и детей, голодом и жалостию томимых. В городах бряцание кандалов, жалобные гласы колодников, просящих милостыню от проходящих, воздух наполняли”. В стране был голод, свирепствовали поваральные болезни, неистовствовала Тайная канцелярия, творившая суд и расправу по безчисленным наветам. Подымали “на дыбу”, били кнутом, рвали ноздри и вырезали языки у вовсе неповинных людей» [75, с. 120–121].

А вся эта некая «система общежития», прекрасно известная нам по прошедшим перед нашими глазами образцам военного коммунизма и фашизма, чье исполнение на практике было прекрасно осуществлено Робеспьером и Лениным, Гитлером и Пол Потом, имеет достаточно лаконичное название: *геноцид*.

И Петр, чисто физически уничтоживший половину мужского населения вверенной ему страны, драконовскими законами оставшуюся часть русских людей отодвинув за грань выживания, не просто прекрасно вписывается в вышеперечисленный список и даже не просто находится во главе его, но, показавшись в клубах дыма от американских небоскребов, указывает на занимаемое своею персоною в этом списке совершенно обособленное главенствующее место.

И даже если Петр умер, то совершенно напрасно некоторые полагают, что его больше нет:

«...как и полагается сатанинскому существу, Петр до конца не умер после своей физической смерти. Петр — единственный... после смерти окончательно превратившийся в беса» [14, с. 180].

Как и Ленин, который, и по сей день оставаясь в своем мавзолее, все еще тянет нашу страну в бездну, на которую ему указал оставивший свой мимолетный силуэт в дыму от американских небоскребов Петр.

Загадки родословной

Но почему же все-таки столь не соответствовала петровская ментальность русской? Почему привычки инородца, откуда-то вдруг появившиеся в его генах, столь смахивают на цыганку, взятую из детдома на воспитание, которая, чуть выучившись стоять на ногах, уже идет на промысел, сидящий у нее в крови?

Так ведь и внешне Петр на своих русских предков ну никак не походил. В чем здесь загадка?

Пробуем разобраться. Вот что о его происхождении сообщают тайные дознания Преображенского приказа:

«Какой он нам, христианам, государь? Он не государь, латыш: поста никогда не имеет (Дела Преобр. прик. 1705 года (ЦГАДА ф.371, Преображенский приказ, 1705 г., д.328, л.1–13; д.305, л.1–9; д.293, л.1–34; 1706 г., д.452, л. 1–12))» [124, с. 99].

И действительно. Вот свидетельство, например, его поведения в Великий пост очевидца — датского посла Юста Юля:

«Пост этот русские повсюду соблюдают весьма строго и неуклонно; исключение (составляют) лишь немногие из них... они следуют в этом (отношении) обычаям иностранцев и не считают грехом есть что случится. Таковы (сам) царь, князь Меншиков, адмиралтейц-советник Кикин и некоторые царские придворные» [293, с. 144].

Но и десятилетием ранее отношение Петра к русским постам было практически таким же. Свидетельствует голландский художник и путешественник Корнилий де Бруин (29 марта 1702 г.):

«Князь Александр [Меншиков — А.М.]... вместе с несколькими английскими и голландскими купцами, которых он опять угощал по желанию мясным и рыбным кушаньем, **невзирая на Великий пост**, доставив каждому из них полную свободу то или другое употреблять по выбору. Но **сам государь, равно как и сопровождавшие его, кушали только одно мясное**» [323, с. 69].

Но и многие иные отхождения от обрядов Русской Церкви были прекрасно видны со стороны петровского окружения практически невооруженным глазом. Вот, например, какое крещение принял сын Меншикова, вскоре умерший. Дневник Юля от 1 февраля 1711 г.:

«Крестили сына (у) князя Меншикова... чрез окропление, а не общепринятым в России способом... т.е. чрез погружение» [293, с. 237].

К сегодняшнему же дню, между прочим (вот в чем все коварство забравшегося в РПЦ большевицкого КГБ), чуть ли ни 90% всех крещенных в России людей крещены аккуратно по-католически — опрыскиванием. А мы еще удивляемся наступлению апокалипсических времен.

Но в те еще времена многое было не так. Потому, понятно дело, русский человек лишь еще по данному признаку, то есть по отношению к Православию (а Царство наше Русское не Православным и быть не может), не мог признать Петра за своего соотечественника.

Далее:

«...он лстец, антихрист, рожден от нечистой девицы, писано о нем именно в книге Валаамских чудотворцев, и что он головою запрометывает и ногою запинается, и что его нечистый дух ломает... (Дела Преобр. прик. 1705 года (ЦГАДА ф. 371, Преображенский приказ, 1705 г., д. 328, л. 1–13; д. 305, л. 1–9; д. 293, л. 1–34; 1706 г., д. 452, л. 1–12))» [124, с. 99]; [366, с. 148].

«Старец Александр передает убеждение очень многих священников и крестьян, что Петр родился от “нечистой девицы”⁴» [14, с. 83].

Ключевский:

«...в народе говорили про царя, что он враг народа, оморок мирской, подкидыш, антихрист» [166, с. 404–405].

«...да русский ли он? Он сын немки, — говорили одни. — Да, Лаферта, — подсказывали другие.

...какой он царь! Родился от немки беззаконной; он подмененный, подкидыш...» [167, с. 76].

А вот как темная родословная Петра засвечивается в изложении Костомарова:

«“Что это за царь? — восклицал на допросе в 1698 году один из арестованных. — Это — турок! Он в среду и в пятницу ест говядину... Жену заточил, с иноземкой живет!.. Невозможно, чтобы человек этот, для которого нет ничего святого в том, чем живет и во что верит вот уже сотни лет Святая Русь, рожден был от русских родителей. Он, наверно, сын немца. Это сын Лефорта и немки, им подменили в колыбели дитя Алексея и Натальи”⁵» [16, с. 546].

Вот еще свидетельство, вырванное под пыткой:

«...он, государь, подлинно подменной» [373, с. 319].

Такое вот мнение в пыточных застенках высказывает перед своей мученической смертью русский человек. Ему уже терять нечего, и он высказывает все то, что накопилось в душе народной о действительном происхождении этого царя, даже на внешний вид слишком мало чего общего имеющего с русским человеком.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII. М., 1962. С. 102.

⁵ Костомаров, Этюды в русской старине 1875, т. VII.

Но не только в застенках, но и на свободе подобное мнение о Петре сохранялось в народе русском, как всеобщее принятое:

«Поговаривали, что Петр вовсе не сын тишайшего царя Алексея Михайловича, а отпрыск самого Лефорта. Будто бы государь Алексей Михайлович говаривал своей жене царице Наталье: “Коль не родишь сына, учиню тебе озлобление”. Об этом знали дворовые люди. И когда царица разрешилась дочерью, а у Лефорта в это время родился сын, то, страшась государева гнева, втайне от царя младенцев разменяли» [210, с. 222].

Вот еще вариант вышеизложенного:

«Когда были у государыни царевны Натальи Кирилловны сряду дочери, и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на нее, на государыню царицу, разгневался: “Буде-де ты мне сына не родишь, тогда-де тебя постригу”... И когда-де приспел час ей родить дочь, и тогда она, государыня, убоясь его, государя, взяла на обмен из немецкой слободы младенца, мужеска пола, из Лефортова двора...» [367, с. 149].

Вот что сообщают об этом допросные статьи, на которые в пыточных подвалах давал показания Григорий Левшутин. Вот что, с его слов, говорил ему о происхождении Петра I Терентий Копытов:

«...нынешний царь не печется о народе, а печется о немцах, потому что-де он и сам ихней породы, а не царского корня. Истинно я это ведаю. Жил я в Москве и нас было человек двенадцать... с нами беседовал верховой священник, и сказывал мне и товарищам моим: “как-де воцарился государь и царь великий князь Алексей Михайлович, и совокупился с царицею Настасьею Кирилловною, и она-де государыня рождала царевен, и близ рождения он, государь, изволил ей, царице, говорить: «ежели-де будет царевна, я-де тебя постригу», и она-де государыня царица, призвав Артамона Сергеевича [Матвеева], сказала ему ту тайну, что царь на нее гневен; и когда родила царевну, и Артамон Сергеевич учинил сокровенно, взял из немецкой слободы младенца и подменил вместо той царевны, а царевну отдал в немецкую слободу, вместо того младенца...”» [404, с. 591].

А ведь и действительно все здесь сходится просто до самых последних мелочей. Ведь Артамон Матвеев является единственным русским человеком из окружения Алексея Михайловича, который, что доподлинно известно, был масоном. А потому, зная о рождении у его брата из Кукуевой слободы Лефорта мальчика, он без каких-либо проблем и совершил этот обмен. Потому-то и Петр, будучи урожденным иноземцем, столь любил все иноземное и самих иноземцев. Больше же всего среди них он любил Лефорта — своего настоящего отца. И был, как многие отмечают, похож именно на него.

Валишевский, очень серьезно покопавшийся в «грязном белье» Петра, сообщает, что бороденка у этого не похожего на русского человека царя, куцехвостая, словно у мулата, была:

«...очень редка...» [16, с. 175].

А ведь бороды не имеют или чистокровные монголоиды, например — калмыки, или чистокровные негры, каковыми и являлись некогда туземные жители Ханаана, завоеванные израильтянами.

Потому Петр, думается, чтобы спрятать от людских глаз эту свою явную от русского человека отличительную особенность, решил сбрить эту куцехвостенькую на своем подбородке растительность вообще. Но чтобы не выглядеть при этом белой вороной, принудил к тому и все свое окружение.

Ключевский сообщает, что Алексей же Михайлович, его якобы отец, напротив, обладал:

«...белым лицом, обрамленным красивой бородой, с пухлыми румяными щеками, русыми волосами...» [49, с. 382].

Лично видевший Алексея Михайловича Яков Рейтенфельс свидетельствует, что у этого царя:

«...глаза голубые...» [377, с. 3].

К тому же он обладал именно:

«...русой бородой...» [181, с. 334].

Вот что сообщает о его наружности еще один его современник — посол Австрии в Московии барон Майерберг:

«Алексей статный муж, среднего роста, с кроткой наружностью, бел телом, с румянцем на щеках, **волосы у него белокурые** и красивая борода» [287, с. 115].

Личный лекарь царя, Коллинс, Майербергу не перечит:

«...волосы его светло-русые...» [419, гл. 9, с. 14].

Австрийский посол Франциск Гундулич:

«У него лицо белое, румяное, волосы русые...» [420, с. 152].

Петр же, в отличие от своего русоволосого и голубоглазого якобы отца, был:

«...таким темноволосым, как будто он родился в Африке⁶...» [16, с. 105].

«...волосы короткие, кудрявые и темноволосые» [369, с. 156].

Вебер не смог не отметить его чрезмерно:

«...смугловатого лица...» [281, с. 67].

Но и де Ришельё сообщает практически ту же его от всех иных белых людей, в частности — даже от французов, основную отличительную особенность:

«...лицо его было смугло...» [309, с. 9].

Сен-Симон:

«...цвет лица... смуглый... черные глаза» [311, с. 9].

А вот что сообщают очевидцы, видевшие Петра в 1722 году:

«...усы черные; волосы кудрявые и черные, как смоль; роста высокого (2 аршина, 14 вершков)» [370, с. 85].

Но и «рыбьи» глаза, с оголенным белком в нижней их части даже Алексей Толстой, певец «прекрасного гения», не смог не отметить в Петре в качестве особенности, столь не свойственной чертам лица русского человека:

«...выпуклые глаза...» [135, с. 231].

А между тем эту свою особенность владельцы данного сорта глаз выделяют в самую еще первую очередь. Лион Фейхтвангер (1884–1958):

«**Глаза еврея**: большие, **выпуклые**...» [214, с. 48].

У «еврея», что на самом деле значит — у туземного жителя страны Ханаан. То есть потомка негров, некогда завоеванных белыми племенами Израилевых колен и с годами несколько приблизившихся к наружному виду своих завоевателей. Но все же не настолько, чтобы полностью утратить некоторые слишком ярко выраженные и по сию пору детали своей древней внешности.

А вот еще негритянская деталь, подмеченная в Петре уже Вебером:

«...у него кудрявые волосы...» [281, с. 67].

Такой же вид прически подтверждает в своих дневниковых записях и датский посол Юст Юль, добавляя при этом, что и бороды, основного атрибута волосяного покрова русского человека, Петр, как и чистокровные негры, также не имел:

«(Царь) очень высок ростом, носит... вьющиеся волосы и большие усы...» [293, с. 84].

А еще: толстая отвисшая нижняя губа, столь свойственная проклятому Ноем темнокожему семени Ханаана, сына Хамова. Об этой особенности Петра, например, свидетельствует Сен-Симон:

«...довольно полные губы...» [312, с. 359].

А вот какие особенности Петра подчеркивает один из бывших его солдат сержант Н.И. Кашин:

«лицом смугл, ростом не малым, сутуловат» [356, с. 9].

А ярко выраженная сутулость и покатошь плеч как раз и подтверждает в нем внешность даже не просто безликого иноземца-немца, но чистокровного туземца

⁶ Лувиск, Мемуары. Париж 1818, т. II, с. 239.

Палестины — хананея. Ведь белокожие племена Израиля в данном регионе являлись населением пришлым:

«*язык ханаанский* — язык, которым говорили коренные жители земли ханаанской, потомки Ханаана, сына Хамова, и который непонятен был как Аврааму, так и потомкам его, живущим среди хананеев, следовательно, это — *древний еврейский язык* [Ис 19, 18]...» [36, с. 849].

Тот самый, которым, весьма странным образом, пользуются в своей основе все же белокожие адепты иудаизма — потомки Авраама, из числа не принявших Христа фарисеев и книжников, ушедших (судя по наречию, на котором записаны теперь их книги) к поклонению богу своих бывших рабов.

Но в слишком невеликом числе населяющих теперь Землю хананеев нет ничего удивительного: ведь Ханаан был проклят Ноем за грехи его отца — Хама. А:

«Пророческое проклятие Ноем Ханаана [Быт 9, 25–27] исполнилось» [36, с. 781].

И сказалось на его потомстве, главным образом склонностью к содомии, которая, что и понятно, отнюдь не способствует бурному рождению детей (а ведь Петр со своими «птенчиками», во всяком случае, Лефортом и Меншиковым, был содомитом).

Затем исполнилось и следующее пророчество:

“...и не будет более ни одного *Хананея* в доме Господа Саваофа...” [Зах. 14, 21].

То есть в храме Бога истинного: после принятия Нового Завета Апостольской Церковью — храме православном.

Сыну же погибели, то есть антихристу, судя по всему, суждено появиться именно из темнокожего потомства Ханаана. Ведь даже нынешний Израиль склонен подбирать для себя мессию исключительно из этого рода-племени, тщательно выискивая в Африке чудом уцелевших чистокровных хананеев:

«Еврейские ученые вычислили это колено в “фалашах”, которые <...> были вывезены из Эфиопии в Израиль в ходе операции “Моисей” (С ноября 1984 по январь 1985 г. из Эфиопии и Судана с помощью израильской разведки “Моссад” было вывезено 18000 “*черных эфиопских евреев* — фалашей”...)» [142, с. 356].

То есть адепты иудаизма, «нечаянно» спутав белое колено Дана с черным туземным населением древней Палестины, своего мессию видят исключительно в потомках Хама — родоначальника темнокожего населения планеты. Тем и расставляя все точки над *i*.

А между тем именно подобный цвет кожи имел и сам основатель научного коммунизма — Карл Маркс. Что сводит всех предтеч антихриста в единую национальность:

«Людей, окружавших Маркса, больше всего поражала его чернота. У него даже была кличка “Мавр”. Та самая негроидная чернота, которую Маркс находил у Лассаля, о котором писал: “Теперь мне совершенно ясно, что, как показывает форма его черепа и волосы, он — потомок тех черных, которые сопровождали Моисея при его исходе из Египта (если его мать или бабушка со стороны отца не скрестились с негром)”» [38, с. 311].

Так что Петр происходил из какого-то уж больно редко теперь встречающегося племени, чьи повадки и наклонности просто обязаны были на это указать.

Они и указали. Ведь уже с детства отмеченное в Петре столь удивительнейшее для русского человека пристрастие к инородной культуре изобличает отсутствие в нем генов русского человека. А потому, словно подброшенную цыганку, его с самого раннего детства потянуло во враждебный нам мир — Кукуеву слободу:

«...легенда называла его подкидышем — сыном иностранца; он не имел ничего общего со средой, в которой вырос...» [16, с. 106].

То есть со средой того народа, в одно из самых привилегированных семейств которого он был подброшен. И не подходил к вырастившей его среде очень существенной деталью: не имел ничего общего со всегда явно выраженным генетическим родством высших кругов аристократического общества, которые очень спокойно относятся к своему высокому положению. Попавшие в эту среду из кухарок и прачек люди всегда сильно

отличаются от тех, кто уже на генном уровне впитал в себя с молоком матери свое высокое положение, а потому и не будут иметь того вызывающе надменного выражения лица, которое имел маленький Петр. И этот столь явный переход «из грязи в князи», нами теперь разгадываемый, в поведении Петра был особенно ощутим:

«Петр ни характером, ни внешним обликом не походил ни на Софию, ни на... Ивана и Федора... Может быть, немец-хирург подменил своим ребенком девочку...» [16, с. 4–5].

Вот и опять вполне оправданно называется весьма вероятная версия подмены. И вот кем был этот самый «немец» при дворе Алексея Михайловича:

«...жиды с недавнего времени очень размножились в городе [Москве — А.М.] и при дворе: им покровительствует лекарь-жид (почитаемый за лютеранского перекреста)...» [419] (гл. 23, с. 37).

Так что возможным отцом Петра, что выясняется, был хананей. Вот чему отвечает чернота кожи, волос и глаз Петра. Ведь древние хананеи, потомки Хама, — это негры.

А возможность подкинуть негретенка в семью Русского царя была облегчена еще и тем, что рождение Петра произошло не в Кремле, у всех на виду, и даже не во дворце села Коломенского:

«Некоторыми исследователями ставится под сомнение факт рождения Петра в Коломенском или же в Кремле, а доказывается, что местом его рождения было именно Измайлово» [117, с. 126].

А находится то оно, между прочим, аккурат за Кукуевой слободой. То есть за владениями того самого «немца», чьим сыном Москва почитала Петра (или лекаря-жида — вторая и наиболее вероятная версия).

Каков процент вероятности подмены ребенка, родившегося где-то за Кукуем?

Так ведь в Петре нет вообще ничего русского!

И вот еще один из эпизодов последующей бурной деятельности нами рассматриваемого «реформатора», то есть очередная попойка Петра, проливает некоторый свет на его загадочное происхождение:

«...однажды, в пьяном чаду, Петр пробовал осветить эти потемки. Он крикнул, будто бы указывая на Ивана Мусина-Пушкина: “Этот хоть знает, что он моего отца сын. А я чей? Твой, что ли, Тихон Стрешнев? Говори, не бойся! Говори, а то задушу!” — “Батюшка, смилуйся! Что мне ответить?.. Ведь я не один был!!”⁷» [16, с. 5].

Вот и это свидетельство подтверждает народную версию о царе антихристе. Ведь именно от блудной девицы из колена Данова, которое нынешние идеологи сионизма видят в темнокожих фалашах, он и обязан появиться.

Но не только уже описанные детали внешности Петра подтверждают народную версию о царе антихристе. Ведь в Петре нет вообще ничего русского.

Он очень боялся привычной стихии русского человека — воды:

«Петр чувствовал... такое отвращение к воде, что дрожал и бледнел при виде ручья» [16, с. 35].

«Вот как рассказывает о сем Голиков в “Деяниях Петра Великого”: “...на 14-м году возраста не мог он видеть равнодушно реку, озеро, даже пруд”⁷» [252, с. 130].

«...и хотя он всячески старался скрывать сей страх свой, однако ж приметен оный был потому, что никогда не видали его ни плавающего по водам, ни переезжающего вброд чрез реку, и ниже чтоб когда-либо искупался он в реке или в пруде, что продолжалось даже до четырнадцатилетнего его возраста» [364, с. 20].

Мало того, он терпеть не мог именно ту живность, которую в этой самой воде и вылавливают:

«Рыбу он кушать не мог, ибо она была ему противна...» [305, № 107].

«рыбы никогда не кушал» [324, с. 53].

⁷ *Вокеродт*. Переписка, опубликованная Геррманном. Лейпциг, 1872. *Соловьев*. История России, Москва 1864–1878, т. 15. *Семевский*. Долгорукий. Мемуары.

А вы только себе на секундочку представьте китайца, с раннего детства ненавидящего рис! Что на такое ответите?

Это вовсе не китаец!

Вот-вот...

А врагов у нас всегда было более чем предостаточно, и за всю нашу историю хоть единожды попытаться им произвести подмену государя — дело вполне возможное. Они прекрасно понимали, что склонить на свою сторону человека, в чьих жилах течет русская кровь, практически невозможно, а потому и нужен им на нашем троне такой человек, чьим генетическим особенностям чужда русская культура. И таковые особенности менталитета Петра видны за километр. Он не русский — ни телом, ни, тем более, душой:

«Малейшее волнение потрясло его морально и физически; он инстинктивно отступал перед опасностью; он легко приходил в ужас и терял самообладание.

...Он остался ребенком на всю жизнь, робким и потому жестоким... болезненная судорога кривила его надменное, суровое лицо и придавала ему ужасное выражение» [16, с. 32].

И ко всему вышеперечисленному:

«...его инстинктивно тянуло к иностранцам» [16, с. 33].

Вот и здесь о его *инстинктивных* особенностях сказано вполне определенно. И цыганку столь же отчаянно потянет пристать к проходящему мимо табору. А потому он и пропал в Кукуевой слободе, где уж доподлинно ведали о тайне его происхождения, а потому и знали наверняка, чем его к себе приманить, поскольку дети любой определенной нации имеют и определенные к чему-либо склонности.

Из-за того столь ненавистна ему была рыба, употребляемая почти двести дней в году всеми его мнимыми родственниками. Его настоящие родственники в пищу употребляли ее крайне редко. Зато мясом питались каждый день: протестанты, чью веру с целью эмансипации столь всегда охотно перенимали адепты ортодоксального иудаизма, посты вообще отвергают. Вот и Петр стал есть мясо, когда получил такую возможность, каждый день.

О том, например, свидетельствует Чарльз Уитворт, написавший книгу «О России, какой она была в 1710 году»:

«сам царь во время всех постов ест мясо» [298, с. 70].

Вторит ему и Фоккеродт, утверждая, что Петр I:

«по постам явно ел мясо» [301, с. 19].

Мало того, ел Петр это мясо по утрам, что в ту далекую пору в среде русских людей было делом просто невозможным.

И еще одна особенность. Он не спал днем (в те времена после первого приема пищи). Тогда как:

«...в старину наши предки, обедавшие часу в одиннадцатом утра, отдыхали, т.е. спали после обеда часа по два или по три. Об этом обыкновении Олеарий пишет: “нет ни одного россиянина, какого бы он состояния или качества ни был, который бы, пообедав, не спал; от чего происходит, что в полдень все почти торговые лавки бывают заперты, и купцы или служители их спят каждый пред своею; а потому в это время, как бы в самую полночь, нельзя иметь никаких сношений с купцами”. — Хотя повествование это и слишком увеличено, однако известно, что *Лжедмитрия почитали не россиянином между прочим и потому, что он после обеда не отдыхал*» [32, с. 32].

Так что и в этом отношении Петра, как и его далекого предшественника по императорству, отличает в инородстве даже обыкновенный распорядок дня.

Но и сам заказ на тотальное изменение русских традиций Петр позаимствовал именно у самозванца:

«Попытка нарушения старых традиций и обычаев, предпринятая мимолетным “гостем” на московском престоле Лжедмитрием I, окончилась его гибелью; она удалась лишь Петру Великому, после того как сами эти обычаи и традиции “поисшатались”» [42, с. 78].

А между тем русский человек еще задолго до этого имел столь несвойственный иным нациям распорядок дня:

«Послеполуденное время посвящалось отдыху. Это вполне понятно, если вставали до рассвета. “Спать есть от Бога присуждено полудне, — говорит Мономах, — от чина бо почивает и зверь, и птица, и человеки”» [78, с. 154].

Именно русские князья всегда являлись примером для подражания своих подданных, ведя слишком скромную на увеселения, чуть ли ни монашескую жизнь:

«...вставали они рано поутру, вместе с рассветом, и прежде всего шли в церковь... Некоторые благочестивые князья имели обыкновение приходить в церковь до начала службы и сами возжигали свечи» [78, с. 151].

А наиболее набожным из них считается, между прочим, якобы отец Петра — царь всея Руси Алексей Михайлович Романов! Так что своими чисто иноземными сидящими в его крови привычками не только на своего отца — примера для подражания — но и вообще на русского человека Петр явно не походил.

Его замедленное умственное развитие, по сравнению с ускоренным развитием физическим, очень сходно именно с генетическими особенностями столь знакомых нам южных народностей. Но и от Европы мы имеем очень ошутимое отличие — наши дети уже с пяти лет умеют читать, что в среде иностранцев встречается крайне редко.

Между тем это наше раннее умственное взросление прекрасно прослеживается по неизменно блистательным результатам именно в детском спорте. А в особенности в тех его видах, где требуется проявление ранних интеллектуальных способностей. Напротив, ранним половым созреванием славились всегда исключительно лишь южные страны. Именно у них вполне естественным считалось брать в жены одиннадцатилетних девочек. В Древней же Руси эти рамки были сдвинуты на пяток лет уж вовсе не случайно.

Петр же:

«В три года он питался еще молоком кормилицы, в одиннадцать не умел еще ни читать, ни писать» [16, с. 31].

То есть Петр начал вообще что-либо соображать лишь к тому возрасту, когда учебу, по хорошему, пора было бы уже и заканчивать.

Тем и обнаружилась вопиющая, редкостная у нас, но закономерная у них генетическая неспособность даже не простолюдина, но наследника престола(!) к искусству жителей Великого Новгорода, чьи берестяные грамоты XI века сообщают нам о не встречаемой нигде в мире необычайной грамотности проживающего там населения. Однако ж эта наша традиция уходит куда как и еще далее (см. [26]). Но это о простолюдинах. А что можно сказать о наследственных способностях принца крови?

«По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое древо доброе приносит и плоды добрые, а худое древо приносит и плоды худые» [Мф 7, 16, 17].

И к каким таким «им», после всего вышеизложенного, следует отнести родословную Петра достаточно несложно сопоставлением его врожденных «способностей» со способностями обыкновенного крестьянского мальчика Сережи, родившегося и выросшего в среде многих таких же, как и он, босоногих огольцов с голубыми глазами и золотыми кудрями в селе Константиново на Рязанщине. То есть в среде русских простолюдинов. А ведь Сергей Есенин:

«В пять лет одолел грамоту, в десять бросился в омут поэзии»⁸.

То есть уже пишущий своими руками свои собственные стихи русский мальчик оказался своей генетической способностью к *слову* настолько выше этого якобы «принца крови», что фантазировать что-либо о каком-то особом «петровском гении» не только смешно, но и невообразимо глупо.

⁸ «Красная звезда» 03.10.1995, с. 4.

О чем это говорит? Могут ли подданные быть генетически на тысячелетия более привычны к грамоте, нежели те лица, которые над этими грамотными людьми поставлены начальствовать?!

«Не заметили» же этого обстоятельства исключительно те, кто «не заметил», что объявленный ими царем не имеющий никакого права на русский трон негроидного вида мальчик и умственно полностью соответствует своей внешности, слишком несхожей с окружающей его средой. А объявлен-то он был царем по той странной причине, что своего старшего брата, единственного законного наследника престола, якобы *более смышлен* оказался!

Но, может быть, во всем виновата придворная знать, злокозненно порешившая это юное «дарование» оставить без столь необходимой ему учебы?

Оказывается, что нет. Ключевский пишет:

«По старорусскому обычаю, Петра стали учить с пяти лет» [49, с. 411].

Да, да — именно *по старорусскому обычаю*. Вот, кстати, что пишет о своем времени начала обучения грамоте Андрей Болотов:

«...начал мой отец помышлять об обучении меня грамоте. Мне шел тогда уже шестой год...» [411, письмо 5-е].

Что осталось запротоколировано и на бумаге, а потому никак не могло быть не предано гласности:

«Крекшин отметил и день, когда началось обучение Петра, — 12 марта 1677 г., когда, следовательно, Петру не исполнилось и пяти лет» [49, с. 412].

Это подтверждает и Костомаров:

«...его начали учить грамоте. Учителем был ему назначен 12 марта 1677 года дьяк Никита Моисеевич Зотов» [51, с. 619], «...известный тогда своею добропорядочностью и грамотностью» [184, с. 17].

И вот как тщательно был подобран Петру учитель. Сам царствующий в ту пору Федор, остановив свой выбор на Зотове:

«...приказал духовнику и учителю своему Симеону Полоцкому освидетельствовать его в правильном разумении писания и чтения и в прочем до должности учителя касающемся, и по одобрении определил его к царевичу учителем» [252, с. 118–119].

Так что же происходило дальше?

Зотов, что сообщает писатель еще XIX века Вейдемейер:

«был чрезвычайно усерден в обучении царевича...» (там же).

Мэтр исторической науки Костомаров в тон данной изобретенной историками версии о «чудном гении» заявляет:

«Петр учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость» [51, с. 619].

Так что же это в определении Костомарова является *быстрым*, если известно, что Петр:

«...в одиннадцать не умел еще ни читать, ни писать» [16, с. 31]?

Но при всем при том:

«...книжки с картинками Петр любил!» [14, с. 40].

Так ведь был он безграмотным, потому разглядывание картиночек и оставалось его единственным удовольствием от общения с книгой...

Ложь всегда смешна, а в особенности тогда, когда фальсификаторам так и не удалось до конца заретушировать правду.

Так что начали-то обучение Петра как раз таки вовремя, как и положено испокон веку в самой грамотной в мире державе! Однако же, что невозможно теперь не отметить, — не в коня корм: лишь разглядывание картиночек и предоставляло в книгах для этого недоросля какой-либо интерес.

Все выше изложенное подтверждает и Михаил Погодин, современник Пушкина:

«Писать не мог он выучиться порядочно, потому ли, что начал учиться поздно [это в пять-то лет??? — А.М.]... или потому, что не имел терпения выводить черты, как

требовалось по правилам, и слова не успевали у него следовать за мыслями. Почерка его ничто не может быть безобразнее, а правописание ему было совершенно чуждо» [184].

И в альтернативу — у нас на Рязанщине, в бедной глуши, грамотность пятилетнего ребенка Сережи Есенина ни у кого не вызвала никаких ассоциаций с появлением на свет вундеркинда. И это потому, что лишь совсем в недавнем прошлом освобожденные от крепостной зависимости русские люди корнями великой культуры упирались в тысячелетия своей безраздельной грамотности. А потому никто из его земляков, даже и после смерти прославившегося на весь мир поэта, ничем особым из среды односельчан его так выделить и не мог. И это не от черствости души: наша Родина — это синеекая страна Есениных, где каждый второй тоже пишет стихи, а грамоте обучаются испокон веков так же — лишь для иноземцев — удивительно рано...

«...Есенин был по-настоящему глубоким, мыслящим человеком. В пять лет он научился читать, в 12 лет он прекрасно знал Льва Толстого и Гоголя, которого цитировал страницами. Знал Библию, апокрифическую литературу, великолепно знал народные поверья и сказки. Хорошо изучил мировую литературу — об этом можно судить по его письмам, по ссылкам в его произведениях, по количеству библейских, литературных, исторических реминисценций в его стихах» [138].

И если прекрасно изучивший Ветхий и Новый Завет, а также классическую литературу шестнадцатилетний Сергей Есенин, давно набивший оскомину своей энергичностью у московских издателей, уже в который раз пробивает для публикации в журналах свои стихи, являющиеся сегодня классическими, то в отношении Петра наблюдается совершенно противоположная картина. Подобного же возраста Петр был еще только в начальной стадии не просто ученичества, но никогда ранее у нас не встречаемого *очень плохого ученичества*.

Ключевский:

«До нас дошли учебные тетради Петра... он пишет невозможно, не соблюдает правил тогдашнего правописания, с трудом выводит буквы, не разделяет слов, пишет слова по выговору, между двумя согласными то и дело подозревает твердый знак: *всегда, сътьрелять, възяфь*» [49, с. 417].

Но и Костомарову эту полную безграмотность Петра никак не возможно объявить незамеченной. Потому и он маслица в огонь все же подливает:

«...он не умел правильно написать ни одной строки и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе, с безпрестанными описками и недописками» [51, с. 620].

И вот где особенно прослеживается его родство именно с южными народностями, которые своим половым развитием сильно опережают развитие интеллектуальное:

«11-летний Петр по развитости показался иноземному послу 16-летним юношей» [49, с. 413].

По «развитости», заметим, исключительно физической! При внешности взрослого человека его замедленное интеллектуальное развитие в тот период «взрастания» не позволяло ему читать даже еще только по складам!

А ведь он был объявлен царем именно за какие-то невиданные «способности»! Что не может не отметить и Костомаров. Однако ж на фоне всего вышеприведенного его аргументация по поводу выбора монарха выглядит просто вызывающе непоследовательно:

«Из двух царевичей старший Иван был слабоумен, болезнен и вдобавок подслеповат, младший Петр был десяти лет, но *выказывал уже необычайные способности*» [51, с. 591].

Тут следовало бы спросить у историка Костомарова: *способности к чему?!* Ведь Петр, в тот самый момент, когда был провозглашен имеющим «необычайные способности», еще не умел не только писать, но даже и читать... И второе: в кои-то веки законный наследник на Руси отстранялся от престола лишь за то, что здоровьем-де хил да еще вдобавок к тому и *подслеповат?*

Но по прошествии и еще пяти лет, когда Петр выглядел, судя по всему, уже двадцатилетним молодым человеком, вот как обстояли его дела с постижением им книжных премудростей:

«В шестнадцать лет он знал только два первых правила арифметики; его почерк плох, тетради пестрят орфографическими ошибками» [16, с. 33].

Два первых правила арифметики — это сложение и вычитание! Умножать, а уж не дай Бог — делить, Петр в ту пору, когда уже, между прочим, готовился стать отцом, еще не умел!!!

Да, женится он в том еще возрасте, когда не успел освоить даже умножения. Чем и обнаруживает свое явное родство скорее с Бре-ке-ке-ке-кексом из «Дюймовочки», «не хочу учиться — хочу жениться!» (Фонвизин), нежели с принцем крови, за которого себя выдавал.

Однако же при всем при этом, уже готовясь стать отцом, Петр продолжал играть в солдатики. Но солдатики были живыми. А потому, ему на потеху, они иногда умирали совершенно по-настоящему. Тому свидетельством, например:

«Трехдневные маневры под Кожуховым, на берегу реки Москвы, в 1694 г» [49, с. 422].

Вот что сообщает об этих «маневрах» принимавший в них участие князь Куракин:

«... убито с 24 персоны пыжами и иными случаи, и ранены с пятьдесят» [335, с. 251].

«Правда, сам Петр об этой последней своей потехе писал, что под Кожуховым у него, кроме игры, ничего на уме не было...» [49, с. 422].

Отметим, что *ничего не было на уме* все ж не у семилетки и не у третьеклассника, но у здорового, правда, пока еще только телом, двадцатидвухлетнего недоросля, своими игрушками ухайдакавшего насмерть двадцать четыре человека и покалечившего еще «с 50»!..

Но не только солдаты у Петра калечили друг друга. Собранная им шайка обучалась будущим убийствам на занятии, нигде и ни в какой стране небывалом — пальбе из пушек по своему собственному мирному населению:

«...когда стал “потешным” генералом Федор Зоммер, из Пушкарского приказа привезли 16 самых настоящих орудий и “стали учить потешных стрелять чугунными бомбами... Было уже не до потехи. Много побили в полях разного скота и перекалечили народу”.

...картина это совершенно реальная, причем жаловаться на материальные расходы и даже на убийства некому. Ведь во главе... сам царь!..

Иные из историков ставят в большую заслугу Петру, что он... истово готовил и тренировал солдат... Но это вовсе не были маневры в строго военном смысле этого слова; речь шла скорее о любимой игрушке, с которой Петр был не в силах расстаться» [14, с. 69].

И что в солдатики он лишь играл, можно заметить еще и по тому, что, несмотря на защищавшее его тридцатитысячное войско, которое в десятки раз своей численностью превышало количество стрельцов его мнимого соперника, при первом же упоминании о якобы грозящей ему опасности:

«Петр бежал. Не пытаясь даже проверить полученное известие и не убедившись, насколько реальна грозившая ему опасность, он босиком вскочил с постели и в одной рубашке бросился в конюшню, вскочил на лошадь, опомнившись лишь в соседнем лесу. Несколько конюхов догнали его и привезли ему платье. Несколько офицеров и солдат последовали за ним. Увидев вокруг себя достаточную охрану, не теряя ни минуты времени, не предупреждая мать... пришпорил лошадь и понесся во весь дух в Троицу. Он приехал туда в 6 часов разбитым душой и телом, почти в обмороке; ему предложили постель; он был не в состоянии отдыхать; возбужденный, взволнованный, захлебываясь от слез, испуская жалобные стоны, он снова и снова спрашивал архимандрита Викентия,

можно ли ему рассчитывать на помощь... слова архимандрита в конце концов успокоили молодого царя» [16, с. 47].

У страха глаза велики. Однако же:

«Действительность этого покушения совершенно не доказана и совершенно неправдоподобна. Документы, собранные лучше других осведомленным русским историком Устряловым, доказывают, что Софья в тот момент не смела и думать о нападении на Преображенский лагерь. Она знала, что он хорошо защищен, содержится в боевой готовности и не удивится никакой неожиданности. Она скорее боялась... выступления со стороны потешных полков, возбужденные, пылкие солдаты которых страстно стремились отличиться в каком-нибудь дерзком деле» [16, с. 46].

И правильно, как выяснилось, боялась — ей в этот момент и действительно не на кого было опереться. Ведь:

«Фаворит Софии князь Голицын играл в эти дни какую-то странную, если не сказать — предательскую роль» [182, с. 100].

А был он, что мы выяснили, масоном. Потому-то и действовал вовсе не так, как хотелось бы ему на тот момент, хотя бы из здорового естественного чувства самосохранения. Ведь в случае ареста ему было что терять:

«Собственный дом его был одним из великолепнейших в Европе, покрыт медными листами и внутри украшен дорогими коврами и прекрасною живописью» [467, с. 267].

Мало того, при описи его имущества у него:

«...оказалось очень много богатой мебели, 100 000 червонцев в сундуке, зарытом в погреб... 400 пудов серебряной посуды...» [467, с. 257].

А отдавать единоразово по 6 тонн только одной серебряной посуды по собственной инициативе вряд ли кто и будет. Потому больше походит весь разыгранный со спектаклем неудавшегося покушения на Петра фарс на то, что Голицын поступил так, как приказывало ему действовать его масонское руководство.

Кстати, оно же, что и еще более бросается в глаза, странным образом оставило его в сторонке от просто казалось бы неминуемой над ним расправы. На что, узнав теперь нравы «Преобразователя», уж никак нельзя не надивиться:

«Следует заметить, что хотя князь Василий Васильевич был важнейшею подпорою царевниной стороны, и известно было, что он, если и не был зачинщиком то знал все умышляемое против жизни младшего царя, но он не был осужден, как изменник, и не объявлен виновным в государственной измене, хотя разделял ее в высшей степени...»⁹ [184, с. 199].

Причем, если сам он был все-таки выслан из Москвы в другой город, и жил некоторое время в Пинеге, то сын его, после его смерти:

«...взят по-прежнему в Москву» [331, с. 407].

Но в чем же вообще смысл этого столь странного дворцового переворота? Ведь если Петру никто не только не угрожал, но угрожать просто и не был в состоянии, то чем является этот конфликт, ловко спроворенный на животном врожденном страхе нашего «Великого»? Кто и для какой цели поспешил убрать с трона Софью и заменить ее на недоросля Петра, еще не знакомого и с правилами умножения?

Ведь масонов, сверхзадачей которых всегда являлась борьба с Русским Православием, деятельность фаворита Софьи, В.В. Голицына, не устраивать не могла. Ведь вот что произошло сразу после его отставки, на что жалуется Невилль:

«Эти варвары снова запретили иностранцам въезд в Россию, равно как и отправление католической службы. Один только польский посланник, и то с большим трудом, мог получить позволение устроить у себя на дому часовню. Говорят даже, что они заставят москвитян ограничиться изучением только лишь письма и чтения, проявляя и в этом случае, как и во всем другом, свою тираническую и деспотическую власть, что заставит

⁹ Гордон, т. II, с. 280.

всех сильно сожалеть о великом Голицыне. Последний построил огромное прекрасное каменное здание для коллегиума, вызвал из Греции 20 ученых и выписал много книг; он убеждал дворян отдавать детей своих учиться в это заведение, разрешил им посылать детей в латинские училища в Польшу, другим же советовал нанимать для детей польских гувернеров; иностранцам он разрешил свободный въезд и выезд из Московии, что до него не было в обычае. Он желал также, чтобы дворяне путешествовали за границу для изучения военного искусства в иностранных государствах, так как он задан целью учредить порядочное войско, вместо полчищ из крестьян, которые, будучи призываемы на войну, оставляют свои поля без обрабатывания; вместо этой бесполезной для государства службы, он предполагал обложить население умеренною подушною податью. Он думал также содержать постоянные посольства при главнейших европейских дворах и дать полную свободу вероисповеданиям в Московии; допустив уже в страну иезуитов, он часто беседовал с ними, но на другой же день после его падения они были высланы за границу, причем от имени царей было объявлено императору и королю польскому, которые присылали их, что отныне им навсегда запрещается приезжать в Московию. Придерживаясь этого решения, они, в марте 1690 года, отказали послу польского короля, требовавшему от имени своего государя и от имени императора позволения проезда в Китай патеру Гримальди, находящемуся ныне в Польше» [467, с. 257–258].

То есть все то, что затем учредят масоны с помощью царя-антихриста, уже учреждалось Голицыным. Так зачем же было его убирать?

В те времена бушевали раскольничьи страсти: адепты некоего такого «древлеправославия» палили в огне себя и своих близких, совершенно не желая при этом сознавать, что добровольное самоубийство ни в какой рай никого никогда не приводило. Но только в ад. Сами же заводили этих массовых самосожжений самих себя палить и изначально не вознамеривались, уходя от участи, всегда уготованной ими лишь для других. С ними, что и понятно, дабы прекратить самоистребление населения России, надо было что-то делать. Руководство же страны, как это ни покажется странным, не только гарей и их устроителей ничем не останавливало, но, похоже, лишь потворствовало им, привлекая для поддержки какой-то новомодной ереси высшую придворную церковную иерархию (протопоп Аввакум — один из них).

И вот каким образом ударила вразрез этой политики Софья, ни для кого нежданно воздвигнутая на престол стрельцами:

«...закон о казни самых опасных расколуучителей (именно тех, кто других толкал в огонь) был принят только в 1685 году (см. “Двенадцать статей царевны Софьи — законоуложение о приверженцах старой веры, состоявшее из 12 пунктов, рекомендованных патриархом Иоакимом, изданное правительством царевны Софьи в 1685 году”)» [234, с. 15].

То есть Софья, ни сном, что называется, ни духом никому узкой дороженьки перейти не вознамеривающаяся, провинилась перед масонством достаточно серьезно — одним махом обрубила столько лет ткавшуюся ими паутину перманентной революции (вспомните голодомор, стройки века и пр. революционеров нынешних). Ведь прежние цари раскольникам даже из заточений позволяли нагнетать атмосферу ужаса и самосжигаться сотнями и тысячами, презрев все отеческие законы, взяв при этом на вооружение, что удивляет и еще более, способ борьбы с перенаселением у древней секты гностиков:

«Когда-то в эпоху гонений в Римской империи такими “добровольными мучениками” становились сектанты-гностики...» [234, с. 13].

И Софья, уже разок так крупно провинившись перед масонами своим ляпсусом с внутренним иноверием, судя по всему, при помощи нового своего ухажера, ничего в стратегии масонства не смыслящего, подбиралась к тому, чтобы и со внешними влезшими в Россию иноверцами поступить также круто. Потому-то потребовалось столь срочно

отбирать у не бразды правления. Что, впрочем, изгнания из страны чужебесия, как рассмотрено выше, полностью не спасло.

Однако ж и здесь имеется вторая сторона конфликта.

Голицын, что всеобще известно:

«...был ее весьма голант; и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено» [335, с. 240].

А в те времена, следует упомянуть, нравы царской семьи были уже вовсе не патриархальными, то есть Романовы, во всяком случае с эпохи Алексея Михайловича, обычаев, всегда царящих в русских теремах, не придерживались, открыто заводя себе ухажеров:

«...по сообщению того же Куракина, и другие дочери царя Алексея изменили этому обычаю: у них были доморощенные “голанты” из певчих¹⁰» [373, с. 185].

У Софьи же, являвшейся к тому же правительницей, числился в «голантах» не один лишь Голицын:

«Надобно-ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Шакловитый весьма в амуре при царевне Софии профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно» [335, с. 240].

Что ж профукал-то Голицын свое восшествие на престол, оставив свою возлюбленную какому-то очередному проходимцу?

Так ведь страшна была Софья, что выясняется, уж больно чрезмерно, чтоб во в стельку тверезом состоянии не то что там ручку еще челомкнуть, но решиться в койку к ней влезть. Вот что сообщает о ее внешности большой специалист по делам амурным, сам видевший ее ни единожды, француз де ла Невилль (1689 г.):

«...она очень безобразна, необыкновенно толста, с головою огромною, как подушка; на лице у нее волосы, на ногах наросты...» [467, с. 259];

«и ей по меньшей мере 40 лет» [465, с. 160].

Потому так себе, в смысле «фитовать», с нею со дневными «плезирами» этими самыми — еще, с грехом пополам, относительно можно было: все ж царевна, как никак. Но уж лезть к ней в постель, как на то решился его отчаянный ну ничем не брезгующий оппонент, — тут уж извините. Потому-то Голицын с такой легкостью и отбыл с армией в Крым, дабы прославить себя в качестве увековеченного доблестью победоносных баталий воителя и победителя всех и вся. Может даже, сам он этого Шакловитого к ней в койку и подсунул? Хотел, видать, хоть этим карьеристом опостылевшую ему страхолодину, к тому же и престарелую изрядно, которую он к тому времени и на дух переносить не мог, от себя, найдя невинный предлог, хоть немножечко отодвинуть.

Но, по приезде, получил от своего масонского руководства к исполнению разработку несколько иного более закрученного финала подготавливаемой операции. Потому как просто так, в стороночку, фаворитов его уровня не убирают — с ними расправляются. А ему о том и докладывали многочисленные им оставленные при дворе подопечные:

«И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софии еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение или б содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делех бы был помянутой Шакловитый» [335, с. 240].

Однако ж человека не масона, который при дворе мог бы стать «в самой силе», ни Голицыну, ни Лефорту оставлять в качестве всемогущего временщика крайне было не выгодно. Потому все произошедшее в дальнейшем более походит на сговор Голицына и Лефорта. Ведь у них у обоих на пути, окрутивших обе партии правления, то есть став во главе, на всякий случай, и красных, и белых, вдруг совершенно неожиданно появляется независимая от них какая-то третья — серо-буро-молиновая фигура. Потому находится наиболее рациональный способ ее устранения — бегство Петра в Троице-Сергиеву Лавру

¹⁰ «Архив», I, с. 55.

под защиту ее святых стен. Которые Софьины набожные стрельцы, что было понятно изначально, штурмовать просто не посмеют.

Так что вот нами выпотрошено наизнанку даже и данное загадочное до нелепости происшествие: кем-то явно умышленно произведенный испуг чрезмерно пугливого вьюноши, кинувшегося, что и было запланировано, в бега. А дальнейшее стало просто естественным продолжением характера Петра — трусы всегда жестоки. Потому конфликт закончился тем, чем и должен был закончиться — дыбой в пыточных подвалах Преображенского:

«Кому отрубили голову или вырезали язык, кого били...» [56, с. 371].

Выданный по его запросу Шакловитый:

«...стал ужасным орудием в руках Петра. На допросе, под ударами кнута, он дал все нужные для обвинительного акта против Софьи и ее соумышленников показания...» [16, с. 49].

«...он во всем повинился, что ни доводили на него изветчики...¹¹» [195, с. 76].

Однако ж и здесь истинные показания подследственного оказались сокрыты. Двоюродный брат В.В. Голицына, Борис Алексеевич, весь компромат, касающийся его брата масона, из отчета изъял:

«“Когда вечером стало известно, что Шакловитый будет казнен, не подвергаясь вторичной пытке, то многие дворяне, из низших родов... [то есть из родов, явно не принадлежащих к масонству — А.М.] хотели просить, чтобы Шакловитый был подвергнут всенародно новой пытке, с целью узнать у него имена всех сообщников, но им было сказано, что царь доволен признаниями Шакловитого, и они в его дело не должны вмешиваться”¹²» [184, с. 201].

А все почему?

В.В. Голицын, судя по всему, и являлся центральной фигурой заговора при смене Софьи Петром (в противном случае, думается, вооруженного сопротивления Петру было бы не избежать). Петр об этом раскрепрасно был осведомлен.

От кого?

Так ведь от Лефорта — лучшего друга не только Петра, но и В.В. Голицына. Потому, для видимости, Голицын все же получил отвержение от двора, переехав, ничего при этом не потеряв, в иной город. Сын его, однако, вернулся в Москву сразу после его смерти (или, что скорее, его негласного отъезда за границу), как ни в чем не бывало.

Со всеми же остальными никто церемониться вовсе не собирался, хоть врагами Петру не были и они. Просто вьюноше уж очень на тот момент хотелось ну хоть кого-нибудь немножечко «почетвертовать» — в детское свое все возрастающее в данном вопросе удовольствие. Вот лишь первые из его «славных» в ту пору отрочества деяний, произведенных в заранее заготовленных нашим «дивным гением» помещениях — жутких каменных мешках Преображенского, имеющих соответствующие для данного рода деятельности приспособления: плети и дыбы, пылающие жаровни и кандалы. А также, думается, и вышколенных катов, давно поджидающих момента, когда их ремесло найдет свое применение в более чем не потешных развлечениях этого Петрушки — ёрника и садиста:

«Шакловитый и его действительные или мнимые воображаемые товарищи были приговорены к смерти. Медведев, заключенный сначала в монастырь и подвергнутый ужасным пыткам, разделил их участь. Все были равны перед плахой. Софья была пострижена» [16, с. 49–50].

Но начавшиеся с застенков Преображенского «славные дела» «великим преобразователем» были восприняты лишь как некоторое разнообразие в его потешных играх. А может, он просто и не знал никакой разницы между пыточными и потешными своими увеселениями?

¹¹ Пыточные речи их в Розыскном деле, свиток V.

¹² Гордон, т. II, с. 280.

Нам все тычут в нос некий его игрушечный ботик, на котором он, на самом деле, столь панически боящийся воды, вряд ли отважился бы еще и прокатиться. А следовало бы показать те казематы, давно заготовленные им заранее, где он проводил первые свои опыты над попавшими в его лапы людьми. Очень удивили бы экскурсантов и те страшные орудия пыток, которые этим самым «вьюношем», как бы вроде не смышленным еще, были установлены в этих ужасных каменных подземных мешках, ожидая того самого Шакловитого, который первым пройдет апробацию обустроенного Петром заведения — некоего его *творения*. Хорошо, если бы и о набранных заранее этим «Великим гением» специалистах — заплечных дел мастерах — также упомянуто было в экскурсионных программах: народ должен знать историю своих палачей и палаческого искусства.

И никакой разницы между игрушечками в войнушку, где под сотню человек за раз бывало убитых и изувеченных, и пыточных увеселениях, где всего-то пару-тройку и замучивал этот «вьюнош» в свое «детское» удовольствие, Петр не видел. А потому сразу же после зверской расправы с мнимыми зачинщиками мнимого пугча великовозрастный наружностью, но совсем еще подросток своими недалекими мозгами Петр продолжил свои игрушечные ристалища с живыми солдатиками, которые иногда так забавно всамделишно ему на потеху умирали:

«...Час будущего великого человека еще не пробил. Серьезная борьба, в которую он был вовлечен, не сделала его взрослым, не заставила забыть о потешных полках...» [16, с. 51].

И здесь нам также следует провести параллель с Лжедмитрием. Ведь именно этого рода забавами он и отличался от всех предшествующих ему царей Московского государства:

«Димитрий... сам пробовал оружие и устраивал военные маневры, которые вместе были и потехою...» [51, с. 309].

«Он начал тем, что завел себе гвардию, без которой обходились его предшественники... Наряду с этим парадным отрядом он вооружал и другие, усердно занимался их обучением, наблюдал за маневрами, за упражнением в стрельбе, сам наводил пушки, устраивал примерные атаки, принимая личное деятельное участие в подобных боях. Предполагаемый сын Грозного более подходил на Петра Великого [предполагаемого сына Алексея Михайловича — А.М]. Как и будущий реформатор он любил во все входить сам... Глава армии, подобно полтавскому победителю, он исполнял обязанности простого солдата...» [170] (с. 205).

И лезть этот «прообраз бомбардира-шхипера» собирался, между прочим, все в тот же город, почему-то столь загадочно одинаково манящий обоих этих Лжедмитриев — чуть ли ни сиамских во многих аспектах близнецов. И в пересказе походов Лжедмитрия Первого, зафиксированных у Бутурлина, сразу и не поймешь — о ком из них обоих сказана следующая фраза. Ведь что тот, что другой:

«...в затеваемом им предприятии искал не настоящих выгод России, но выказывания на обширном поприсе своих ратных качеств» [208, с. 188].

Не знаем, как повел бы себя на данного рода ристалищах первый самозванец, слишком рано он был убит, но его последователь на троне проделывал этот фортель с неизменным постоянством более чем ретиво. То есть сбегал лишь еще тогда, когда появлялась самая малейшая для его жизни опасность. О том обстоятельный рассказ еще впереди.

Но, однако же, намерения этих двух даже на лицо словно сиамские близнецы похожих людей совпадали просто по полной программе. В следующей фразе, если не иметь перед глазами источник, вообще не поймешь, о ком сказано. В преддверии планируемого нападения на турецкую территорию:

«Намерение его было начать поход взятием Азова» [208, с. 188–189].

Масонство Петра

А вот где Петр научился главной составляющей части своих «славных дел» — пить и курить:

«...Лефорт владел на берегах Яузы просторным, устроенном во французском вкусе домом, в котором уже несколько лет охотно сходились жители слободы. Даже во время его там отсутствия туда приходили курить и пить. Закон Алексея запрещал употребление табаку, но этот закон, как и многие другие, не исполнялся в слободе. Женевец был несравненным устройтелем всяких развлечений...» [16, с. 55].

Вот что сообщает о нем князь Куракин (1727 г.):

«И в то время названной Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных» [335, с. 249].

А начинались все эти дела амурные, как это ни покажется теперь странным, с гомосексуальной страсти Петра. Причем, как это теперь ни покажется странным он, как затем и сменивший его двумя столетиями позже Ленин, в этих любовных игрищах представлял собою «девочку».

И вот откуда этой «девочке» Петру этот просто сказочно богатый Франц Лефорт выкопал полового партнера на всю его оставшуюся жизнь.

Звали этого полового партнера Петра Алексашкой. Фамилией его была — Меншиков:

«Утверждают, что фамилия его из Польши и что отец его назывался Данила Меньшиков, шляхтич литовский, который... переселился в Москву» [365, с. 1].

То есть папа этого затем чрезмерно великовельможного пана занимался именно тем родом деятельности, которым в тех времен Польше шляхтичам было заниматься если не полностью запрещено, то, во всяком случае, зазорно. Занимались же там подобного рода деятельностью исключительно люди национальности Древнего Ханаана. Они же, о чем гласит та же Библия, являлись и тем самым племенем, которое было частично уничтожено в городах Содоме и Гоморре исключительно за их привычку сексуального общения — за содомию. Потому этот рожденный среди *меновщиков* иностранец, весьма своевременно подсунутый Лефортом Петру, и становится во главе всех ужасных дел, которые затем наворочает его сексуальный партнер по однополуму «браку».

И вот этот самый сын *менялы* из местечковой Польши, рожденный на пару лет позже Петра, попадает в дом все того же специалиста на увеселения разного рода Лефорта. Алексашка Меншиков:

«Будучи десяти лет... обратил на себя внимание бывшего тогда в российской службе полковника женева г. Лефорта, который... предложил ему идти к себе в услужение...» [364, с. 134].

«Помянутой Лефорт был... дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы. И тут в (его) доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первой быть...»

Тут же в доме (Лефорта) началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и донныне (1727 г.?) пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло.

Помянутой же Лефорт с того времени пришел до такого градусу, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался» [335, с. 249].

Вот от чего, что выясняется, принял смерть этот разрекламированный в историях историков «сподвижник» Петра — от пьянства безпробудного. Но откуда у Лефорта средства для ежедневных попок, балов и продажных девиц? Мало того, для закупки мальчиков транссексуалов, типа все того же Меншикова — Меновщикова — сына явно еврейского старьевщика из местечковой Польши.

«Нетрудно представить себе, сколько денег это требовало. Но цель оправдывает средства: веселое застолье любил посещать Петр» [4, с. 65].

Но, опять же, и не только застолье, но и падких до наживы легкого поведения женщин:

«К тому ж непрестанная бытность его величества началась быть в слободе Немецкой не токмо днем, но и ночевать как у Лефорта, так и по другим домам, а особливо у Анны Монсовны» [335, с. 253].

Ну, со свободными нравами иноземок на Кукуе, все вроде бы и понятно. И тяга к ним Петра, в данном вопросе просто ненасытного, вполне понятна. Но странная любовь этого юноши к спиртному, как выясняется, в среде русского человека в ту пору была еще в диковинку. А потому:

«Во время первого путешествия Петра за границу он удивил даже немцев и голландцев *способностью пить*» [16, с. 55].

А между тем:

«Способность много пить не пьянея свидетельствует исключительно о том, что печень алкоголика уже подверглась первым изменениям. Здоровый человек — это как раз тот, кто пьянеет резко и сразу... Тот же, кто выдудливает “поллитру” и потом танцует вместе с Зотовым, не более здоров, чем наркоман, вводящий себе в вену 100 смертельных доз героина» [14, с. 77–78].

Петр же, родившись в те времена в стране трезвенников, являясь притом чадом более чем трезвый образ жизни ведущего папы (по крайней мере, по имеющейся о нем версии), всем просто на удивление, с самых еще юных лет уже являясь врожденным алкоголиком:

«Уже в 1698 г. английский епископ Бернет заметил, что Петр с большими усилиями старается победить в себе страсть к вину» [49, с. 441].

И это монарх страны, которая «способности пить» в те еще годы не имела.

А он вот какими мерками попивал. Причем, чуть не ежедневно. Об одной из этих пьянок, а поводы к ним у него появлялись чуть ни на каждый день, свидетельствует датский посол Юль в своем дневнике от 21 сентября 2010 года:

«Впоследствии царь говорил мне, что по счету, который вели бывшие с ним слуги, он в тот день выпил 36 стаканов вина. По его (виду) этого, однако, никак нельзя было заметить» [293, с. 214].

А вот что говорится о Петре во время пребывания его в Париже. Граф де Ришельё, приставленный для обслуги этого монарха, свидетельствует, что Петр пьянствовал практически ежедневно. Он:

«...выпивал по две бутылки вина за каждым столом, а за десертом одну ликера, не включая пива... Большая часть чиновников его не уступали ему в этом отношении» [309, с. 14].

Вот что о его подопечных, представлявших собой какого-то особого рода отбросы, у которых печень была приспособлена под выдудливание не меньшего количества спиртного, чем сам их явно нерусской наружности хозяин, сообщает Юст Юль:

«(Что касается) генерал-адмирала Апраксина, (то он) хвалился, что в (течение) трех дней (празднества) выпил 180 стаканов вина» [293, с. 214].

И птенчиками у него являются, что заметим, уж и действительно особого рода отбросы. Все они или из среды не помнящих или просто нежелающих помнить своего родства Иванов, или же из среды дворян западников, ведущих образ жизни слишком явно противоположный русскому.

Но такого же плана у него имелись еще и священники. Вот что о духовнике Петра, прибывшем с ним в Париж, сообщает герцог де Ришельё:

«В один вечер, я, Малюн и Бранка, пригласили к себе на ужин этого достопочтенного отца; и он удивил нас своею вестимостью. Мы дали ему в собеседники одного маленького аббата из хорошей фамилии, который с четвертой бутылки покатился под стол. Духовник Петра видел это падение с геройским презрением» [309, с. 14–15].

Так что и духовенство Петра также входило в тот самый сорт отбросов, который своего родства с Россией, чуть ранее ведущей трезвый образ жизни, не знал и знать не желал. Но во всем тянулся за Западом.

Его же величество Запад, что нам теперь в полное удивление, в те времена не просто попивал, но спивался. Вот как описана, например, Адамом Олеарием одна московская слобода, именуемая «Налевайкой», которая была выстроена еще Василием III исключительно для поселения здесь иностранцев служивших в Москве:

«...иноземцы более московитов занимались выпивками и, так как нельзя было надеяться, чтобы этот привычный и даже прирожденный порок можно было искоренить, то им дали полную свободу пить. Чтобы они, однако, дурным примером своим не заразили русских, то пьяной братии пришлось жить в одиночестве за рекою. Об этом можно прочитать у Герберштейна и у Гвагнина» [254, с. 151].

Так что Запад в те времена давал такого чаду, что пришлось даже, во избежание разложения собственного народонаселения, для этих алкоголиков организовывать особое поселение. Что же творилось там у них — на родине?

Там стоял такой чад, который нашему средневековому обитателю Московии даже и не снился.

«Кто усомнится, пускай откроет “Декамерон” Боккаччо либо сборник итальянских новелл эпохи Возрождения, либо прочтет пьесы Шекспира...» [43, с. 124].

Кто этим себя несколько затруднит, тот поймет, что на Западе:

«...пить вволю и вовсе не возбранялось» [43, с. 124].

Причем, не возбранялось вообще нигде:

«Английский священник Уильям Кет признавался, что иногда был вынужден прерывать воскресную проповедь, чтобы унять прихожан, разгоряченных спиртным, а к концу службы иные из них валились на пол прямо в храме» [43, с. 124].

И вот где они успевали набраться по дороге в их храм:

«В одном только Лондоне насчитывалось 17 тысяч пивных!

...но если бы у нас в то время (да и в наше) кто-то попробовал заявиться пьяным в церковь, был бы тут же выдворен. А в те времена еще и отлучен на какое-то время от причастия.

Так что еще один миф, миф о непробудном пьянстве русских, давайте оставим на совести тех, кто его многие десятилетия культивирует» [43, с. 125].

Петр же, как свидетельствовал Бернет, уже в свои 26 лет был законченным алкоголиком. Потому:

«...совершенно напрасно историки приписывают Петру, что он денно и ночью пекся о благе государства. Пьянки, пиры самые непотребные занимали немало времени и отнимали все больше здоровья. По мнению москвичей и петербуржцев, царь и умер-то оттого, что перед своей болезнью много пил. А пил он, видимо, и действительно много» [161, с. 179].

Но вот интересно, а откуда у этого самого *женивца*, Лефорта, оказалось столько лишних денег, коль даже в его отсутствие им продолжалось субсидирование людей, совращенных дурными привычками, в том числе и пьянством?! И второе: куда же этот самый *женивец* столь подозрительно часто имел возможность отлучаться?

А к себе домой — в Женеву.

И где же это такая есть?

Так ведь аккурат в самой что ни на есть Швейцарии — и поныне стране банковского капитала, куда везут наворованное у своих сограждан богатство жулики всего мира! Где именно в банках ее крупнейшего города — Женевы он, то есть капитал адептов иудаизма, всегда имел свое наибольшее среди всех иных городов мира сосредоточение.

Но каким же образом в христианском государстве вдруг возникает целая ростовщическая империя — ведь сама христианская мораль ростовщичество не поощряет?

«...Жан Кальвин обосновал шкурничество “теологически”. Он сделал “открытие”: Библия, дескать, ошиблась с осуждением процентщиков. Их надо не только терпеть, но и поощрять» [20, с. 185–186].

Таким образом:

«Первая кальвинистская страна, Швейцария, и стала одним из центров банковского дела» [20, с. 185].

А разработал эту банковскую ростовщическую систему и внедрил в жизнь не кто иной, как сам Бернар Клервосский — магистр первого ордена вольных каменщиков — Сионского приората:

«...они устроили и распространили по всей Европе банковские — финансовые операции...» [23, с. 32].

Так что капитал швейцарских банков является масонским, что подтверждает теперь все ранее имеющиеся на эту тему догадки. Потому вовсе и не является удивительным, что так щедро его расходовал на увеселительные занятия Петра сын какого-то неизвестного аптекаря — Франц Лефорт.

А увеселительные забавы здесь были и такого плана, за которые вне пределов немецкой слободы можно было поплатиться достаточно сурово. Петр, как нами уже выяснено, представлял собой тип южного человека отличающегося именно необычайно быстрым половым созреванием. То есть уже в самом раннем возрасте необыкновенно похотливому юноше Петру, для удовлетворения «естественных» для его природы нужд, требовались девицы чрезмерно легкого поведения. Этим-то «добром», что и естественно, и снабжал Петра неизвестно чьи сумасшедшие деньги легко растрачивающий молодой человек — Франц Лефорт:

«Среди гостей можно было увидеть и очаровательных шотландок, и пышногрудых голландок, в числе которых, как пишут, были и такие, что не отличались чересчур строгим нравом.

Петр I бывал в доме Лефорта часто. Два или три раза в неделю обедал у него... Частенько Франц Яковлевич уговаривал Петра остаться заночевать, и гость принимал приглашения...

До раннего утра в залах гремела музыка, кружились пары...

“Тамошние свободные пирушки, где, в облаках табачного дыма, все было нараспашку, — писал М.П. Погодин, — гремела музыка, разыгрывались разные замысловатые игры, раздавались веселые песни, волновавшие кровь, кружились до упаду разгоряченные пары далеко за полночь; где женщины и девицы, одетые не по-нашему, с полуоткрытыми или открытыми грудями и обнаженными плечами, с перетянутой талией, в коротеньких юбочках, бросали умильные взгляды, улыбались кокетливо на всякие двусмысленности, и не слишком строго относились к военному обращению, напрашивались почти на поцелуй и объятия...” [4, с. 66].

Военным же обращением у «просвещенной» Европы являлись весьма обыкновенные изнасилования попадающих на дороге у проходящего войска лиц женского пола. В данном же случае подобранные Лефортом женщины такое к себе обращение не просто допускали, но требовали его. На что такое похоже?

Лишь на то, что их «добровольные» домогательства до чрезмерно неприятного и потливого несуразного тела юноши Петра были заранее очень прилично оплачены. Анна Монс, например:

«...хотя и оказывала ему свою благосклонность... питала к нему отвращение, которое не в силах была скрыть» [319, прим. 16 к с. 204].

Вот такая черта физического недомогания не позволила уже теперь этой закордонной проститутке вынести присутствие Петра, став Российской императрицей (чего он от нее так поразительно долго и безнадежно добивался):

«он очень потел» [375, с. 63].

Следующая же пассия Петра, Катерина Трубачева, судя по всему, брезгливостью Анны Монс не обладала.

Но не только Монс брезговала потным и вонючим Петром. Имеются упоминания и о других закупленных для него Лефортом проститутках, которые, ознакомившись с этим грязным чучелом, с которым им предлагалась за нехилые денежки ночь переспать, пытались дать от него деру:

«В 1693 году, на одном торжественном вечере у Лефорта, две приглашенные прелестницы желали тайком покинуть празднество, но он приказал вернуть их с помощью своих солдат» [375, с. 101].

Так что невидимая щедрая рука братства вольных каменщиков, позволившая этому вонючему чучелу не без успеха флиртовать с дамами местного общества, просматривается весьма ощутимо.

Но и Меншиков, сменивший Лефорта на посту поставщика «минхерцу» проституток, был также в средствах не ограничен.

«Меншиков, занявший теперь место Лефорта в его близости, сразу сообразил, чему женевец был обязан своими успехами. У него был свой женский персонал, как у того свой: сначала две сестры Мария и Анна, помещенные его стараниями возле любимой сестры Петра Наталии; потом две девицы Арсеньевы, Дария и Варвара, принадлежавшие тоже ко двору царевны... Девица Толстая дополняла эту группу» [375, с. 111].

Вообще, памятуя о просто вопиющей невзрачности Катерины Трубачевой, на которой в конце концов почему-то остановил свой выбор Петр, следует сказать и об одной из сестер Арсеньевых, также красотой не блиставшей, которую предоставил Петру Меншиков. Вот как момент овладения ею описывает Вильбуа:

«...обеда с нею и ее подругами, Петр сказал ей: “я не думаю, чтобы у кого-нибудь когда-нибудь явилось желание обладать тобою, так ты мало красива, бедная Варвара; но так как я люблю необыкновенные штуки, то я не хочу, чтобы ты умерла, не испытавши любовной лихорадки”. И при всех, нисколько не смущаясь зрителями, он привел свои слова в исполнение» [375, с. 111].

Вот в чем успех Меншикова.

Однако ж он лишь наследовал тактику управления Петром, впервые примененную Лефортом. И уже он, этот таинственный женевец, имеющий для внедрения своей тактики финансовые средства просто ничем не ограниченные, и является зачинателем этого невидимого управления монархом, странным образом из самой что ни есть грязи (а буквально все говорит о его более чем явной подкидышности), попавший в князи. То есть из подлого звания простолюдинов, скорей всего иноземного происхождения, аж в цари. Потому-то так легко и удавались Лефорту все его начинания.

Так кто же он такой?

Вот основная черта этого более чем странного иноземца, странным образом так легко сумевшего овладеть всеми помыслами поставленного на трон масонами царя. Франц Лефорт:

«...сумел, в отличие от многих иностранцев, хорошо овладеть русским языком» [43, с. 122].

Однако ж он это свое прекрасное якобы случайное овладение столь сложным для заграницы наречием очень тщательно скрывал:

«...писал по-русски латинскими буквами» [43, с. 122].

То есть масонами на эту роль был избран резидент, прекрасно владеющий языком той страны, в которую его командировали вольные каменщики страны банкиров — Швейцарии. И то, как ему удалось всецело овладеть расположением молодого царя, что заметно теперь просто невооруженным глазом, следует приписать не его каким-то таким якобы выдающимся качествам, но очень четкой работе более чем серьезной организации, резидентом которой в Москве и был Лефорт.

Так на что же похоже все вышеизложенное?

На самый настоящий заговор! Причем, заговор именно держателей банковского капитала, определенного в оборот Сионским приоратом, который и по сию пору всецело распоряжается сокровищами тамплиеров, после ареста «вольных каменщиков» так и не обнаруженными французским королем Филиппом Красивым. Потому становится совершенно очевидным, что своего резидента в Москве напрямую субсидировали именно те масонские структуры, которые, после разгрома христианским монархом их дочерней организации, ордена тамплиеров, смогли остаться в тени и продолжить свою подрывную деятельность.

Но почему же эта явная провокация была столь удивительнейшим образом *не замечена никем?!*

Похоже, что слишком много денег было вложено в данное предприятие мировым капиталом, а потому никто произведенной подмены в люльке ребенка заметить *не пожелал!*

Ну, ладно царь-отец — но и мама-царица своего ребенка от подкидыша отличить не смогла!!!

Почему?!

А уже для посвящения в масоны Петру, как теперь оказывается, вовсе не обязательно было ехать куда-то за границу. Франц Лефорт, к которому столь равнодушен был юный Петр, содержал в исправности целое заведение, где под предлогом выпивок и кутежей, практически открыто, сходились масоны для тайных своих месс. Потому справедливым является мнение, что:

«Петр правил Россией держа в руках не скипетр с державою, а молоток масонского мастера» [19, с. 169].

«Царь часто писал Лефорту подобострастные письма, на которые Лефорт отвечал в безцеремонно-фамильярном тоне. Это странное взаимоотношение царя с подчиненным можно объяснить только в том случае, если учитывать иерархию в масонской ложе¹³» [274, с. 21].

Но имеются сведения о посвящении Петра в масонство и за границей. А ведь в свое первое путешествие он отправляется именно в год, когда ему исполняется 25 лет. Однако же известно, что в масонство принимают именно в этом возрасте! Что, судя по оставшимся с тех пор документам, и произошло в Голландии, куда он устремился со своей свитой, почему-то поименованной «Великим посольством»:

«Г.В. Вернадский в своей книге “Масонство в царствование Екатерины II” сообщает, что, согласно существующему документу — письменной присяге Петра I, русский царь был принят в “шотландскую степень Св. Андрея”. По указанию того же исследователя, “среди рукописей масона Ленского есть письменные свидетельства, подтверждающие, что Петр I и Лефорт в Голландии были приняты в тамплиеры”» [130, с. 197].

А ведь и отправился он в свое заграничное турне именно в том возрасте, когда как раз и начинают принимать неофитов в эту тайную организацию:

«...10 марта 1697 года...» [239, с. 22].

И вот для каких нужд Петр вступил в эту организацию:

«На сегодняшний день однозначно можно говорить о том, что масонство... служит цели установления власти антихриста» [178, с. 222].

Потому и вступил в эту организацию царь, именуемый русским человеком антихристом:

«...Петр I, посвященный в Амстердаме в 1697 году английским масоном Джоном Верном» (там же).

Что подтверждается в том числе и документально:

¹³ Б. Романов. Русские волхвы, астрологи и провидцы. СПб, 1998.

«В одной рукописи Публичной библиотеки рассказывается, что Петр был принят в шотландскую степень св. Андрея, причем дал обязательство, что сей орден восстановит в России, что и исполнил (в виде ордена св. Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 г.); его письменное обязательство существовало в прошлом веке в той же ложе, где он был принят, и многие оное читали» [4, с. 68–69].

А вот как доказывается существование в России этого ордена уже чисто материально. Вот что сказано об орденской голубой ленте, перекидываемой адептами этой организации через плечо:

«На изобразительных памятниках она впервые встречается на миниатюрном портрете Петра I... который датируется 1700-ми гг., и на портрете Б.П. Шереметева 1710 г.» [299, с. 151].

Упоминает о ношении голубой ленты этого ордена Петром и главными его приближенными и датский посланник Ю. Юль. Он сообщает о ее ношении, например, Меншиковым.

Однако ж вот какая деталь отношения Петра к масонству сводит на нет все выше уже изложенное о нем на эту тему:

«Г.В. Вилинбахов доказывает, что орден св. Андрея был учрежден Петром еще до поездки в Англию — в 1695 или 1696 г.¹⁴» [298, прим. 39 к с. 68].

Здесь, казалось бы, мы натываемся в нашем разыскании о масонстве Петра на какие-то ничем неразрешимые противоречия. С одной стороны свидетельств много. Но, с другой стороны, все они какие-то уж слишком противоречивые и одно другое исключают.

Однако же, если разбирать масонство Петра более пристально, то никаких несоответствий между очевидцами его вступления в эту организацию нет и быть не может. Ведь все разбираемые нами недоговоренности упираются аккурат в тайну происхождения Петра I. То есть в его родословную.

И предпочитают помалкивать об истинной дате вступления его в масонство исключительно из-за того, что будь он и на самом деле сыном Алексея Михайловича, чье масонство будет теперь отвергаться всеми и вся с пеною у рта, его в масонство никто бы не принял ранее 25-летнего возраста. Так у них заведено. Потому официальное масонство Петра всегда рассматривается никак не ранее 1697 года — времени прибытия его в Голландию.

Но Петр, что теперь нами выясняется, в своем ближайшем окружении имел одних лишь масонов. Потому вступил в эту организацию много раньше официально принятой даты. А вступил потому, что вовсе не Алексей Михайлович является его истинным отцом. Но какое-то лицо, своей родословной явно причастное и к вероисповеданию, и к родословной туземного населения Ханаана. Таковым, например, был Карамзин, вступивший в масонство еще в свои юношеские годы. Его столь раннее вступление в эту тайную организацию (в масонство обычно принимают в 25 лет) вот о чем говорит. В те времена уже существовало:

«...масонское крещение детей» [182, с. 184].

Эрзац, понятно дело, крещение.

«Такой ребенок... почитался как бы принятым в масонство, и при достижении им известного числа лет все его принятие ограничивалось принесением света верности братству: обычные испытания отсутствовали» (там же).

Потому Петр мог основывать орден Андрея Первозванного, так уж ему полюбившийся, еще до наступления срока своего официального вступления в эту организацию. Посещая при этом, что и понятно, масонские мессы у Лефорта в немецкой слободе, затем в масонском храме Дубровиц, выстроенном его воспитателем Борисом Голицыным, введшим его, между прочим, в немецкую слободу:

¹⁴ Вилинбахов Г.В. К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюция его знака. Цит. по: Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 145.

«Князь Борис Алексеевич Голицын... особенно склонен был к питию. И оной есть первым, которой начал с офицерами и купцами-иноземцами обходиться. И по той своей склонности к иноземцам оных привел в откровенность ко двору и царское величество склонил к ним в милость» [335, с. 247].

Так что очень не прост был этот самый воспитатель. И очень не зря в воспитатели будущего царя масона был поставлен именно он. Ведь именно он, родственник могущественнейшего фаворита Софьи, масона В.В. Голицына, приводит своего воспитанника в гости к другому масону — Лефорту. И масону очень не рядовому, но направленному для какой-то тайной миссии в Москву самим предводителем западных масонов — Вильгельмом Оранским. А вот кем тот, в свою очередь, на данный момент являлся:

«Вильгельмом III (1650–1702) штатгальтер голландский и король английский» [338, прим. 35 к с. 221].

Но и Петр, судя по всему, сын либо Лефорта, либо вообще неизвестно откуда присланного в Москву ребенка, слишком явно представлял собою масона ох как еще и не в первом поколении. Именно по этой причине он распрекрасно мог вступать даже не в одну, а во все имеющиеся в Голландии ложи.

Но и в Англии, куда он отправился оттуда потом, Петр вовсе не забывал о цели своего этой страны посещения:

«Будучи в 1698 г. в пригородах Лондона, Петр 26 марта посетил Виндзорский дворец и в нем капеллу св. Георгия» [298, прим. 39 к с. 68].

И вот почему он оказался в Виндзорском дворце и посетил там не что-то там еще, но исключительно вышеупомянутую *капеллу*. Именно здесь:

«кавалеры ордена Подвязки принимают посвящение...» [297, с. 87].

Так что, будучи в тщательнейшим образом закрытом от посторонних глаз «святая святых» английского масонства, Петр I интересовался не чем там еще, но:

«статутами и традициями английских орденов» [298, прим. 39 к с. 68].

Масонских орденов, что понятно и без каких-либо особых пояснений.

Конечно же, имеется версия и того, что он был здесь посвящен королем масоном, Вильгельмом III Оранским, и в эту ветвь пристально рассматриваемой нами всемирной тайной организации, находящейся на самом вершине этой скрытой от глаз непосвященных пирамиды. Что ж, может быть и в нее. Потому как работа им на эту организацию просматривается вообще во времена всей его кипучей деятельности по уничтожению единственного в мире Православного Царства. Он сделал все, что было в его силах, как по уничтожению русского населения России, так и по подрыву единственного стоящего на его пути, пути антихриста, вероисповедания — Православия.

А потому для большего успеха ведущейся им работы адовой, что, собственно, встречается в сведениях о многих масонах серьезных посвящений, он мог одновременно принадлежать сразу к нескольким масонским организациям. О чем мы и находим множество свидетельств.

Потому лишь одна из очередных версий посвящения в масонство Петра утверждает, что:

«Сделал это в 1699 году английский архитектор Кристофер Рен» [19, с. 130].

А вот и еще о том же сообщается, что Петр масонство:

«...вывез из своего путешествия (второго, 1717 г.) масонский статут и на его основании... открыл ложу в Кронштадте» [23, с. 169].

Так что лож он открыл множество. Во множество же и вступил. Но вот где торчат рожки от его самого еще первого если не посвящения, то участия в этой ложе в качестве рожденного от посвященных родителей, а потому семимильными шагами неуклонно шествующего вверх по масонской лестнице даже несмотря на свой еще в ту пору слишком юный для этого возраст:

«...первая ложа существовала в России еще в конце XVII столетия. Мастером стула в ней был Лефорт...» [23, с. 169].

А Петр, как известно, был одним из членов этой ложи. А потому Лефорта, как сообщает Георг Адольф Вильгельм фон Гельбиг, секретарь саксонского посольства при Екатерине II:

«...даже побаивался его же повелитель...» [328, с. 14].

Так что Франц Лефорт был вовсе не рядовым масоном. И очень неспроста был направлен королем масоном Вильгельмом III Оранским в Россию. Но имел очень серьезные как полномочия, так и финансовые для их наиболее надежного исполнения источники.

Что в очередной раз подтверждает и выше выдвинутую версию, откуда у этого самого «швейцарца» имелись столь неистощимые финансовые возможности, которые позволяли устраиваемым кутежам не прекращаться ни на единую секунду, продолжаясь даже во время отсутствия самого хозяина. И наш «реформатор», *даже* весьма удивительным образом *побаивающийся Лефорта*, здесь был не просто вольным слушателем и собутыльником. Но имел, после нескольких лет здесь присутствия, то есть в эту ложу своего посвящения, достаточно солидную должность. В этом ордене, возглавляемом Лефортом, о чем известно и что было еще в первые годы посещения Петром этих тайных собраний:

«...первым надзирателем Гордон, а вторым сам Петр» [23, с. 169].

Потому о нем имеется высказывание современников вот в каком ключе. Он:

«служил в России, но не России» [344, с. 559].

Кстати, сам-то ведь этот Гордон, вышестоящий Петру масон, в Москву попадает в 26 лет [341, с. 163]. То есть аккуратно после поступления в какую-то из масонских лож на Западе. Приезжает же он сюда, как и Лефорт, очень даже не с пустыми руками. Он приехал в Россию:

«...имея 600 червонцев и четырех слуг» [341, с. 162].

То есть как бы так якобы на заработки, в Московию, приехал уже и без того имея невесть откуда взявшееся у него, аккуратно за бедностью и выехавшего из Шотландии, целое состояние. Мало того, не весть откуда появившихся у него аж целых четырех слуг.

Так что и Гордон, что выясняется, имел при себе все то, что имел Лефорт. И оба, заметим, являлись масонскими руководителями. А если учесть связь масона Лефорта с масоном В.В. Голицыным, то и о Гордоне следует сказать все то же:

«1684 г. застал Гордона в Москве, куда он прибыл [из Киева — А.М.] хлопотать о своем переводе в столицу. Там он сблизился с князем В.В. Голицыным, фактически главой правительства при Софье. Этот “царский талант”, как называли его иностранцы, установил с Гордоном дружеские отношения, часто встречался с ним...» [341, с. 163].

А вот продолжение всей этой удивительной истории о масонском «подполье» в Москве:

«В той же Немецкой слободе еще до заграничной поездки Петра собиралось тайное “Нептуново общество”. “Адмирал Лефорт был его председателем, в него входили как иностранные на русской службе (Я. Брюс, А. Фархварсон), так и русские генералы (Ф.М. Апраксин)”¹⁵. Петр числился “первым надзирателем” и знакомился там с магией, алхимией, астрологией» [274, с. 23].

То есть, через некоторое время после вступления в «Нептуново общество», Петр был сначала вторым надзирателем, а впоследствии, не иначе как после принятия положенного числа степеней посвящения (возможно, что и не положенных, но сделанных лишь как уступка царю), оказался, что и естественно, повышен чином — стал первым. А затем, уже во время поездки в Европу, был посвящен и в иные тайные общества: и Реном, и Верном, и, возможно, некоторыми и иными тайными адептами тайных сект. Например, все тем же

¹⁵ Б. Романов. Русские волхвы, астрологи и провидцы. СПб, 1998.

Вильгельмом Оранским. И преуспел он именно в этих науках, судя по всему, презрительно. Ведь уже в городе Реймсе, например, вот какая удивительная история произошла. История, что и понятно, ни тогда, ни сегодня никем не понятая.

Так вот, в Реймсе:

«...где венчались на царство французские короли, до сих пор хранится Евангелие... короли при своем помазании давали обет Господу на этом Евангелии... оно считалось ими написанным на каком-то совершенно неведомом языке» [80, с. 229].

Юрий Воробьевский в своей книге «Шаг Змеи» поясняет, что французы объясняли это тем, что язык Евангелия из Реймса раньше был их собственным языком. Но теперь он давно забыт, а потому они и не могут прочесть эту свою старинную священную книгу.

«22 июля 1717 года, когда император Петр Великий проезжал через город Реймс и осматривал соборную ризницу, то Евангелие это было ему показано с пояснением, что никто не знает, на каком оно написано языке. К величайшему удивлению присутствующих, великий русский царь, взяв его в руки... начал его тотчас же бегло читать» [80, с. 229].

Что и вполне естественно — на старославянском языке! Ведь именно этот язык, как теперь выясняется, до онемечивания местных крестьян и являлся некогда в данной местности разговорным.

И здесь нет ничего удивительного: уж к сорока пяти-то годам, то есть за двадцать лет знакомства с этой тайной, лишь у масонов сохранившейся нашей рунической письменностью, можно было ее с грехом пополам все-таки освоить даже и такому не слишком способному к наукам ученику, каким был Петр. Однако ж набраться глупости продекламировать это свое тайное знание перед толпой зевак?!

И вот какова история появления в Реймсе записанного древним руническим письмом прочитанного Петром по-славянски Евангелия:

«Хлодвиг, еще язычник, женится на бургундской принцессе Клотильде... хотя сами бургунды исповедовали в своей массе арианство, Клотильда была православной... В 496 году под Кельном войска Хлодвига вынуждены были сдерживать натиск вторгнувшихся алеманов. И впервые воины Хлодвига дрогнули. И тогда молодой рекс воздел руки к небу и стал истово молить Христа даровать ему победу. И только он закончил столь неожиданную и для себя самого молитву, алеманы дрогнули и, поддавшись панике, побежали... Клотильда упростила мужа немедленно креститься» [57, с. 100–101].

И вот где произошло крещение этого предводителя франков:

«В Реймском кафедральном соборе...» [57, с. 101].

Именно там с тех пор всегда и:

«...венчались королевской короной французские монархи...» [57, с. 154].

И вот когда Петр был там проездом, ему:

«...показали таинственное Евангелие, на котором с незапамятных времен давали присягу короли воинственных франков» [57, с. 155].

Его-то он и прочел бегло, всем на удивление, на славянском наречии. Что является очередным доказательством полной абсурдности крещения Руси князем Владимиром. Ведь это Евангелие существовало за половину тысячелетия до событий, от которых принято отсчитывать ход нашей истории:

«Все что России было необходимо, она уже имела — Слово Божие на родном и священном языке» (там же).

Вот что сообщается о происхождении Евангелия, столь бегло прочитанного Петром в Реймсе:

«В 633 году в гавань города Булонь-сюр-Мер, что на северо-западе Франции, зашел таинственный корабль. На его борту не оказалось ни единого человека, только небольшая статуэтка “Черной Мадонны” и рукописное Евангелие на арамейском языке, языке, на котором разговаривал Спаситель» [57, с. 163].

Население данной местности, как становится все более очевидным, в старину состояло исключительно из славян. Потому, именно на данном наречии и было исполнено Евангелие, полученное православными славянами той далекой эпохи.

Но о составе проживающего здесь когда-то населения имеется упоминание и арабских путешественников, которые утверждали, что в те еще времена вообще весь белый континент разговаривал на языке этого хранящегося в Реймсе Евангелия:

«Третий народ¹⁶ составляют юнайцы (древние греки), Рум (римляне и византийцы), славяне, ифранджа (франки) и соседние с ними народности на севере. **У этих народов был один общий язык и один царь**» [242, с. 30].

Вот еще о том же. На арабском наречии:

«...сиклаб [славянин — А.М.] значит белый человек» [242, с. 38].

Так что вовсе не удивительно, что Европа, до появления здесь безчисленных орд немцов, была поименована *белым* континентом всеми народами того раннесредневекового мира исключительно по той причине, что здесь некогда преобладающим народонаселением являлись славяне, разговаривающие, что и более чем естественно, на своем родном языке — старославянском. Что:

«...необходимо учитывать, как некий исторический контекст таинственного появления в Реймсе славянского Евангелия, без преувеличения главной святыни французской короны» [57, с. 194].

Так что, с какой стороны ни глянь, а получается:

«...что Евангелие было написано “роусьским” языком, подобно другому, которое видел [приобрел — А.М.] в Крыму просветитель славян Константин-Кирилл Философ» [57, с. 219–220].

Но на смену нашей слоговой рунической письменности пришла буквенная кириллица, которая стала потихоньку вытеснять нашу древнюю грамоту. Князь же Владимир первым своим шагом по якобы уничтожению язычества приказал предать огню все писанные рунами книги. Что и было исполнено. Так мы были лишены нашей древней грамоты. Масоны же, устроившие нам эту странную реформу, впоследствии стали использовать наше древнее письмо в качестве тайнописи.

Между тем лишь принадлежность Петра к доизраильскому населению Палестины, то есть к туземному населению Ханаана, могла позволить ему подняться в масонской иерархии выше 33 градуса посвящения. Потому и оказалась ему знакома руническая грамота, используемая этой глубоко законспирированной организацией в качестве тайнописи. Эту тайнопись в своей работе «Праславянская письменность. Результаты дешифровки. Том II» перевел на наш современный язык Г.С. Гриневич [27], что позволило заглянуть во многие тайны, которые масоны столько лет скрывали от посторонних глаз.

Но потому и оставались все их секреты до сих пор не расшифрованными, что эта тайнопись доверялась лишь единицам, которых адепты ортодоксального иудаизма очень уважали и называли князьями изгнания. И если Петр знал эту грамоту, то, значит, и не мог не являться одним из них.

Это еще раз говорит о его настоящей, а не вымышленной национальности.

И отнюдь не случайно безсменным «другом» Петра оказался самый первый вор в его же государстве — безродный Алексашка Меншиков. И, судя по колоссальности этим самым «другом» практически в открытую наворованных у своего сюзерена финансовых средств, он был своему господину отнюдь не просто «другом», но именно «братом». А потому и сходило ему с рук все то, миллионная доля чего для любого простого смертного закончилась бы дыбой, кнутом и плахой. Наряду с получением массы всеразличных наград в 1706 г., кроме вороха незаслуженных званий и орденов этот странный соратник Петра ко всем прочим своим регалиям прибавляет и звание адмирала какого-то:

¹⁶ Де Саси. Сказания мусульманских писателей, с. 140.

«красного флага» (!) [16, с. 210].

И вот интересный момент: именно под красным флагом на миниатюре из книги П.Н. Крекшина «История Петра I» изображены:

«Учения в селе Преображенском под командованием Петра I» [13] (иллюстрации к с. 224).

Вот под какого цвета знаменами Петр отправлялся на войну с турками. В дневнике Юля от 8 марта 1711 г., при описании церемонии объявления войны Турции, значится:

«...внесли два красных знамени... каковые знамена предстояло за эту обедню освятить» [293, с. 249].

Об ином цвете знаменах, при совершении молебна петровскими придворными «о даровании успеха и одоления на турок», в дневнике Юля ничего не сказано. А ведь это были знамена Семеновского и Преображенского полков. То есть красной, что получается, гвардии пришедшего этого во имя свое антихриста.

Но и морские флаги Петра оказываются красными [53] (иллюстрации к с. 256). Картины: «Спуск на воду фрегата “Штандарт”», «Балтийский флот в походе» и «Петр I идет к адмиралтейству» — совершенно однозначно передают тот простой факт, что у Ленина и Петра знамена имели один цвет.

Вот еще фрагмент:

«Я приказал распустить на своем корабле с большого топу красный флаг; Кроншлотский комендант также. Анкерштерн спустил шведский флаг и поднял красный; но, не дотянув до топу, опять спустил; я же свой красный флаг держал до самого вечера, пока галеры стали в линию с нашим флотом» [197, с. 264].

Так что *красный флаг* и является знаменем раздутой над миром именно Петром гидры революции! И во Франции, и на Красной Пресне, а затем и над половиной мира нависло это страшное чудище, начало которому было положено еще в ту далекую эпоху адмиралом «красного флага», масоном высокого градуса посвящения, правой рукой пришедшего в мир антихриста — Алексашкой Меншиковым, плутом, воров и кутилой.

И вот как достаточно странно происходили свидания этой темной личности с Петром. 7-го мая 1710 г. в дневнике датского посла Юля появляется описание встречи Петром прибывшего из Москвы Меншикова:

«Сам царь выехал к нему за три версты от города, несмотря на то, что недавно хворал и не совсем оправился. Замечательно, что князь даже не слез с лошади, чтобы выказать своему государю почтение и встретить его, а продолжал сидеть верхом до тех пор, пока царь (первым) к нему не подошел и не поцеловал его» [293, с. 176].

Что это — очередной маскарад в исполнении шутов Петра или здесь заложена какая-то и по сию пору невыясненная тайна, позволяющая Меншикову так себя вести перед своим сюзереном?

Но вот вскрывается еще одна достаточно серьезная связь Петра с европейским масонством:

«...во второй половине XVII столетия усиленное внимание обращает на Россию Лейбниц, роль которого в петровской антиправославной и антирусской революции, к сожалению, мало исследована» [182, с. 97].

Попробуем ее немного «поисследовать». То есть собрать о его роли в предпринятой Петром «перестройке» хоть какие-то факты.

А между тем эти факты имеются в достаточном количестве и практически на поверхности. Ведь столь явная нашей страной заинтересованность Лейбницем прослеживается:

«...из его писем к Витзену, Лудольфу и Спарвенфельду» [182, с. 97].

Но и иная переписка подтверждает эту явную связь:

«Петр много лет переписывался с Лейбницем, а Вольфа даже позвал возглавить Санкт-Петербургскую де сиянс Академию наук» [14, с. 65].

И вот когда это произошло:

«В 1723 году приглашен был в Академию из Марбурга профессор Христиан Вольф» [403, с. 617].

Но кто же это такие?

Лейбниц является теоретиком некоего так называемого “регулярного государства”, представляющего собой что-то вроде Утопии Томаса Мора. Именно эту Утопию, судя по всему, после ознакомления с этим проектом, и выстраивал Петр I практически все время своего царствования.

«По словам Лейбница, в этой машине “как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы”» [14, с. 64].

Причем, всякий подданный, дабы часы эти не сломались от переизбытка этой пресловутой гармонии:

«...должен быть обязан, под страхом тяжелого наказания... оказывать содействие...» [390, с. 121].

Что-то до боли знакомое. Мы через такое прошли — побывали в качестве винтика для такого вот механизма. Потеряли, правда, при этом, то ли треть, то ли вообще половину своего населения...

Но этот на нас опробованный большевиками образец общества, как теперь выясняется, придуман не сегодня. Это их «счастливое» государство:

«...вполне могущее существовать и без населяющих его жителей. Перед нами законченный образец тоталитарной идеологии, рожденной в просветительскую эпоху “культы разума”. Счастье человека заменяется счастьем государства» [161, с. 48].

«...Лейбниц горит желанием превратить Россию в экспериментальное поле для деятелей оккультных и герметических обществ... По проекту немецкого ученого, напоминающего “Новую Атлантиду” Ф. Бэкона, Россией должно было управлять сообщество ученых — “Орден Соломонова Храма” или “Дом Соломона”. В одной из своих записок Лейбниц, сам член тайного союза розенкрейцеров-алхимиков, исповедовавший герметическую философию каббалы... предлагал Петру I отдать власть в России этому обществу...» [161, с. 66–67].

Возглавить же это общество собирался сам:

«...записка, представленная Лейбницем в Торгау, есть самое подробное изложение его плана относительно устройства в России ученой коллегии. Из нее можно заключить, что он желал сам сделаться ее президентом...» [390, с. 122].

Но у царя-антихриста не было недостатка в советах и руководящей роли масонов алхимиков — у него со времен еще законных Романовых весь двор буквально кишел ими (см.: [232] и [233]). Да и менять себя на кого-то там еще он также не слишком-то и собирался. Хоть и импонировал ему поставленный во главе страны русских интернационал. Потому:

«...эта система руководства страной не была полностью принята Петром...» [161, с. 67].

Однако ж приняты были на вооружение масонские «естественный закон» и «естественная религия», что представляет собой:

«...Тора и ее душа — каббала» [161, с. 67].

Так что же это за наука такая нами не познанная?

«Как пишет в своей статье “Оккультная колонизация развитого мира?” писатель и известный журналист еврейского происхождения Генри Макоу: “Каббала — это сатанинское учение, источник оккультизма, ведовства, черной магии, ритуальных жертвоприношений не только животных, но и людей, это нумерология и колдовство. Это источник так называемого религиозного движения Нью Эйдж”.

Макоу приводит слова Тексе Марса из Codex Magica: “Каббализм — это и есть настоящий иллюминизм. Он учит, что зло трансформируется в добро и, следовательно, Люцифер — это бог. Сатана — это единственный и настоящий бог. Это — главная доктрина каббализма и масонства”» [169, с. 232—233].

Так что:

«Люди, которые по своей слепоте начинают заниматься каббалой, не сознавая того, **закключают договор с адом**» [169, с. 232].

«В своей книге “Догма и ритуал высшей магии” Элифас Леви писал: “...знание это, то есть каббалы, нам передано евреями, а эти последние получили его от халдеев-сабеистов”, и далее “...религиозные обряды всех иллюминатов — Якова Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена — все они заимствованы у каббалы. Той же каббале всеми своими тайнами и символами обязаны и все остальные масонские общества” (Eliphas Levy. *Dorme et Rituel de la Haute Magie*. Paris, 1856)» [179, с. 54].

Потому-то Лейбниц и считал, что когда из России им удастся сконструировать самоистребительную машину, что-то по образцу нынешней, тогда:

«“...все человечество от этого останется в большой прибыли”¹⁷» [182, с. 97].

«Человечество» — да — останется. Самой же России, то есть ее коренному населению, что и понятно, после таковых форм «благотельств», на земле может и места не хватить...

К чему сегодня уверенно приуготовливает мир в своих речах Маргарет Тэтчер, представитель «комитета 300», обещая оставить в России, после завершения некогда начатых еще Горбачевым «преобразований», не более 15 млн. жителей.

«Сама по себе тема Лейбница и России замечательна еще и тем, что поворот к Европе, осуществленный Петром, по своей радикальности может быть сопоставлен, пожалуй, лишь с падением железного занавеса в постсоветский период» [389].

Петр уничтожил только половину русского населения России. Так что нынешнее падение этого самого пресловутого «занавеса» предполагает собой потери куда как более существенные и невозполнимые.

Но, может быть, зря на Петра навесили это столь его компрометирующее знакомство с Лейбницем? Может быть, вовсе не по его рецептам он выстраивал свое государство-тюрьму?

Свидетельств его общения с масонами, чьи принципы построения государства легли в основу его безумной человеконенавистнической политики, более чем предостаточно. Вот очередное из них:

«“Великая ложа Англии” собрала под свою сень все островные масонские ложи в 1717 году. Они действовали и раньше, со времен Бэкона, и позднее, включая время четырехмесячного пребывания Петра I в Англии, когда православный самодержец, в частности, “завязал сношения с главными представителями англиканской церкви”, а также **заказал ученому богослову Френсису Ли “проект о реформе в самых обширных размерах”** (но Лейбниц оказался “мастеровитее”)» [176, с. 161].

Вот, кстати, каковы были основные вехи еще первого его путешествия по заграницам. Ведь ехал он туда, вполне определенно, не только для увеселений или всю плешь нам проевшей его некоей якобы чему «учебы», но, вполне конкретно, чтобы вступить в масонство:

«Интересно проследить первое заграничное путешествие Петра: а) идея поездки дается Лефортом, кальвинистом и пламенным поклонником Вильгельма III; б) относительно маршрута идет переписка с Винтzenом, который поджидает посольство в Амстердаме; в) Лейбниц принимает самое горячее участие во всех стадиях поездки и старается создать европейское общественное мнение в пользу будущего реформатора России; г) конечная

¹⁷ А.Г. Брикнер. История Петра Великого. Т. 1–3. СПб., 1882.

цель поездки — свидание с масонским королем Вильгельмом III Оранским и вероятное посвящение Петра в масоны» [182, с. 108].

Так что самым главным действием этого пресловутого «Великого посольства» являлась встреча Петра с королем державы, единственной по тем временам полностью вставшей под власть масонов. И эта столь долго планируемая встреча состоялась:

«В Утрехте виделся он с Английским королем Вильгельмом III...» [185, с. 214].

Вот что о внешней стороне их беседы, то есть о действительно впоследствии произошедшем и не требующем доказательств в истинности, сообщает французский писатель, лично знавший Петра, Сен-Симон:

«В Голландии царь открыл свой план [по замене Православия католичеством — А.М.] королю Вильгельму, который отговорив его от этих намерений, посоветовал воспользоваться примером Англии и самому стать главой церкви...» [312, с. 352–353].

Так, собственно, впоследствии и произошло. Вот в чем заключается главная часть миссии Петра на Запад. Король масон, глава мирового масонства, Вильгельм III, дал инструкции Петру для дальнейшего выполнения их планов по уничтожению Православия в России. И этими планами, следует все же признать, Петр воспользовался в полной мере, введя, в конце концов, после двух десятков лет церковного безвластия, вместо Патриаршества целиком подвластный ему св. синод.

И вот для чего предназначалось эта новая структура церковной власти, сконструированная по заказу Петра ловким Прокоповичем:

«...неизвестно, было ли в самом деле намерение посадить в Синоде и лютеранских пасторов и сделать его высшею административною инстанциею как для православной русской церкви, так и для находящихся в России неправославных христианских исповеданий (на что намекает Арсений Мациевич в Возражении на Молоток); но то верно, что при Петре, в первое время Синода, ведению его подлежали лютеранские церкви в России и их пасторы» [403, с. 573].

То есть Синод изначально был рассчитан аккуратно на задумываемую царем-антихристом структуру экуменического сбора всех вер в одну. Причем, эта идея государственного перестроения, принадлежит вовсе не Петру, но его заграничным масонам: Английскому королю и Лейбницу, к которым он и совершал тот свой еще первый вояж.

А сама структура этого странного на первый взгляд выезда русского царя за кордон прекрасно просматривается из биографии Лефорта. Тот, одно время в качестве наймита участвующий:

«...при осаде городов Граве и Уденора, был опасно ранен, и обратил на себя внимание Принца Оранского» [185, с. 87].

Именно после общения с этим высокопоставленным масоном Лефорт, снабженный деньгами и полномочиями (помимо этого принц Оранский, будущий масонский король, просто не мог не определить Лефорта в служителя своей секты):

«...полетел на отдаленный север» (там же).

И вот свое задание, полученное при заброске в Россию, Лефорт выполняет с лихвой: незаконный царь, посаженный на престол более чем явно масонами, предпринимает путешествие в Западную Европу.

Но почему целью поездки являются именно Англия с Голландией?

«В качестве основных стран были выбраны Голландия и Англия, где тайные общества и их финансовые структуры имели особо сильные позиции. Именно там произошли первые революции» [274, с. 159].

И в доказательство не случайности такого выбора своего маршрута Петром следует добавить и слишком существенную деталь, внесенную в государственную геральдику им при посещении этой территории, завоеванной масонской революцией:

«Позаимствовал Петр и триколор, впервые появившийся в Голландии в 1630 году после первой в Европе масонской революции... Тем самым он внес в геральдику России масонские символы, которые доминируют и сегодня» [274, с. 164].

А представляют собою эти цвета, которые и сегодня красуются на флаге захваченной масонами России, красный, синий и белый, степени масонского посвящения. Потому нам, и по сию пору все также упорно не желающим верить своим глазам, эта смена красного знамени антихриста знаменем масонов февральской революции ничего хорошего сулить не должна. Но становится понятным, почему это на освободившемся от пятиконечной звезды паспорте вдруг проглядывают и еще более зловещие символы — 666 на каждой его страничке, повторенные троекратно.

Так что очень это не здорово — не иметь памяти. Ох и приполучим за такое по ушам...

И вот какие события вполне закономерно привели нас к сегодняшнему апостасийному дню:

«В 1688 году в Англии произошла вторая революция. Последний представитель династии Стюартов — Иаков II вынужденно отрекся от престола в пользу Вильгельма III Оранского...

Первого сентября 1697 года русский царь впервые в истории беседовал с руководителем другого государства с глазу на глаз. О содержании разговора источники не сообщают» [274, с. 159–160].

Но не все так безнадежно мрачно. Ведь один источник мы выше уже процитировали. И рассказывает он о самом главном — о данном руководителем мирового масонства совете, который Петр исполнил в точности. Ведь попробуй он несколько переборщить в надруганиях над Русской Церковью и открыто объявить о введении в стране католичества — его вполне могла ожидать участь двух Лжедмитриев. Потому рука опытного Вильгельма Оранского здесь видна наиболее очевидно. О чем и свидетельствует знавший Петра лично Сен-Симон, добавляя при этом, что церковную власть в своей стране:

«...целиком сосредоточил в своих руках царь и сохранил особенно ревниво после совета, полученного от короля Вильгельма, так что со временем он сделался подлинным главой церкви в своей обширной державе» [312, с. 353].

А ведь в тот знаменательный момент произошло не просто свидание двух монархов отдаленных одна от другой могущественных держав, но встреча глав государств именно революционных. Причем, один из них и организовал, путем дворцовых закулисных интриг, утверждение на троне своего на этой встрече собеседника. Мало того, организовал, с помощью, опять же, засланных в Россию масонов, свершение этим вторым в своей стране самой настоящей революции.

И вот чем эти страны в тот знаменательный момент были как сиамские близнецы детьми одной матери — революции. Точно так же, как и при Петре Всешутейший синод:

«При Вильгельме существовал клуб безбожников, устав которого предписывал членам упражняться в пародийном кощунстве» [274, с. 160].

И кто у кого мог содрать этот балаган — читаемо без какого-либо пояснения: младший, что и понятно, у старшего. Так что в Голландии встретились главы в первую очередь революционных государств, пытающиеся привить в своих странах безбожие на государственном уровне. И суть их общения является лишь частью программы обучения Петра масонской премудрости. Ведь кроме личной встречи с масоном Вильгельмом, участником тайны выдвижения Петра в цари, целью путешествия была встреча и с масоном Лейбницем. И здесь трудно сказать, какая из этих встреч для вольнокаменнического братства была более необходима. Ведь перестройка Святой Православной Руси в атеистический концлагерь, идеологом построения которого и являлся Лейбниц, не могла не быть самой главной целью, стоящей в тот момент перед врагами русской государственности, которые и слетелись в тот судьбоносный момент в Голландию, словно на падаль слетается воронье.

Итак, все по порядку. Проследим за этим странным вояжем, завуалированным историками под «Великое посольство», еще раз, более пристально приглядываясь, с кем из известных масонов Петр имел более чем очевидный контакт:

«Из Конненбрюге Петр отправился в Голландию. 16 августа Лефорт со своими товарищами торжественно въехал в Амстердам. Здесь произошла встреча с хорошо известным нам Виндзенем, который до этого находился в постоянной переписке с Лефортом и Спафарием, который выполнял какие-то важные поручения великого реформатора Лейбница» [182, с. 108].

Так что вновь увязаны между собой очень тесно уличенные в принадлежности к масонству личности: Лефорт, Спафарий и Лейбниц. За которыми стоит и вообще — сам Вильгельм Оранский — сюзерен тайной масонской подземной реки, опутавшей своими страшными сетями никакого в том подвоха не подозревающий мир. Причем, все они не просто в ученической степени профаны, но «умудренные» каббалой и чернокнижием самые настоящие алхимики, чьим заклинаниям повинуются бесы. И все они, что мы слишком скрупулезно выясняем, пользовались слишком явным благорасположением Петра (Спафарий почему-то полностью ушел от наказания, которому был подвергнут вместе с ним же и застуканный Медведев со своим сыном Андреем).

Но знаком ли Петр с Лейбницем лично, или они лишь переписывались через поверенных лиц?

Герье, хорошо покопавшийся в архивах, в том числе и Ганноверской библиотеки, сообщает:

«Лейбниц, сколько нам по крайней мере известно, не оставил нам никаких подробностей о пребывании царя в Пирмонте и о своем свидании с ним, как и о свиданиях в Торгау и Карльсбаде. Вследствие... осторожности... он в своих письмах не сообщает даже своего разговора с царем» [390, с. 188].

Однако же, как не старайся что-либо упрятать хорошенько и надежно, шила в мешке все равно не утаишь. И тот же Герье находит эту таинственную в стиле масонской конспирации подальше от людских глаз упрятанную связь:

«Свидание с царем было для Лейбница политической тайной, и он говорит о нем вскользь, даже в письмах к герцогу Вольфенбюттельскому и к курфирстине Софии. Мы знаем только о результате его поездки в Карльсбад» [390, с. 155].

В подтверждение того:

«...мы имеем интересный документ, сохранившийся в Московском архиве¹⁸. Эта записка, поданная Лейбницем царю...» (там же).

То есть никакая тайна, как бы ее ни пытались скрывать, все равно когда-то да всплывает на поверхность. Потому об этой негласной встрече двух крупных масонов остались и документы, и по сей день имеющиеся в архивах.

Но эта личная встреча Петра с Лейбницем в Карльсбаде была, что выясняется, вовсе не единственной, оставившей по себе письменное свидетельство:

«Так, например, в письме к Тейбнеру из Ганновера от 26-го июня нового стиля, он говорит только: “Вчера я говорил с Русским царем...”» [390, с. 188].

А вот каковы отголоски очередного их свидания:

«После свидания в Примонте с Лейбницем Петр решил учредить высшее учебное учреждение — “Академию наук” в Петербурге» [182, с. 125].

Где этими самыми «русскими» академиками, что и без пояснений понятно, являлись одни немцы.

Причем вовсе не на альтруистической помощи Петру основана помощь по перекройке России деятельностью Лейбница:

«От Петра Лейбниц получил титул тайного юстиции¹⁹ советника и пенсию в 200 гульденов²⁰» <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лейбниц>, Готфрид Вильгельм.

¹⁸ На обороте его обозначено: Предложение тайного советника Лейбница, переведено в Карльсбаде 27-го октября (старого стиля) 1712 года.

¹⁹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. С.-Пб., 1890—1907.

²⁰ Филиппов М. М. Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность. — 1893, Глава IX «Лейбниц и Петр Великий. — Последние годы жизни Лейбница».

Вот еще вариант о передаче финансовых средств, отпускаемых Петром на проекты Лейбница по построения концентрационного лагеря в России:

«...в 1711 году Лейбниц получает на русской службе должность тайного юстиц-советника с окладом в 1 000 талеров» [389].

Причем, эту ежегодную выплату Лейбницу, за изобретаемый концлагерь, Петр даже предложил, дабы никто не увел это его просто гениальнейшее всех времен и народов изобретение, запатентовать:

«Секретарь царя по иностранным делам Остерман получил приказ об изготовлении “патента”. Извещая об этом Лейбница, 29-го октября старого стиля, он предложил ему самому написать черновую “так как я очень желал бы, чтобы патент был составлен к удовольствию вашего высокоблагородия”» [390, с. 159].

Что подтверждается и документально:

«В Московском архиве находится черновой проект патента на немецком языке. Почерк, которым он писан, похож на руку Лейбница...» (там же).

Мало того, и само поступление Лейбница на службу к Петру также осталось запротоколировано:

«...в Торгау ему обещали дать чин тайного советника и значительную пенсию, с тем чтоб он представлял русскому правительству свои соображения на счет судебных и финансовых реформ... Теперь в Карлсбаде был издан об этом указ, и Лейбниц официально вступил в русскую службу» [391, с. 542].

Так что связь Петра с Лейбницем упиралась не только в переписку, но и в куда как более существенное подтверждение этого взаимодействия — в финансовую оплату деятельности этого главного на тот момент в мире прораба перестройки планеты. Мало того, этот проект концлагеря он за собой даже застолбил. То есть имеет даже патент на свое изобретение. Что зафиксировано. И патент этот находится в архиве, о чем упоминает державший в руках его черновик, набросанный самим Лейбницем, Герье.

Но не только почерк Лейбница красуется в основании покрытой мраком таинственности связи двух этих прорабов перестройки того века. Подписанный Петром в Карлсбаде документ о приемке Лейбница на службу, также свидетельствует обо всем вышевысказанном:

«1-го ноября старого стиля Петр подписал следующий приказ о принятии Лейбница в русскую службу²¹:

“Избрали мы... тайного юстиц-рата Готфрида-Вильгельма фон Лейбница, за его нам выхваленные и от нас изобретенные достоинства и искусства такоже в наши тайные юстиц-раты определить... И мы для вышеупомянутого его чина нашего тайного юстиц-рата годовое жалованье по тысяче ефимков алб (ертусов) ему определить изволили, которые ему от нас ежегодно исправно заплачены быть имеют... во уверение того сие за нашим собственным рукописанием и государственною печатью нашею Дано в Карлбаде 1 ноября 1712 году”» [390, с. 160].

Так что все уже вышеизложенное прекрасно запротоколировано. Причем, за подписью и печатью самого Петра I.

Остались и его реляции в качестве вещественных доказательств личной причастности Лейбница к построенной Петром тюрьмы:

«...между бумагами Лейбница, хранящимися в отдельном, прекрасно переплетенном томе в Московском архиве министерства иностранных дел находятся три пространные записки: “Мысли об устройстве финансовой части”, “Инструкция для конфискационной канцелярии в России” и “Проект о сборе налоговых денег”... Первые две записки были напечатаны г. Поссельтом в его издании “бумаг Лейбница, хранящихся в Московском архиве”, с пояснением, что они были отправлены царю через русское посольство в 1714 году» [390, с. 195–196].

²¹ Подлинный указ на русском языке хранится в Ганноверской библиотеке.

А вот что говорится в третьей:

«...государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы» [390, с. 197].

Так что масон Лейбниц являлся не просто теоретиком. Петр именно по его рекомендациям и занимался разрушением России и умерщвлением ее народа. Ведь именно им изобретенные коллегии и узурпировали в стране власть, превращая жизнь людей в невзрачные винтики, которые Петр так уж любил менять на новые. Старые же, что свойственно практически всем его людоедским проектам, неизменно отправляя в «утиль». То есть на кладбища, свежими могилами на которых в эти жуткие антихристовы времена была покрыта вся страна.

Но не ушел от участи погребения на кладбище и сам этот реформатор. Причем, способ этого погребения подтверждает масонство Лейбница:

«Экгард, по обычаю того времени, позаботился украсить гроб эмблемами и надписями, характерными для Лейбница. На правой стороне была надписана любимая поговорка... Над этим была изображена единица в круге с надписью: Omnia ad unum (все к одному [из множества одно — А.М.]... Под этим был изображен орел, поднимающийся к солнцу со словами: haurit de lumine lumen (в свете черпает свет). На левой стороне... спираль со словами — Inclinata resurget (согнутая она воспрянет); внизу был изображен сжигавший себя Феникс и слова: Servabit cinis honorem (с прахом останется честь)...

Гурауер удачно сравнивает похороны Лейбница с похоронами его соперника Ньютона...» [391, с. 574].

И все потому, что и тот и другой являлись масонами.

Но отнюдь не в одиночестве поработал Лейбниц на ниве созидания хомута для России. Но и его лучший ученик свой след также оставил в нашей истории:

«В деле учреждения в России Академии наук большую роль играл ученик Лейбница Вольф, который вместе с Лейбницем принадлежал к тайным обществам и вел работу по переустройству мира» [182, с. 125].

А ведь ученик Лейбница, Вольф, что также невозможно упустить при этом из вида, Петром почитаем был ничуть не менее. Потому именно его идеи затем и воплотили в жизнь большевики:

«Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинками [Во-во — в наших советских довоенных фильмах все счастливы. В то, между прочим, самое время, когда в стране стоит страшный голод и людей сажают в тюрьму за поднятые с убранного поля колоски... — А.М.], а уши — музыкою [бравурными маршами — А.М.], пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзию, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию» [14, с. 64].

Что ж, красиво. Не даром говорят, что благими пожеланиями устлана дорога в ад.

Что значит: *быть обязанным прилежать добродетели и благочестию?*

А это как в судилищах доблестной фем: ежели не *прилежишь*, то руки за голову и в лагерном клифте:

По тундре,
По широкой дороге,
Где мчится поезд
Воркута–Ленинград...

Так что мы на собственной шкуре уже эту «Утопию» Лейбница-Петра-Ленина апробировали. Обкушались, что называется, больше некуда — вождам спасибо.

«За колючую проволоку в казармы предполагалось загнать весь род людской. В качестве теоретического обоснования таких казарменных государств принимается теория “естественного человека” и идея Природы как порождение эманации Единого безличного существа, Эн-софа каббалы и масонских лож» [161, с. 91].

И этим существом, судя по его делам, Петр себя всегда и считал. Потому идеи Лейбница ему импонировали. Но и не только импонировали, но и воплощались в жизнь:

«Уже Герье мог сказать, что многие идеи Лейбница со временем были реализованы в России» http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_39.htm

И вот какие конечные цели должны были его прельщать в особенности:

«Во главе правильно организованного государства должен быть царь-священник [именно им и стал Петр, следуя совету Вильгельма III Оранского — А.М.], озаренный знанием высшей премудрости. Великий Мастер и Демиург. Реинтегрированный в самых высоких степенях и получающий бесконечный приток откровений из высшего мира» [161, с. 140].

Но для каких нужд выдвигаемая масонами доктрина полицейской государственности требовала жестко руководить:

«...даже пением птиц и журчанием воды» [14, с. 64]?

А чтобы и саму воду *заботить*: как бы ей за отказ от этого пресловутого *журчания* не схлопотать экзекуции — бамбуковыми палочками и по пяткам...

Так ведь такой железобетонный режим требуется создать исключительно для прихода антихриста!!!

Потому Лейбниц и его ученик Вольф работали для воцарения над миром Петра — в те годы намечающегося претендента на эту роль. Но с ним не повезло: долго вошкался с Карлом и рано кончился от дурной болезни (о чем несколько позже).

Что делать? Готовить следующего претендента. Работают: Вольф, его ученик Ломоносов, его ученик Новиков, Вейсгаупт (Вашоп). Французская революция выдвигает на роль антихриста Наполеона Бонапарта.

Но и он не потянул — и этого москвиты сгубили (Подробно см.: «Три нашествия. Тайная миссия Кутузова» [257]).

Что делать? Готовить следующего претендента. Работают: Карл Маркс (Мордехай Леви), Фридрих Энгельс, Ленин (Ульянов-Бланк), мадам Блаватская, Рерихи и т.д.

Устроили революцию. Кого антихристом: Ленина? Троцкого? Рериха? Сталина? Гитлера?

Готовили, судя по всему, Бронштейна-Троцкого. Все остальные из кожи вон тоже лезли. Но кто же из них «жив», словно Петр, выбравшийся из разрушенного своего в Нью-Йорке жилища?

Ленин. Он антихрист. Он в мавзолее.

А не восстанет ли он из гроба, когда на Москве следующий — самый последний перед кончиной мира антихрист воцарится??? Не он ли и есть «зверь из бездны»???

Ох, как на нашу голову, еще и восстанет!..

Так что если таких кошмариков не желаете заполучить, то трубите во все трубы, чтобы его оттуда вытряхнули поскорей — от греха подальше...

Так что *революция*, как любил говаривать предапокалипсический Михаил Меченый, *продолжается*. и ох как нам еще откушать предстоит от ее этого самого продолжения!!!

Сейчас нами совершенно в открытую командуют масоны, и мы молчим. Ох, судя по всему, и накомандуют...

А вообще совершенно открыто:

«...масоны появляются в России как раз в эпоху Петра I, и очень многое в его решениях, в особенностях того “регулярного государства”, которое он собирался

построить, объясняется именно масонским влиянием. Ведь и Лейбниц, и Вольф, и Лефорт, и Яков Брюс — это масоны...» [14, с. 202].

Так что масонский заговор, силуэты которого просматриваются теперь более чем конкретно, отнюдь не является элементом чьей-либо фантазии. Это факт, о чем просто вопиют собранные пока лишь слишком поверхностные материалы. Но их более чем достаточно, чтобы уже в общих чертах экспансия тайной организации в нашей стране оказалась вскрыта, как гнойный волдырь, нарывавший столько лет и за своей неизвестностью не подлежащий излечению. Теперь же мы его без жалости вскрываем и обнаруживаем метастазы болезни нашего государства в их еще самом зародыше. Совершенно очевидно и иное: не Петр создал свою утопию, используя Лейбница, но, наоборот, Лейбниц создал для себя Петра. И лишь одно это говорит о том, что Петр просто обязан быть подкидышем. А так как весь двор, причем, и Нарышкины, и Милославские, и, что и понятно, сами Романовы — представляли собой зачатки нами рассматриваемого гнойного волдыря (о Романовых см.: [232] и [233]), то теперь понятно, почему даже мама «не заметила», что ей в люльку подложили чужого ребенка.

«Факт остается фактом: Петр боготворил ученых-механистов; идеи “регулярного государства” вызвали у него совершеннейший восторг. Петр много лет переписывался с Лейбницем...» [14, с. 200].

Вообще-то достаточно странно слышать о том, что Петр, который ну ни на секундочку никогда не мог усидеть «без дела», что подтверждают практически вообще все, смог бы хоть на полчаса заставить себя просидеть даже не над работами Лейбница, но хотя бы над чтением его писем. Писем, причем, на иностранном языке. Знал ли Петр хоть какое-нибудь из иностранных наречий?

А зачем ему? Шлейниц, например, писал Лейбницу из Грейсвальда:

«Я передал также в руки Брюса ваши записки; их теперь переводят по-русски и генерал-фельдцейхмейстер передаст их потом сам в руки его царского величества» [390, с. 148].

То есть при всей своей необычайной любви к загранице в языках наш герой был, что называется, ни бум-бум. Саму же премудрость этого философа Петр и не пытался осиливать. Он, судя по всему, за чтением не смог бы усидеть и десяти минут. Потому-то ему не только еще переводили сам текст на единственно известное Петру наречие, но передавали все в упрощенном варианте. С учетом того, чтобы извечно куда-то суетящийся Петр хоть краешком уха, на мгновение остановившись от своих метаний, но все-таки пусть и урывками, но ознакомился с предлагаемой ему из-за кордона доктриной на построение концлагеря в собственной стране:

«Брюсу Петр поручал составить для него синопсис — то есть краткое содержание, выдержку из трудов Лейбница» [14, с. 200].

Вот, исходя из содержания этих записей, судя по всему, Петр и начал:

«...перестраивать жизнь Московии на “регулярных началах”. В истории известны два государства, построенные согласно теоретическим представлениям: одно из них — это США... Второе — это Российская империя, построенная Петром согласно идеям “регулярного государства” Лейбница» [14, с. 200].

«Вот, пожалуй, самый краткий и самый точный диагноз произошедшего при Петре — Петр предпринял попытку построить искусственное общество и государство. Для этого он *уничтожил естественное общество*, отношения в котором складывались веками» [14, с. 201].

И пусть воцариться ему над миром так и не удалось, но самое главное в деле своей жизни он сделал: сломал аппарат Святорусской государственности — усадил на наше монархическое древо прожорливого жучка, подгрызающего сук, на котором высажен.

А ведь они себя успокаивают тем, что в ими устраиваемом «раю» будут чирикать птички (их заставить, как они считают, легко — стоит лишь заманить в клетку), будет

журчать ручеек (пусть только попытается от журчания отказаться — руки ему за голову и в лагерном клифте)...

«Для достижения этого они готовы применять ложь, жестокость и насилие, загоня всех нас в счастье железом и кровью» [14, с. 201].

Вот маленький штришок этого пресловутого «счастья». Шел 1722 год. Вот как выглядела Москва в то самое время, когда приходит весна и природа пробуждается и хочется любить и петь песни. Свидетельствует Берхгольц:

«В этот день объявили по городу с барабанным боем, чтобы обыватели, под строгим наказанием [а каковы были строгие наказания при Петре мы чуть ранее разобрали — А.М.], содержали в чистоте улицы и рыли канавы для стока воды, потому что началась оттепель. Здесь все объявляется полицией посредством барабанного боя» [316, с. 361].

Так что обыватель, в ужасе схватив после такого вот предупреждения лопату, готов был перелопатить ею всю Москву вдоль и поперек. Страх оказаться в лапах петровского «правосудия» делал свое дело: город, после такого вот предупреждения с барабанным боем, шваркал тротуарчики чуть ли ни с зубной щеточкой — лишь бы не угодить высаженным Петром на их кустик этим самым короедом, безжалостно пожирающим все без разбору вырастающие на древе России ростки. Но все равно, как бы в страхе не упорствовали москвичи, кто-то в этом «социалистическом соревновании» да объявлялся худшим. А потому оказывался либо в Рогервике, либо на строительстве какого-нибудь очередного канала, либо на петровского покроя заводе или фабрике, где работали лишь заключенные. То есть тот, кто: либо налоги безумные не мог уплатить, а таковых было подавляющее большинство, либо канавочку для стока воды по весне выкапывал, с точки зрения «птенцов»-короедов, не слишком-то уж и ровненько. За что и подлежал аресту и превращению, в конечном итоге, в лагерную пыль.

Но эти жучки лишены главного — мозгов. Они не понимают, что когда подгрызаемый ими сук упадет, они рискуют лишиться не только еды, но и самой своей жизни. Второе, чего они просто ну никак не желают и пытаются понимать, это механики машины, в которой в качестве винтиков они позволили себя установить: *революция пожирает своих детей*. Так было и во Франции, когда Робеспьер, в точности исполнивший заказ Вейсгаупта, был убран с дороги, расчищаемой для Наполеона, последовав за королем Людовиком, тоже, между прочим, масоном, мнившим себя, что и естественно, в полной безопасности. Так было и в России, когда сделавшие свое черное дело члены Временного правительства оказались в Петропавловской крепости. И лишь когда их поставили к стенке, возможно, какие-то правильные мысли и пронесли в их головах напоследок. Но было уже поздно.

Так будет и теперь: *масоны, бойтесь вами же накликаемого зверя из бездны* (очень хорошо «помогает» в этом плане, в качестве клистира: [223, часть III. Второе Пришествие. Гл. Апокалипсис]; [233])!

Храм в Дубровицах

Однако ж имеются ли доказательства масонства Петра Первого не в чьих-либо лишь высказываниях, что так часто встречаем у авторов его эпохи, но в каких-то постройках или памятниках архитектуры?

Да, имеются. И еще какие!

Нам всем известен построенный Иваном Грозным Покровский собор, который был им сооружен в ознаменование взятия Казани. Этот собор, пусть и отличается архитектурой от всех иных русских церквей, является православным храмом. Да, именно утверждение Православия в центральном течении величайшей русской реки, Волги, и запечатлел в камне наш знаменитый монарх, покоривший, после долгих веков вражды, своих не в меру

воинственных восточных соседей и тем позволивший начать приращение к России обширнейших восточных земель — Сибири.

Подобного же плана цель, то есть прославление величайшего события своего времени, имеет под собой сооружение и храма в подмосковных Дубровицах — сегодня пригороде Подольска.

И воздвигнут он в имении Голицына — второго воспитателя Петра Первого, введшего своего ученика в иноземный мир тогдашней Москвы — Кукуеву слободу. Тот самый мирок, где в те времена базировалась антирусская западная организация — масонство. Именно члены этой организации, заняв главные посты управления государством после победы Петра над Софьей, и являются проводниками будущей политики Петра по расцерковлению страны.

Однако ж ломая церковь чужую, что и понятно, масоны воздвигают церковь свою. Ее прообразом и является храм в поместье Голицына на слиянии Пахры и Десны в Дубровицах. И значение его ничуть не уступает построению Иваном Грозным знаменитого Покровского собора (храма Василия Блаженного). Ведь если тот означал победу Православия над иноверными и строился попечением самого Царя, то этот, наоборот, означает победу над Московской верой масонства и также сооружается при деятельной поддержке находящегося у власти монарха:

«Строительство Дубровицкого храма также проходило под патронажем царя. Петр “прямо на собственную опеку принять соиздание обещать изволил; и в непродолжительном времени употреблено им всевозможное тщание о произведении в действо благонамеренного обета своего”²². Но на этом аналогии заканчиваются. Появление Дубровицкого храма покрыто завесой тайны. Впрочем, так и должно было происходить при строительстве храма-памятника, чье сакральное значение известно лишь посвященным. Система тайной символики, скрытой под видом христианских сюжетов, явно говорит о появлении на русской земле масонов — правопреемников и продолжателей дела тамплиеров» [274, с. 32].

А ведь построение его венчает захват власти Петром Первым, ставленником масонов. И именно в этот момент им разрабатывается главный метод борьбы власти с вероисповеданием русского народа. Ведь именно в этот момент Петр:

«...затребовал церковный устав, чтобы по его образу подготовить устав Всешутейшего собора — для глумления над обрядами и таинствами Церкви и самим духовенством... таким образом Россия стала на... путь апостасийного Возрождения» [274, с. 31].

А учредив орган, предназначенный для осмеяния чуждого Петру вероисповедания, он приступает к построению главного храма для вероисповедания своего. Вот что заключает о его устройстве подетально обследовавший это странное культовое сооружение В.М. Ерохин:

«...анализ исторической ситуации и храмовой символики позволяет сделать вывод, что он задумывался как памятник в честь победы в “варварской стране” “нового мышления”, определившего политический курс зарождающейся императорской власти» [274, с. 30–31].

И эта власть, нахально воздвигая свой храм на землях людей, исповедующих Православие, этим сооружением отмечает:

«...знамение наступившего времени, начало торжества Великого Архитектора Вселенной в России» [274, с. 44].

А храм этот построен, что отмечается практически при всех у нас возведенных подобного плана храмов, на месте, где снесен для его построения храм иной веры — Русской:

²² Географический словарь под редакцией Е. Щекатова 1804 г.

«На пути масонов стояло и стоит Православие. Поэтому снести православный храм и на его месте построить другой, более соответствующий задачам тайного общества, считалось в духе времени и имело мистическое значение» [274, с. 54].

Потому в Дубровицах сносится достаточно недавно построенный, практически новый, православный храм и на его месте строится храм масонский. Все тоже отмечено и при появлении всех иных подобного плана храмов.

Например, при построении «на английские деньги» храма в Костроме:

«...на том месте, где возвели церковь Воскресения на Дебре, уже стояла деревянная шатровая церковь во имя Воскресения Христова... К 1629 году, по свидетельству церковных документов ²³, храм был упразднен» [277, с. 35].

То есть этот православный храм был упразднен и сюда была занесена мерзость запустения еще в эпоху правления патриарха Тушинского вора Филарета и его сына Михаила. И вновь отстроен здесь уже иной направленности храм, «за английские деньги», лишь 20 лет спустя. Лишь в:

«Лето 7158 [1650] года июня 12 день освещена сия церковь...» [276, приложение с. 2].

То есть сначала центральная костромская святыня была подвергнута масонами Романовыми двадцатилетнему осквернению, а спустя этот срок заменена храмом, имеющим слишком не православную атрибутику своего внутреннего интерьера:

«В каменных резных кессонах изображения зверей и птиц датируются 1652 годом. Среди них можно увидеть изображение льва... и семь цветочных бутонов на поле кессона: единорога... пеликана-неясыть... алконоста, чье изображение представляло собой птицу с головой человека в короне или остроконечной шапке... Изображение льва и единорога выполнены в горельефе, а алконоста и пеликана в низком рельефе и помещены в орнаментальные круги» [277, с. 36–37].

Ориентирован же алтарь этого странного храма вовсе не строго на восток, куда положено смотреть храмам Русского вероисповедания, но на северо-восток. То есть при полной невозможности в православной стране развернуть алтарь храма для поклонения своему божеству в необходимую для этого сторону, произведена попытка сокрыть избранное заказчиками направление, развернув его в нужную масонам сторону лишь частично — на 45°.

И вот для какого храма произведены данные изменения. Для поклонения божеству масонов следует развернуться:

«...на север, туда, где, по представлению буддистов, находится блаженная земля Шамбалы...» [278, с. 36].

Но и подобного плана церковь в Филях, эдакое «Нарышкинское барокко», была также сооружена на месте снесенного для ее возведения Православного храма. Так что мерзость запустения Петром воздвигается вовсе не на пустом месте, но на местах исключительно для русского человека святых.

Но и сама атрибутика храма в Дубровицах своей антихристианской символикой подтверждает предназначение данного культового сооружения. Например, вот как выглядит стоящая перед входом в храм статуя якобы Иоанна Крестителя:

«...правая нога Иоанна попирает папскую тиару!...» [274, с. 59].

Что это могло бы означать?

Так ведь аккурат ненависть храмовников к католичеству. Вот чей храм мы и имеем возможность сегодня лицезреть в Дубровицах. Именно он является более чем железным аргументом в деле подтверждения принадлежности Петра Первого к организации храмовников тамплиеров.

«Нет, не наговаривали на себя эти бедные рыцари в том, что плевали на святой крест во время тайных обрядов, поклонялись козлу Бафомету, то есть сатане. У их наследников масонов адепт кадош во время обряда посвящения топчет корону как символ тирании

²³ Брюсова В.Г. Гурий Никитин. М., 1984. С. 74.

вообще, а потом принимается за папскую тиару. Так вот же он, кадош, — рыцарь 30-й степени, отмеченный тамплиерским крестом, покрытый таким же белым плащом, как у храмовников» [274, с. 59–60].

А вот что находится перед входом в эту странную молельню:

«Архиепископ, когда впервые приблизился к храму и поднял голову, чтобы перекреститься на образ Христа, традиционно помещаемый над входом, на сей раз оторопел, разглядев среди растительного орнамента горельефное изображение Дельты, пятиконечной звезды и, как показалось ему, меча» [274, 63].

Но то был не меч, что выяснится позже. Но трезубец — символ «Нептуновой» ложи Петра, собрания которой в те времена проходили в Немецкой слободе у Лефорта, а затем будут перенесены в Сухареву башню и станут возглавляться главным чернокнижником тех времен — Яковом Брюсом. Но если трезубец появляется здесь, еще до окончания строительства Брюсом масонского храма в помещении Сухаревской башни, то становится ясно, что эти собрания сначала проходили именно здесь — в Дубровицах.

А вот что сообщается о еще одном символе, отображенном на входе в эту странную церковь:

«Пятиконечная звезда впервые в качестве символа была упомянута рыцарями на процессе тамплиеров. Она присутствовала на теле идола Бафомета (В последующие века пентаграмма традиционно изображалась у козла Бафомета на лбу)» [274, с. 72–73].

А вообще вот как подытоживает масонское убранство этого храма В.М. Ерохин:

«Розенкрейцерская эзотерика, тамплиерские корни и масонский символизм — вот что составляет содержание Дубровицкого храма и самого масонства, имея в виду 33 степени обряда шотландского посвящения, куда входят степени тамплиерские и розенкрейцерские» [274, с. 95].

И вот что здесь происходило во времена Петра Первого:

«Все братья всех степеней собираются во всех украшениях их степеней и в заполах (фартуках) в такую церковь, где и священник есть масон» [279].

«Изложенный материал позволяет ответить на вопрос, в чем же все-таки заключается знамение времени в понимании тех, кто привел к власти Петра и воздвигнул храм в усадьбе Б. Голицына? — в апостасии, отступлении от Бога к Люциферу, от духа — к материи» [274, с. 107].

Но службы в этом масонском храме велись не только наверху — в более чем антихристианской обстановке. В нем, что недавно выяснили, для ведения секретных масонских служб имелся и подвал.

Его обнаружили, когда в целях реконструкции было решено осмотреть фундамент:

«Когда вскрыли пол, то неожиданно обнаружили прокаленный песок вперемежку со строительным бутом. Песок стали вывозить на тачках. Наконец, подвал расчистили, и рабочие с изумлением обнаружили помещение, выложенное обтесанным камнем. Под алтарем находилась арка, за ней — ниша, в центре ее — столп. Храм под храмом? Место для посвящений?

...На репродукции картины “Ритуал посвящения в тамплиеры”, опубликованной в книге Б.А. Печникова “«Рыцари церкви». Кто они?”, обряд производится перед аркой храма, разделенной столпом, немного углубленным внутрь. Картина очень напоминает то, что мы видим в Дубровицком храме» [274, с. 124–125].

Так что храм этот масонский имел не только верхние этажи — устроенные высоко вверху для посещения знатных особ хоры. Но и работающий для каких-то особых обрядовых масонских посвящений подвал, оборудованный необходимой атрибутикой для приема неофитов.

А вот к каким удивительным цифрам привели обмеры объемов этого здания:

«...в дюймах основание этого храма составляет 1188! Мы вышли на один из самых таинственных годов в истории тамплиеров. Созданный под патронажем общины Сиона, с

1188 года орден храмовников, как явствует из найденных в конце XIX века документов, перестал ему подчиняться» [274, с. 142].

Но почему именно дата рождения тамплиеров явилась основной цифрой, зашифрованной в размерах этого масонского капища?

Так ведь в год закладки фундамента этого храма тамплиеры, устранив от правления Софью, становятся, наконец, полновластными хозяевами страны, являющейся некогда подножием Престола Господня.

Но вот и еще один размер говорит все о той же ими одержанной победе:

«...высота храма вместе с куполом... При переводе в дюймы — 1667» [274, с. 145].

А эта дата представляет собой год победы тамплиеров при проведении реформации Русской Церкви. Осуществление целей этого странного собора было масонами успешно исполнено при помощи тайного члена их ордена, ордена, что мы выяснили, Василидов, — Симеона Полоцкого. Ведь именно он весьма успешно участвовал в работе этого собора, расколовшего Русскую Церковь сначала на два толка. А затем уже и сами эти толки продолжили деление на множество противостоящих друг другу сект.

Так что очень не зря члены «Нептунова общества» увековечили в камне своей тайной молельни именно эти цифры в качестве момента времени, духовно расчленившего ранее целостную и до этого момента не подлежащую никакому делению Россию.

Но это, судя по всему, очень закономерная при строительстве масонских храмов деталь. Они очень любят зашифровывать цифры в размерах своих храмов.

Вот сообщение об еще одном масонском храме. На этот раз построенном в Можайске масоном Александром I:

«Начнем с того, что перед началом строительства, запланированного на территории древнего Можайского кремля, над въездными воротами разобрали Никольский собор, простоявший чуть более ста лет. Исследователи высказывают стандартное в таких случаях сомнение по поводу его ветхости. Тем более что церковь была кирпичной...» [274, с. 150].

А ведь и при строительстве церкви в Филях Нарышкиными также был снесен православный храм, как уже упомянутые в Костроме и в Дубровицах. И даже при строительстве Ипатьевского дома в Екатеринбурге — также была снесена православная церковь, где не выясненного вероисповедания молельня имела свое местонахождение за закрытыми даже от охраны дверями (см.: «Жертвоприношение» [готовится к печати]).

Так что начало для построения масонского капища масоном Александром I было весьма характерным случаем всем иным зафиксированным подобного рода построек. Этот храм, несмотря на то, что его построили много ранее:

«...осветили в 1814 году, когда посвященные всей Европы чтят память сожженного 500 лет назад великого магистра ордена тамплиеров» (там же).

И вот какой символиккой напичкан этот храм:

«Фасады украшены спаренными колоннами и полуколоннами, на фронте — длинный ряд масонских шестиконечных звезд и пирамидок из белого камня. Над входом, по словам старожилов, еще недавно были треугольники вершиной вниз — малая печать масонства, символизирующая дьявола²⁴» (там же).

И вот каковы, что выясняется, размеры этого здания:

«...во всех длинах периметра заложено кощунственное число — 666 (вариант — 66). И еще одна закономерность: входная сторона храма равна 25,71 м, квадратный корень в аршинах составляет 1314. “От порога входной двери до пола паперти... 13 футов 1 дюйм 4 линии. И здесь повторяются те же цифры²⁵”, — восклицает автор. На эту же цифру он наткнулся и при других замерах...» [274, с. 151].

А напротив этого храма, как, между прочим, и в Дубровицах, возвышаются два неизвестного назначения насыпных холма. Они располагаются по отношению к обоим этим храмам к северо-востоку:

²⁴ Иванов В.Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935.

²⁵ Там же

«В. Куковенко произвел различные замеры, в том числе от престолов собора и опять вышел на все те же цифры: 1119 и 1314. Или такой факт: от треугольного холма до центральной части продолговатого холма 118 м, или 666 четвертей» [274, с. 152].

И вот интересный момент. Практически вообще все масонские:

«...храмы благополучно пережили войну 1812 года. Французы, немилосердно осквернявшие православные святыни, устраивая в церквях конюшни, не тронули Можайский и Дубровицкий храмы, очевидно, разглядев понятное им содержание. К слову сказать, солдаты Великой армии не причинили вреда и усадьбе Большие Вязьмы. Их поведение вполне логично, ведь многие наполеоновские начальники были масонами.

У этой истории есть продолжение. Спустя век даже безбожники большевики, стремившиеся искоренить православную веру, взорвавшие тысячи церквей, не рискнули уничтожить Можайский и Дубровицкий храмы» [274, с. 155].

Не рискнули они уничтожить и ориентированные своими алтарями на северо-восток подобного же плана храмы и в Костроме.

Мало того, немцы, что отмечают жители Костромы, по какой-то весьма непонятной причине не сбросили на их город ни одной бомбы. Вероятно, какие-то принадлежащие тайнам масонства артефакты им требовалось сохранить в секрете. Да и все уже перечисленные подобного же плана храмы война почему-то также не затронула. Случайно ли? Ведь Гитлер тоже был масон.

И вот еще очередные подтверждения все того же. В Костроме, например, почему-то запрещено возводить высотные жилые здания. Очевидно, большевики, как затем и немцы, опасались вскрыть какие-то имеющиеся здесь масонские подземелья. А они обязаны здесь существовать. Ведь именно в Костроме встречались члены таинственного масонского ордена Шамбала, возглавляемого Барченко и представители западного крыла этой засекреченной организации.

Что такого таинственного находилось (и находится) именно здесь, откуда когда-то и пошел род Романовых? Может быть, и само наименование этого города является нам наипервейшей подсказкой в розыске?

Ведь Кострома — это языческая «баба», которую сжигали на костре...

Но и храм, возведенный здесь на английские деньги и имеющий слишком явную масонскую атрибутику, говорит все о том же.

Все то же следует сказать и о Дубровицах.

«...возле Дубровицкого храма стояла построенная одновременно с ним колокольня. Большевики ее взорвали, но так ювелирно, что храм даже трещин не дал. Очевидно, такое указание поступило от начальства, весьма вероятно, — от бывшего наркома просвещения, масона А.В. Луначарского, работавшего тогда в аппарате ЦИКа... Колокольня нужна была для признания храма культовым православным сооружением. Но когда службы здесь прекратились, ее функция исчерпалась. А сам храм сохранялся как памятник, установленный в честь знамения нового времени. В этом своем качестве он не потерял значение и сегодня» [274, с. 156].

Есть и еще очень интересная деталь в ее убранстве, позволяющая предположить, что до построения Сухаревой башни именно сюда наведывались масоны Петра из Кукуевой слободы для отправления своих таинственных ритуалов:

«Собрания Нептунова общества, кстати, могли проходить и в Дубровицах. Ведь над входом в храм рядом с пятиконечной звездой — отнюдь не шпага, а трезубец. Но это при ближайшем рассмотрении. С уровня ступеней явно видится шпага. Может, так и было задумано?» [274, с. 171].

На то похоже. Потому рядом с масонским храмом выстраивают православную колокольню. А над входом в храм масонский трезубец Нептуна упрятывают за ничего особенно не говорящей шпагой.

А местный масонский храм в эпоху Петра был действующим. Но, конечно же, не имеется никаких особых записей:

«...о проводимых здесь тайных встречах посвященных и их службах» [274, с. 193].

Такие и подобные им записи в ту пору вести было крайне опасно:

«Российские масоны так высоко ценили Петра, что пели в его честь песни. Показательно и то, что критика Петра и до революции, и после нее была запрещена. Об императоре можно было говорить только положительно и называть его не иначе, как Петр Великий» [274, с. 165].

И из оставшихся документов той поры о посещении в Дубровицах этого масонского храма Петром и его свитой имеется лишь:

«...упоминание в географическом словаре А. Щекатова о неоднократных приездах сюда Петра I... Но причина приездов может быть одна — посвящение в масонские степени. Почему и подробности поездок не приводятся» [274, с. 193–194].

Вот вкратце о том и по сию пору нам указывающем на масонство Петра вещественном доказательстве, в виде масонского храма, который и сегодня можно посетить и воочию разглядеть всю его масонскую символику.

А Нептуново общество Москвы в Петербурге сменило общество подобного же масонского плана. Оно именовалось орденом Андрея Первозванного. Вот что уже о нем сообщает Берхгольц в своем дневнике за ноябрь 1721 г.:

«30-го, в день св. Андрея, в 10 часов утра, его величество император отправился со всеми наличными кавалерами ордена св. Андрея в церковь... Его величество сам учредил этот орден, который в большом уважении, и дается только лицам не ниже генеральского чина. В 11 часов... богослужение кончилось...» [316, с. 265].

То есть это петровского покроя «богослужение» длилось всего час. Что, заметим, происходило в праздничный день. Каковы были ритуалы этой службы при участии кавалеров масонского ордена, и какому богу они могли быть посвящены? Но, самое-то в нашем розыске главное, имелась ли и в Петербурге подобного же не православного покроя церковь, куда могли сходитьсь масоны на службы, подобные описанной Берхгольцем?

Вот что на эту тематику сообщает француз Обри де ла Мотрэ. Несколькоми годами спустя смерти Петра он посетил церковь, выстроенную масоном Меншиковым явно не для проведения здесь православных служб:

«Князь возвел очень красивую каменную церковь перед своим домом... Я видел в этой церкви нечто в высшей степени необычное и даже противное греческой религии, резные деревянные изображения; есть также кафедра, что является, конечно, новшеством, ибо вряд ли можно было встретить в русской церкви что-либо подобное до правления Петра I...» [338, с. 238].

А вот что сообщает о подобного же рода церкви в своем дневнике от 23 июля 1721 года Берхгольц:

«Близ здания Адмиралтейства... строится прекрасная каменная церковь... она, говорят, будет лучшею в Петербурге, потому что все прочие, исключая церкви князя (Меншикова), плохие, деревянные» [316, с. 176].

То есть такого типа, в котором в 1721 г. проводилась описанная Берхгольцем масонская служба членов ордена Андрея Первозванного.

Какую масонскую атрибутику содержат (или содержали в свое время) как церковь Меншикова, что свидетельствует Мотрэ, слишком не православной внутренней конструкции, так и описанная Берхгольцем, строящаяся близ здания Адмиралтейства?

А вот как выглядела еще в 1704 г. церковь Петропавловской крепости:

«Посреди крепости у самого канала стоит маленькая, но красивая русская церковь из дерева, с красивой остроконечной башней в голландском стиле» [299, с. 51].

Колокола же, установленные на ней, предназначены вовсе не по тому назначению, по которому устанавливаются в русских церквах: в них бьют в начале каждого часа.

Но и это впоследствии стало усовершенствовано все в том же духе. Петр здесь:

«устроил машину на главной церкви с колокольной игрой, изготовленную в Голландии» [401, аб. 342, с. 1419].

Такими-то вот башнями, включая и башню Меншикова в Москве, и пользовались масоны для проведения своих служб в эпоху Петра, явно отличающихся от служб Православной Церкви.

Кстати, вот чем отличался этот московский храм, сооруженный Меншиковым у Поганых луж, от православной церкви. Вебер:

«...на выстроенной князем Меншиковым изящной церкви часы с колокольною игрою» [401, аб. 309, с. 1361].

И вот еще что отличает эти масонские храмы от православных церквей. Наши церкви от молний не горят. Башня же Меншикова в Москве, чей верх был исполнен из дерева, сгорела. Практически все то же произошло и с подобным же масонским храмом в Петербурге:

«В 1756 апреля тридцатого числа, ударил один раз сильный гром, и от молнии загорелся в Петербурге Петра и Павла у соборной церкви над колокольною шпич, который от земли состроен был до половины каменный, а верх деревянный наподобие ныне стоящей Адмиралтейской островерховой башни. Строена была та колокольня при петре Первом, шпич раззолочен был притирным золотом по медным листам... сгорел и своим падением великий сделал по всему городу звук и потрясение» [409, с. 330].

Так что все с предназначенностью данного типа сооружений, и по сию пору сохранивших элементы декора вольнокаменнического братства, куда сходились масоны для своих месс, становится ясно.

Наступательная оборона Москвы

Но как все же России удалось выбраться из столь далекого от нас, но столь близкого своим разором смутного времени XVII века?

Страна лежала в руинах. Интервенты и эпидемии выкосили большую часть населения, все еще способного защищать страну с оружием в руках. И наступившая анархия могла быть остановлена только одним присущим лишь нам средством — возвратом страны на единственно верный для нашей державы путь: восстановление попорченной чужеземцами монархии. А такое непростое решение позволял вынести остающийся лишь единственным в управлении Русским государством инструмент: *собор*.

Такая форма выборности предусматривает не просто подсчет количества голосов, но учитывает особые мнения, чего невозможно достигнуть ни при одном виде демократии. А наибольшее количество соборов, как это теперь ни выглядит странным, приходится на правление самого самовластного правителя Древней Руси — Иоанна IV. Самодержавие:

«Это исключительно русское явление — не диктатура аристократии под вывеской “просвещенного абсолютизма”, не диктатура капитала, подаваемая под соусом “демократии”, не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, а “диктатура совести, диктатура православной совести”. Предложенное Солоневичем понятие “соборная монархия” обозначило совершенно конкретное историческое явление, проверенное опытом веков и давшее поистине блестящие результаты: это была самая совершенная форма государственного устройства, какая только известна человеческой истории. Она не была утопией, она была фактом» [92, с. 831].

Доказательством тому служит поистине небывалое строительство защитных сооружений от иноплеменников, безнаказанно разоряющих пределы нашей Державы, развернувшееся на южных рубежах. Это невиданное своими масштабами строительство позволило ослабленной длительной войной против европейской коалиции стране в удивительно короткие сроки не только полностью себя обезопасить от частых набегов

басурманских шаек, но и отнести передовые посты своих укреплений на многие сотни километров, полностью оградив от разбойных набегов свою столицу.

В те времена граница со степью проходила по Оке. Южные русские города к тому времени были обезкровлены, и уже от Коломны вплоть до Бахчисарая пролегало вечно враждебное Руси Дикое поле.

А потому и оборонительные порядки Московии начинались от самого Кремля. Далее шли бастионы Китай-города, а за ними и еще два кольца крепостных укреплений — мощнейшая крепость мира тех времен: Белый город, а затем еще и Земляной вал.

На более дальних подступах столицу охраняли: Богородск, Бронницы, Подольск и др. От них в сторону степи проходили вооруженные щупальца засек, застав, сторожей и пр., которые упирались в линию укреплений: Муром, Коломна, Серпухов, Боровск, Можайск, Волоколамск.

Вся эта система укреплений очень напоминала древние Змеевы валы. И даже во времена, по словам Солоневича, «отсутствующего царя Федора», лишь только завершились долгие изматывающие сражения с коалицией европейских государств, она сначала была приведена в надлежащий порядок, что позволило несколько поохладить пыл непрестанно пытающихся прорваться в поисках поживы степных разбойников. Затем вся эта удивительнейшая, нигде в мире более не встречаемая система оборонительных сооружений пришла в движение, щупальцами своих засек, застав и сторожей все дальше и дальше уходя в южные районы земель, некогда являющихся русскими, но за годы Ливонской войны обезкровленных степными ордами.

«Безпрерывные войны вынуждали князя Московского иметь многочисленное войско, по свидетельству некоторых иностранцев, будто бы даже до 400 000 человек, преимущественно конницы, сидевшей на небольших, но крепких лошадях и совершавшей чрезвычайно быстро все свои передвижения, причем при встрече с противником она обыкновенно старалась зайти ему в тыл.

Барон Герберштейн говорит о русских войсках, между прочим, следующее: “Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у них лошадей и слуг. Затем он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по достатку своего имущества, служат без жалованья. Отдых им дается редко, ибо государь ведет войну или с литовцами, или с ливонцами, или со шведами, или с казанскими татарами, или, если он не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаида (Дона) и Оки... для обуздания набегов и грабежей перекопских татар”...» [81, с. 282].

Мало того:

«...все высшее служивое сословие, какие бы оно должности ни занимало, было прежде всего военным и службу эту несло от молодых лет до смерти.

“За то, — говорит... итальянский историк Павел Иовий, — несущие воинскую службу пользуются свободой от податей, имеют преимущество над поселянином и во всех делах сильны царским покровительством”» [81, с. 285].

Англичанин Ричард Ченслер к вышесказанному добавляет:

«...воины из его областей служат на собственный счет... В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти, по требованию Князя, солдат или работник, со всеми необходимыми принадлежностями» [288, с. 7–8].

И вот какими словами он характеризует русского человека в качестве солдата — защитника своего Отечества:

«...нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские...» [454, с. 61].

А вот уже какую выучку, сообщает Герберштейн, имели наши пращурь, воюющие сразу на пять фронтов — с казанскими, ногайскими, крымскими татарами; с венграми и поляками, литовцами и ливонцами:

«Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и без всякого затруднения могут пользоваться ими» [81, с. 283].

Ну, если наши ратники чуть ли уж и не рождаются в седле, то их особая воинская сноровка не могла не бросаться в глаза иностранцам. Кстати, откуда эта столь странное нам непривычное по одам историй историков сидение русского человека в седле?

Вот мнение о способности русских сидеть в седле современника Герберштейна — посланника шведского короля Петрея:

«Все войско, которым располагает великий князь в военное время, конное, как простые воины, стрельцы и другие, которым вверен огнестрельный снаряд, так и дворяне и всадники: пешком не ходит никто» [248, с. 414].

Ричард Ченслер:

«Все его военные — всадники, пехоты он не употребляет за исключением служащих при артиллерии...» [288, с. 6].

Так что саги о якобы пеших наших ратях так сагами и останутся — русский витязь на врага выступал всегда исключительно на коне!

А вот что говорится о боеспособности русских в качестве воинов. Англичанин Гвидо Монт (1664 г.):

«...можно сказать, что Московиты рождаются солдатами. Кроме этого, быть не может, чтобы они не знали военного искусства, так как царь их постоянно имеет стычки с одними или другими из своих соседей, которые имеют большие армии. Наконец у них нет недостатка в храбрости, а напротив, как только начинается сражение, они очень рискуют своею жизнью...» [452, с. 45].

Но и попав в плен, русский человек вел себя не менее достойно:

«Московские пленники, движимые горячей любовью к Родине, совершали постоянно побегии или, по крайней мере, делали постоянно попытки к этим побегам, а потому ценились на рынке дешевле рабов из Литвы и Польши» [81, с. 278].

Потому южным хищникам из Крыма всегда было предпочтительнее вторгаться все же в западные земли наших единоплеменников, несмотря даже на получаемую с Литвы ежегодную дань в 15 000 червонцев [81, с. 228].

И вот что собой представлял главный элемент наших оборонительных рубежей. Засака:

«...состояла из поваленных (ссеченных) деревьев, положенных вершинами на юг, надолбов из толстых дубовых бревен и рвов, на дно которых вбивали заостренные колья» [37, с. 56].

Платонов «изумительно быстрый успех» южной колонизации объясняет прекрасным взаимодействием царского правительства и общества:

«В борьбе с врагом обе силы, и правительство, и общество, как бы наперерыв идут друг другу навстречу и взаимной поддержкой умножают свои силы и энергию (“Очерки смуты” с. 85)» [126, с. 355].

Так откуда же была «заимствована» эта система активной обороны, столь нами с большим успехом используемая?

«В 1066 году через Киев, по пути к печенегам, проезжал немецкий миссионер епископ Бруноф» [126, с. 222].

Русский князь лично провожал его до границ своей земли.

«Об этих границах Бруноф пишет: “они со всех сторон ограждены крепким частоколом на весьма большом протяжении, по причине скитающихся около них неприятелей” [126, с. 222].

А так как начало появления этих сооружений на наших границах относится еще к V в. до Р.Х., то и построение подобных же защитных сооружений и в дальнейшем удивлять вовсе не должно. А потому уже давно проторенным методом:

«...киевские князья “рубят города” на границах своих владений, заселяют эти города “лучшими мужами”, соединяют их рвами, засеками, заставами, словом, организуют очень сложную укрепленную систему, которая в почти неизменном виде повторяется и при

Иване Третьем, и при Борисе Годунове, и при Потемкине-Таврическом, и наконец продвигается в казачьи области Терека, Семиречья, Забайкалья и Амура. Вспомните станицу в “Казачах” Льва Толстого: те же “города”, засеки, вышки и прочее. Позже мы увидим, с какой железной настойчивостью, с какой организационной тщательностью, с каким муравьиным терпением строила Москва свою “китайскую стену” против востока. Как эта стена, зародившись у стен Москвы, в Коломне, Кашире, Серпухове, продвинулась до Балтийского, Черного, Каспийского и Охотского морей.

В мировой истории ничего похожего на эту систему нет» [126, с. 222–223].

Но не только стройка оборонительных сооружений являлась основой напряжения производительных сил Русской Державы.

Для военного обеспечения всех этих средств обороны требовалось содержать необыкновенно огромную армию, которая, в дни войны, увеличивалась более чем в два раза. Военное же время почти не прерывалось...

«Историки подсчитали, что в среднем с XI по XVII вв. каждые два года на третий шла война, горели села и города, десятки и сотни тысяч были уведимы в полон. Одна засечная линия с юга, от татарских хищников, отвлекала сотни тысяч крестьян и воинов: рыли рвы, устраивали завалы, строили остроги, держали сторожевую службу. Тяжелые условия войн, да к тому же каждые семь лет засухи с голодом, моровые поветрия, — тут не до деспотизма. Государево дело было делом земским, и не случайно русские законы красноречиво молчат о преступлениях политических до самого Уложения 1649 г. Никто не думал и о привилегиях, не до них было...» [161, с. 209].

Страна постоянно находилась в осаде. Причем, речь шла не о захвате колоний, но о борьбе исключительно за выживание. Потому, о каких «новшествах» в ведении боевых действий, позаимствованных Петром у невоюющей Европы, можно серьезно говорить?

Воевали почти непрерывно именно мы! И по тем самым временам лишь у своих и действительно весьма квалифицированных военных только-то и можно было делиться опытом.

«...в средние века этот самый Запад ничего из себя не представлял. Невежественный, завшивленный и нищий — вот характеристика тогдашнего западноевропейца... Нам нечего было заимствовать у европейцев в средние века, и тем более нечего было заимствовать в военной сфере. Восток являлся несравненно более богатым, культурным и сильным регионом, чем Европа» [110, с. 63].

Вот что сообщают о нас представители далекой Испании, не являющиеся на тот момент нашими врагами, а потому имеющими возможность высказать правду о нас.

Так как русские:

«...почти непрерывно воюют с кем-нибудь, то час от часу делаются искуснее и опытнее как в стратагемах войны наступательной и оборонительной, так и в самых сражениях с неприятелями. Прежде они, подобно Парфянам, побеждали врагов, действуя более отступательным, нежели наступательным образом и бросая из луков стрелы; ныне же, напротив, с большим искусством и производят и выдерживают нападения, действуют огнестрельным оружием, и расставляют удивительной величины строи» [381, с. 300].

Вот какие, например, эти самые *строи* имели малороссы в пору национально-освободительной войны под руководством Богдана Хмельницкого. Павел Алеппский:

«...казаки мощны на войне, никогда не отступают и не обращаются в бегство. Они обладают большим искусством в устройстве таборов... Эти таборы суть нарытые в земле окопы... их проводят кругом войска, чтобы никто не мог напасть на казаков нечаянно. У каждого из них... яма в земле. Встав на ноги, они стреляют из ружей, выпуская заряд; когда же неприятель начинает палить по ним из своих ружей, они прячутся в ямах и ни одна пуля их не задевает: сами они попадают, а в них не попадают» [388, гл. 15, с. 93].

При этом прямая атака конницы ограждена сцепленными между собой телегами, лошади же отводятся в центр укрепления. Эта система защиты у славян, судя по всему, существовала издревле. Известна же нам по освободительной войне чехов под

руководством Яна Жижки. И вот выясняется, что этими же средствами защиты с успехом пользовались и мы сами. О чем истории историков, опять же, как и обо многом ином, скромненько все так и продолжают пытаться умолчать. Но, что выясняется, напрасно: шила в мешке им все равно не удастся утаить.

И более чем понятно, почему наши пращурь были так искусны в воинской науке. Ведь мы, практически лишенные во все время существования на земле нашей Державы, в описываемый момент расколотой на куски, тысячелетиями были лишены иметь покой от своих извечно к нам враждебно настроенных соседей. Потому именно мы и не могли бы ни при каких обстоятельствах разбираться в данной области лучше всех. В противном же случае, нас давно уже не было бы. И не только на карте, но не было бы и в природе народа с нашим именем вообще. Что выясняется сегодня, именем Самого Бога²⁶.

Европейские же армии имели исключительно бутафорскую предназначенность. Тому подтверждением их бессмысленные при ведении военных действий: и строевая муштра, и рассадник гниды — посыпанные мукой волосы, и неудобная для войны одежда, созданная исключительно для парадов, и многое иное, что могли себе позволить государства, содержащие свои армии лишь для полицейского контроля над своими подданными.

И вот что вместо отваги и мужества, на чем извечно держалась армия наша, могла предложить эта их бутафорская полицейская армия европейского образца.

В случае самой малейшей провинности в их армиях:

«...бьют палкой» [106, с. 13].

А потому, вместо столь необходимого для ведения военных действий оружия, в руках:

«У каждого капрала — палка» (там же).

И ведь этот капрал, самый нижний чин в их войске:

«...на смерть убьет и отвечать не будет!» [106, с. 14].

Но для Европы, сегодня именуемой «просвещенной», такое являлось нормой. Потому прусский король Фридрих, за свои палочные наклонности официальной историографией произведенный в «великие», на эту тему поясняет:

«Солдат должен бояться палки капрала больше, чем неприятеля» [106, с. 29].

Но еще более «модернизированные» в этом вопросе турки всегда использовали для подобных же целей:

«...толстый бич из кожи гиппопотама» [106, с. 635].

Таким-то «оружием» уж как врежут, так врежут!

В случае же более серьезного проступка, противостоящий русскому воинству солдат должен знать, что ему:

«Не миновать... виселицы...» [106, с. 31].

Причем, виселицы не мог избежать в случае мельчайшего правонарушения не только солдат, но даже офицер. Патрик Гордон, например, вот что сообщает о каре, постигшей офицеров, лишь на день отлучившихся без разрешения вышестоящего начальства:

«...их отсутствие заметили и... отдали под арест... трое были взяты под стражу, затем предстали перед военным советом и были осуждены на смерть. В конце концов им было позволено бросить кости, и жребий выпал лейтенанту, который был повешен на дубе...» [345, с. 29].

И такая кара, заметим, лишь за самовольную отлучку — даже офицеру!

Но на этом рассказ Гордона еще не заканчивается:

«В то же утро на том же дубе повесили мальчика лет 14 или 15 только за то, что он бросил камень в поляка, который под охраной пытался разыскать между полками отобранных у него лошадей» [345, с. 30].

А вообще всего за несколько дней эта западного палочного образца армия, в которую только что тогда вступил Патрик Гордон, не успев еще вступить в сражения

²⁶ «Господи!.. Твое имя наречено на городе Твоем и на народе Твоем» [Дан 9, 19]. Город же прекрасно известен: Ие Руса лим.

«Из верных рук я узнал, что между Штеттином и Конином, куда к нам прибыл король, казнено около 470 человек, большей частью за самые мелкие проступки» [345, с. 31].

Понятно дело, король все же пожурил фельдмаршала Виттенберга. Но не более того, так как тот поступал по существовавшим в те времена на Западе законам.

И в альтернативу этим диким законам, которые пришедшие в 1917 году к власти большевики пытались приписать нам, как теперь выясняется, у нас даже перед самым их приходом:

«Телесных наказаний уставом не предусматривалось» [39, с. 44].

Но и XVIII век ими не грешил исключительно у нас:

«...в писаном уставе не сказано было обучать побоями» [106, с. 65].

То есть все эти изобретенные большевиками мифы о некоей-де палочной дисциплине, якобы царящей в царской армии, совершенно безосновательны: именно в законах наших такого безобразия нет. То есть *даже в законах*.

И это все притом, что именно у нас воинская служба являлась обязанностью. В их же армиях использовались ландскнехты, которые:

«...все наемные. За деньги служат!» [106, с. 14].

О чем такое говорит?

Лишь о том, что раз западноевропейские солдаты готовы умереть не только от неприятельской пули, но даже от побоев, то, отринув невзначай такую вот странную «работу», они просто рискуют умереть с голода.

Вот как распрекрасно жилось в той самой Европе, которой так страстно всегда стремился попугайничать Петр. А между тем и до Петра, и до Суворова:

«Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?»²⁷ [15, с. 115].

И в особенности это стало заметно в битве при Кунерсдорфе, когда:

«Сорокавосемьтысячная армия Фридриха перестала существовать.

...У короля, по его собственному признанию, оставалось после сражения не более трех тысяч боеспособных солдат: девятнадцать тысяч было убито, ранено и пленено, а остальные разбежались. В полной прострации он намеревался покончить с собой и писал в Берлин: “Все потеряно, спасайте двор и архивы”. Раньше он ненавидел и презирал русских; теперь он их страшился...» [74, с. 60].

И вот кто упоминается среди наймитов европейских ландскнехтов:

«Сброд со всего света — итальянцы, швейцарцы, силезцы...» [106, с. 29].

То есть вся Европа была нищей. И даже весьма на сегодняшний день уважаемая Швейцария некогда, как теперь оказывается, и олицетворявшая это пресловутое «альпийское нищенство», над которым так затем злорадно потешались наши большевистские писатели-пересмешники.

Но и сама Пруссия являлась страной такой же нищенской. Ведь после первого же пушечного залпа во время знаменитой битвы обнаружилось, что:

«Кунерсдорф горел в нескольких местах» [106, с. 36].

И вот по какой поразительно обыденной причине: их знаменитейшие образцовые на весь свет бюргерообразные дома были, как теперь выясняется:

«*Крытые соломой...*» [106, с. 36].

Именно по этой наитривиальнейшей причине они:

«...сразу занялись огнем» [106, с. 36].

Вот как элементарно просто развеивается миф о давно набившей нам оскомину некоей германской уважаемости!

Но чем принято было покрывать крыши у нас?

Вдоль сибирского тракта, например, по которому гнали колодников, стояли села, которые выглядели следующим образом:

«Избы деревянные, часто двухэтажные, *крыши тесовые*» [145, с. 26].

²⁷ А.В. Суворов. Документы, т. 3, с. 570.

И это не махровый «реакционер» для восхваления именно ему столь необходимого «строя» сообщает, но отправившийся на Сахалин в поисках злоупотреблений царской власти демократ, впоследствии автор «на деревню к бабушке» — знаменитейшей оды о нашей некоей-де необыкновенной зачуханности.

Кстати, слово «зачуханность» происходит от прибалтийских народностей, именуемых у нас брезгливо — чухонцами. А ведь на сегодняшний день они провозгласили себя некими де чрезмерно окультуренными странами Запада.

Но вот, на поверку, сколько в действительности лет их более чем примитивной культуре:

«Первый учебник латышского языка вышел в Риге **на русском языке** в 1868 году!» [175, с. 158]

А вот что сказано и о самих немцах, державших несколько веков эту шушеру чухонскую в черном, что называется, теле:

«Немецкие крестьяне работали на своих помещиков, как лошади. Но плетка по их спинам гуляла чаще, чем по животным. За малейшую провинность крестьянам накладывали на руки и на ноги колодки...» [75, с. 171].

И не наши крепостные крестьяне, но «свободное» немецкое бюргерство, как теперь выясняется, весь свой производительный труд вкладывало не в дело, как то в рассказях о немецком прагматизме не единожды обмусолено, но в безделицу, требуемую на потеху их господам:

«...согнанные на работы крестьяне рыли на горах искусственные пруды, проводили фонтаны, складывали причудливые гроты и другие бессмысленные сооружения.

“Почти невероятно, — писал об этом времени Фридрих Энгельс, — какие акты жестокости и произвола совершали эти надменные князья по отношению к своим подданным. Эти князья, проводившие время только в наслаждениях и дебоше, разрешали всякий произвол своим министрам и правительственным чиновникам, которые могли, таким образом, топтать ногами несчастный народ, не боясь наказания, при одном только условии наполнения казны своих господ”²⁸» [75, с. 150].

Но ничего невероятного, на самом деле, здесь нет: Германия в описываемые Энгельсом времена, то есть в хваленое ими XVIII столетии, и на самом деле жила в самом настоящем средневековье!

И секрет этой странной в их местности популярности службы в армии, где запросто могли не только избить до смерти, но и повесить (уже не говоря об очень большой вероятности смерти от неприятельской пули), заключается в алчности отца, отдающего своего сына на воинскую службу. Ведь папа желает подработать на своем чадце, за что и получает теперь возможность попасть «под раздачу», если его детище, спасая свою безценную шкуру, порешит удрать от грозящей ему расправы.

У нас были совершенно иные условия. И хоть Петр своими налогами все же вогнал русского человека в нищету, но подрабатывать на собственных детях, отдавая их чуть ли ни на верную погибель в заграничного образца палочные войска, у нас на Руси никто бы не стал никогда и ни при каких обстоятельствах. Потому Петр ввел насильственное отторжение детей.

Но и здесь, исключая лишь времена правления самого «преобразователя», из этой затеи варваризации русского воинства ничего не вышло. Ведь наша армия, в отличие от палочно-полицейских орд Запада, представляла собой ту силу, которая единственная была способна защитить русского человека от полного и окончательного истребления интервентами, постоянно вторгающимися в наши пределы.

Потому петровские времена являются лишь коротким исключением из нашей славной воинской традиции. Ведь веком ранее, несмотря на непрерывную поддержку извечно враждебного русскому государству Запада, ничуть не менее враждебного русскому

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, с. 5.

человеку Востока, нам, укрепив свои оборонительные рубежи, именно благодаря отечественной системе организации воинских частей, все же удалось отбиться от наседающих со всех сторон соседей. Затем следующая оборонительная линия, в результате кропотливых трудов русского человека при не прекращаемых отражениях военных нападений врагов, спустилась со временем еще южнее: Венев, Рязань, Тула, Одоев, Лихван, Жиздры, Козельск.

А затем таким же способом протянулись укрепления этой линии обороны еще глубже в восточном и южном направлении: Алатырь, Темников, Шацк, Ряжск, Данков, Новосиль, Орел, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль. Потом была сооружена также и четвертая линия обороны: Воронеж, Оскол, Курск, Ливны, Кромы [126, с. 398].

Таким образом, стратегическая глубокоэшелонированная оборона, отобрав у Дикого поля наши древние исконные земли, продвинувшись далеко на юг, полностью оградила русскую территорию от внезапных нападений беспощадного извечного врага, тем самым сняв, уже в который раз, вопрос о нашем физическом существовании вообще.

Вот что сообщают о нашей привычке захватывать новые территории с помощью многочисленных крепостей наши враги, мало нам в чем сочувствующие. Рейнгольд Гейденштейн, например, вот что пишет о наших крепостях, возводимых в период царствования Иоанна IV:

«Ни на одно средство Князь не полагается так много, как на укрепления, и потому большая часть последних расположена на самых удобных местах между извилинами рек и озер; и гарнизоном, военными снарядами, провизией они снабжаются тщательнее, чем у какого бы то ни было другого народа» [451, с. 30].

Причем, крепости бытовали у нас в основе своей деревянные, о мощи которых пропаганда старается умолчать. А потому об их неприступности мы сегодня не осведомлены. Но так было не всегда. Тот же Гейденштейн, например, вот что в пользу именно такого рода крепостей сообщает:

«Вследствие большого богатства лесного запаса, у них выстроены почти все крепостцы из дерева... притом все крепостцы снабжаются больверками и башнями и кроме того окружаются искусственными рвами, если не было природных, валом и забором; вследствие чего эти строения... более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные, так как с одной стороны такое строение больше противится действию орудий, а с другой, если оно и пробито, то это не ведет за собою большого разрушения стены, что обыкновенно бывает с каменной постройкой» [451, с. 30–31].

А вот конкретный пример выгоды крепости, сооруженной именно из дерева. Вот что сообщает о неприступности Путивля, одной из пограничных наших крепостей, путешественник из Антиохии в Москву Павел Алеппский. Наши пограничные крепости, сообщает он:

«...построенные из дерева, неодолимы, с прочными башнями, имеют двойные стены с бастионами и глубокими рвами, коих откосы плотно обложены деревом; входные концы мостов поднимаются на бревнах и цепях. Крепость (Путивль) большая и великолепная, неодолима и крепка в высшей степени, высоко и прочно устроена на высоком основании; вся наполнена домами и жителями. Она расположена на отдельной круглой горе и заключает внутри водоем, в который вода скрытно накачивается колесами из реки. Внутри ее есть другая крепость, еще сильнее и неодолимее, с башнями, стенами, рвами, снабженная множеством пушек больших и малых, кои расположены одни над другими в несколько рядов...

По причине неприступности и твердости этой крепости и вследствие того, что ее так сильно укрепляли, ляхи, приходившие в прежнее время в числе сорока тысяч и осаждавшие ее в течение четырнадцати месяцев, употребляя всевозможные ухищрения, были совершенно не в состоянии ее взять и вернулись разбитые. О как велико их сокрушение о ней!» [382, гл. 6, с. 107].

Все тоже можно сказать и обо всех вышеперечисленных крепостях — по части построения оборонительных сооружений мы всегда были на голову выше всех иных народов. А потому Русь, несмотря на бесконечность на нее нападений соседей практически со всех сторон, выстояла. И не только выстояла, но, разгромив очередные осаждающие ее границы орды, постоянно лишь увеличивалась в размерах.

Но и сама организация обороны всегда была на высшем уровне. Заблаговременно оповещенные войска неожиданно окружали неприятеля, упершегося лбом в неприступные наши крепости, заставляя его врасплох на своей земле, и безжалостно вырубали вражье войско, идущее сеять смерть на Русскую Землю.

Однако же в этом вопросе, как и в любом другом, — как аукнется, так и откликнется. А в сердце русского человека веками скапливающееся желание пресечь эти варварские нападения степняков, со временем, все же было реализовано, что и свидетельствует об отнюдь не великом проценте татарского населения нашей страны.

И вот что после появления на границах мощных наших многочисленных крепостей стало происходить. Мы давно наслышаны о наших пленниках, томящихся в татарской неволе. Но мы не слышали о пленниках, находящихся в неволе нашей. Павел Алеппский:

«На границе страны татар, что справа от нас, этот богохранимый царь выстроил тридцать крепостей, кроме тысячи башен. После того, как татары раньше проходили сюда расстояние месячного пути в пять, шесть дней, появляясь нечаянно, во время больших холодов и льда, и, захватив пленных, возвращались, теперь московиты берут пленных у них: стоя на верху крепостей, они наблюдают, так как путь татар проходит вблизи них, и как только заметят едущих, часть их сходит, и, опередив татар, становится в засаду в стороне от дороги. При приближении к ним татар, они тотчас хватают их караван, будут ли это мужчины, женщины, девочки или мальчики, уводят в свою страну и продают на рынке уничижения за десять, пятнадцать или двадцать пиастров. Поэтому у каждой богатой женщины бывает пятьдесят, шестьдесят (рабынь) и у каждого важного человека семьдесят, восемьдесят (рабов)» [382, гл. 11, с. 122].

Вот как безславно для агрессора заканчивалось над нами иго татарское.

Но и польское иго, вместе с хананеями и армянами несколько веков лютовавшее над Западной (Белой и Малой) Русью, закончилось и еще с большей жестокостью. Их просто физически уничтожили. А потому сейчас поселений поляков на землях Малой Руси практически не встречается. А ведь когда-то в Смоленске и Киеве, Умани и Кременчуге — центр городов состоял из роскошных особняков польских феодалов, евреев и армян. Русские церкви были захвачены униатами, а на центральных площадях красовались костелы и синагоги.

Но вот пришел момент, когда русский человек не смог больше терпеть над собою это иго и взялся за оружие. Итог: ни одного костела, ни одного польского поселенца и тем более поселения на землях Русских западных земель больше не встретишь.

Но и на великоросских землях, куда поляки вновь были запущены с помощью лишь обмана, им также не поздоровилось. О Смоленске:

«По взятии города, царь нашел в нем много евреев, которые скрывали себя, переодевшись христианами, но московиты узнали их по неумению делать крестное знамение. По приказанию царя их всех собрали и истребовали, чтобы они крестились, если хотят спасти себе жизнь... кто не пожелал, приказано было посадить в деревянные дома, и всех их сожгли. Царь велел разрушить в городе все церкви ляхов и приступил к сооружению других с основания» [383, гл. 7, с. 177].

Так закончилось над временно отданной врагу частью великорусской земли иго польское.

Все то же постигло и остальные в той войне освобождаемые Русские западные земли. Всего в Белоруссии было отвоевано у неприятеля:

«...около 49 городов и крепостей силой меча и по добровольной сдаче и избили, одному всевышнему Богу ведомо сколько, евреев, армян и ляхов... Страна ляхов... была

обращена в развалины и пустыню, где не встречалось деревень и людей на протяжении 15 дней в длину и ширину» [383, гл. 7, с. 180].

То есть земли наши были к тому времени перезаселены инородцами и иноверцами. За что и подверглись проживающие на них захватчики полному физическому уничтожению.

Потому-то на этих землях сегодня поляков не увидишь. Не увидишь и их костелов — все они разрушены и сравнены с землей.

Тоже и с татарами. И тут стоит только вдуматься, какие чувства руководили действиями русских ратников, на плечах неприятеля врывающихся во враждебный лагерь своего лютого врага, убившего его родителей, брата, уведшего в турецкий гарем любимую невесту (или польского пана, продавшего его невесту туркам)? Да он будет крушить всех и вся, прекрасно осознавая при этом, что чем больше по «великодушию» оставит потомства поганым на расплод, тем больше затем русской крови прольется в его родных селах! Ведь враг неумолим, и свои опустошительные набеги он прекратит лишь тогда, когда совершать их станет попросту некому...

Первая перепись 1897 г. определила татар 1,9%, а русских 72,5% [126, с. 395]:

«Монгольская степь поставила перед русским народом вопрос о борьбе не на жизнь, а на смерть — и поплатилась жизнью» [126, с. 395].

Панская Польша, следует поставить здесь параллель, поплатилась тем же — поляков уже более на исконно русских территориях не проживает вообще. Мы их просто физически истребили с лица Русской Земли.

Но почему же нам пришлось столь долго терпеть иго стоящих много ниже нас и духовно и физически этих двух варварских народностей?

Судя по всему, в сам период вторжения степняки когда-то просто подавили нас своей численностью. Потому Александру Невскому пришлось заставить платить дань татарам Великому Новгороду, избежавшему вторжения, лишь по причине нашей в ту пору неспособности противостоять шестисоттысячной войску, которое в любой момент могла выставить против нас Золотая орда. Да и поле Куликово свидетельствует о двойном, и это как минимум, численном превосходстве неприятеля. И все это притом, что ни враждебные нам войска княжества Литовского в нем участия не приняли, ни такие же враждебные нам, противоборствующие в то время самому Мамаю, войска хана Тохтамышша, ни разгромившие впоследствии и самого Тохтамышша, только чудом повернувшие вспять от наших границ, безчисленные орды Тамерлана Тимура.

А вот как только добрались мы до них, так их вдруг сразу и не стало!

То же касается и польского ига. Ведь уже эти над нами нежданно оказавшиеся в качестве господ варвары нас даже не завоевывали. Просто в определенный момент истории подчинение Литве было много выгоднее подчинению Золотой орде. Сама же Литва, после женитьбы князя Ягайло на польской королеве, не менее нежданно, оказалась вдруг находящейся на территории Польши. Так, обманым путем, была закабалена вся западная часть русского населения России. И закабаление это с каждым годом росло. Вплоть до того момента, когда у русского человека отобрали вообще все. В том числе и его церковь. Вот тут-то и поднялся русский бунт. И в несколько лет на территориях проживания русского человека не осталось ни одного костела и ни одного поляка.

Не трогай медведя в берлоге.

Вот, например, как выглядел снова на некоторое время возвращенный Польше Минск. Путешествующий вместе с польско-литовским посольством в Московию в 1678 г. чех Бернгард Таннер вот что рассказывает об этом русском городе. Мы, сообщает он:

«...достигли наконец Минска. Это — город большой, широко раскинувшийся по холмам и долинам. Он пострадал от москвитян, которые обратили его почти в развалины; но с течением времени стал он принимать лучший вид: монастыри доминиканцев и францисканцев, коллегия отцов братства Иисусова, коим основание уже положено, снова придадут городу не малую красу. Да не дурные и весьма многочисленные церкви

схизматиков (неприятелем-схизматиком достояние их осталось не тронуто) и теперь делают город красивым» [453, с. 25].

То есть наши храмы, что и понятно, русские войска, разгромившие здесь врага, не тронули. Но подвергли тотальному уничтожению все иноверческие в то время понастроенные здесь в избытке очаги навязываемой нам чуждой культуры. Так что все равно, пусть до полного освобождения здесь русского человека еще в ту пору и не дошло, то свою Великую культуру, именуемую Православием, мы и на западе Руси отстояли. Причем, с очень огромными потерями со стороны басурман, попытавшихся переселить наши земли — от их жилищ и молелен оставались здесь одни развалины. Потому-то они сами, пусть на время и вернули здесь себе власть, вновь заселять уже раз сгоревшую здесь под ними землю не очень-то и спешили.

Но ни Наполеону, ни Гитлеру впрок такая наука не пошла. А жаль: иногда неплохо бы и поразмыслить над причинами патологических неудач своих предшественников. Потому-то и полумиллионное воинство врага, вторгшееся сюда с полуторамиллионной оравой западных переселенцев, нашло здесь вместе с ними очень позорную и очень лютую смерть. То же, но потеряв теперь порядка 40 миллионов, заполучила здесь и иная орда — уже собранная к нам Гитлером.

И все потому, что не желают они никак понять, что страна наша, наследница Святой Руси — подножию Престола Господня, — непобедима.

Но не только Польша, но и степь длительной войной против нас была вымотана и потерпела полное свое в этой ожесточенной борьбе поражение. Что позволяло продолжить укрепление теперь и западных наших рубежей — на немецкой Украине, где замыкала границу на замок старейшая связка: Псков — Новгород, и на Украине литовской: Смоленск, Великие Луки, Себеж, Заволочье, Невель, Усвят и Велиж.

Также неотвратимо наступала обороняющаяся Москва и вниз по Волге, где Украины неумолимо отодвигались на юг: Васильсурск, Свияжск, Чебоксары, Кокшайск.

А вот как удивляются враги наши неожиданности появления в своих тылах наступательных русских крепостей. Это сообщение относится ко временам войн, ведущихся Иваном Грозным:

«После того как его инженеры предварительно осмотрели место, подлежащее укреплению, где-нибудь в довольно далеком лесу рубят большое количество бревен, пригодных для таких сооружений. Затем после пригонки и распределения их по размеру и порядку, со знаками, позволяющими разобрать и распределить их в постройке, спускают (бревна) вниз по реке... разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления, которые тотчас засыпают землей, и в то же время являются и их гарнизоны, так что король (Польский) только еще первое известие получает о начале сооружения (крепости), потом они оказываются столь крепки и внимательно охраняемы, что, осажденные громадным королевским войском, испытывая храбрые нападения, мужественно защищаются и остаются во власти Московита...» [432, с. 78].

Таким вот образом и осуществляется эта удивительнейшая не имеющая нигде более аналогов наступательная оборона Москвы.

А инженеры, специалисты по сооружению деревянных крепостей, что и без комментариев понятно, являться не русскими просто никак никогда и не могли. Лишь у нас дерево испокон веков являлось основным строительным материалом. То есть и в этой области мы за границу, в чем сама она безапелляционно и признается, обошли просто на немыслимое расстояние. Построение такого вида крепостей, не имеющих аналогов на Западе, судя по всему, досталось нам по наследству еще от Римской (на самом деле нашей — Румской) империи. А потому Фульвио Руджери не может не скрывать своего восхищения способом их построения русскими инженерами:

«Таких, пока я был в Польше, он [Иван Грозный — А.М.] выстроил четыре с необычайной быстротой» [432, с. 77].

Но и в случае прорыва врага в наши внутренние области здесь им также не было никакой возможности хорошенько развернуться для нанесения удара. О чем свидетельствует Павел Алеппский:

«...до какой степени страна эта, имеющая столь огромные размеры, строго охраняется, ибо входить нельзя иначе, как только через середину города и крепости и селения; непременно бывает узкий проход по мосту, ведущему через озеро, а других объездных путей вовсе нет. Никакому шпиону, хотя бы он был из туземцев, совершенно невозможно проникнуть» [382, гл. 14, с. 128].

Солоневич, отнюдь не склонный приписывать все это грандиозное наступательное строительство державы какой-либо особой способности управления страной одному лишь монарху, замечает по этому поводу:

«Как видите, даже наличие такого, я бы сказал, отсутствующего царя, как Федор, ни в какой степени не останавливает действия московской оборонительной системы» [126, с. 398].

То есть давно отработанный на практике русский государственный аппарат, при наличии лишь невмешательства в его внутренние дела, заработал с такой самоотдачей, которая позволила русским людям, при полной поддержке истинного народовластия, завершить государственное строительство аж за Амуром.

А тому способствовала организация не встречающихся ни в одной стране мира вспомогательных систем полувоенных поселений — казачьих войск: донского, кубанского, терского, яицкого, семиреченского, забайкальского и амурского.

Таковы были грандиознейшие успехи нашего государства. Русь строилась под великодержавным скипетром раз когда-то избранной народной системы управления, где вора места не было. В противном же случае мы бы не только за Оку шагу не ступили, но и были бы уже давно полностью доистреблены и прекратили свое существование как народ, сгнивая заживо на гонуэзских галерах или отдавая свою красоту и молодость в гаремах турецких пашей.

В случае замены «отсутствующего царя» Федора безбожником Петром именно такая перспектива и открывалась бы перед державой, обустроиваемой после затяжных войн и внутренних неурядиц, порожденных нескончаемыми изменами бояр, явно имеющих отношение к тайной подрывной организации — масонству. Но наше государство ко времени узурпации престола Петром было уже поднято русским образом управления на такую грозную, недостижимую для врагов высоту, с которой низвергнуть его в пучину полной деградации царю-антихристу в одночасье, как планировалось при возведении его на трон, оказалось просто не под силу.

Русское оружие

Однако же лавры основателя державы российской достались исключительно тому, кто не только пальцем о палец в работе по ее созиданию не ударил, но и сделал все посильное, от него зависящее, чтобы ему доставшуюся великую страну ослабить насколько это возможно, если не развалить окончательно. На счет якобы им созданной современной технически перевооруженной армии очень точно свидетельствует публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков:

«Ни в какой области техники Россия, как оказывается, не догнала Запад, а наоборот — даже в области военной обороны немцы довели нас до крайне опасной отсталости. Артиллерия, например, появилась в России за триста лет до Петра: при Иване Грозном, она отличалась обилием, удивлявшим иностранцев» [69, с. 526].

Вот что сообщает о нашей артиллерии, например, посол в Московию императора Максимилиана, Иоанн Перштейн. Иоанн Грозный, что значит в его донесении:

«...имеет до двух тысяч пушек и множество других орудий, из коих некоторые изумительно длинны и столь широки и высоки, что самого высокого роста человек, входя в дуло с надлежащим зарядом, не достаёт головою до верху. Узнал я об этом, между прочим, от одного немца, который сам это испытал при осаде Полоцка, продолжавшейся не более трех дней (Тут, в примечании к тексту, находится примечание, взятое из Неаполитанской рукописи, в коем сказано: “tre hore” [три часа] — прим. переводчика), в каковое время крепость эта, известная своими оборонительными сооружениями, была вся уничтожена, при таком пушечном громе, что казалось небо и вся земля обрушились на нее» [289, с. 18].

Однако ж имеется мнение, что эта крепость, отстраиваемая поляками десятилетиями, развалилась и еще быстрее; после трех залпов наших гигантских мортир. Вот как описывает эту осаду другой посол Австрии в России — Иоанн Кобенцель:

«...при осаде Полоцка (Polosium), не более как от троекратного залпа этих орудий рушились стены крепости, впрочем весьма сильной, и гром от орудий был столь ужасен, что небо и земля, казалось, готовы были обрушиться» [434, с. 151].

Но не многим лучше было полякам и при попытке удержать у себя наш город-крепость Смоленск, который:

«...был взят при помощи многочисленных больших пушек, коими разрушили до основания две башни и большой бастион... Тогда, от имени Радзивила, явился капитан и просил пощады» [383, гл. 7, с. 176].

И это, между прочим, не какой-то там Полоцк, но лучшая крепость всех времен и народов — Смоленск, у стен которой те же поляки протоптались на месте, так и не сумев сладить с нашей твердыней, в течение почти двух лет.

И вот что это были за гигантские пушки. Для взятия Смоленска, как сообщает в 1655 г. Патриарх Никон:

«царь взял с собой с прошлого года три большие пушки, длиной каждая более 15 локтей; каждую пушку везут 1 500 лошадей и при каждой 500 стрельцов. Этими пушками он сделал пролом в стене Смоленска, выстроенной из плит дикого камня» [386, гл. 7, с. 154].

Вот как выглядели, судя по всему, именно эти орудия. Свидетельствует посол Дании в Московию Ганс Ольделанд (1659 г.):

«Здесь же стояли две огромные пушки, каждая в три сажени длины... [2, 13360 м x 3 = 6, 4 м — А.М.] причем жерло одной пушки в диаметре было 9 четвертей, другой же 6 четвертей локтя» [291, с. 295].

То есть что-то из нашего бывшего арсенала, составленного при Иване Грозном и Борисе Годунове, оставалось еще и на царствование Алексея Михайловича. Ведь специалистами по тяжелой артиллерии вплоть до тех времен, когда Петр доуничтожит все наши арсеналы, являлись только лишь мы.

И вот кто отливал эти грандиознейшие по тем временам орудия, в три дня (или даже — часа [или даже в три залпа!]) разнесшие упорно годами возводимые поляками оборонительные сооружения Полоцка — цитадели в те времена латинства. Да и Смоленск, лучшая крепость мира, был взят при помощи этих же орудий:

«Уже за целое столетие до Петра у нас имелся собственный Крупп — литейный мастер Андрей Чохов, который способен был отливать такие титанические орудия, как знаменитая Царь-пушка. Стоящая донныне... в Кремле московском, она служит неммым свидетелем богатырских возможностей нашей старины, задушенных немецким вторжением. Любопытно, что еще за целое столетие до этой Царь-пушки, в 1488 году, была в Москве же отлита тоже Царь-пушка, до нас не дошедшая» [69, с. 526–527].

Однако же, выше цитированные свидетельства иностранцев о нашем огневом наряде времен Ивана Грозного, говорят о том, что подобного рода пушек у нас было и еще много более чем те, о которых остались свидетельства. Ведь поразительно заподобивые Романовы, судя по всему, многие из них, чтобы навсегда упрятать славу о нашем

превосходстве, русские могущественнейшие во всем мире огненные наряды средневековья уничтожили, доверив иностранцам перелить их уже в свои образцы. Понятно дело, куда как много заведомо более ущербные, нежели наши образцы прошлого (о безответной любви первых Романовых к загранице см.: [352]).

Но и до Петра дошло еще очень немало наших знаменитых на весь свет пушек. О чем и свидетельствует современник тех событий Оттон-Антон Плейер:

«...для переливки есть еще в Москве порядочный запас старинных пушек...» [290, с. 400].

То есть, было что Петру испоганивать. Тому свидетельством и две наши огромные мортиры, брошенные им при бегстве из-под Нарвы. Ведь исключительно благодаря их пленением неприятелем мы и получили возможность хотя бы иметь представление о том величайшем оружии нашей древности, которое содержалось в арсеналах Московской Руси до прихода к власти над ней басурманообожательской династии правителей.

И такого огневого наряда, как у нас, о чем все наши враги сообщают практически в один голос, не было, до наступления в России Смутных времен, ни у кого. Потому их одна из лучших «твердынь» католического Запада, Полоцк, держался то ли три дня, а то ли так и вообще — три часа (или всего лишь два залпа — после третьего сдалась). Но и Смоленск, который поляки штурмом взять так и не смогли, но взяли, из-за предательства Филарета Романова, поступившего на службу в патриархи Тушинского вора, лишь измором, враги наши, поляки, забравшись в нашу несокрушимую их оружием цитадель, отдали также — сразу после вступления с ними в разговор нашей тяжелой артиллерии. Потому следует предположить, что как самих Чоховых, отливающих подобного рода гигантские пушки, так и самих этих гигантских пушек, о чем и свидетельствует очевидцы взятия Смоленска и Полоцка, было у нас в ту пору не единицы и, возможно, даже не десятки. Но сотни. И были они в наличии, что также подтверждается историей, лишь у нас. Потому наш Смоленск поляки не могут взять в течение почти двух лет, а мы, ими отстроенный Полоцк, берем то ли за три дня, а то ли так и вообще — за три часа (а то ли после трех залпов). И все потому, что русское оружие на много порядков превосходило оружие иностранное.

«Если с этими фактами сопоставить то обстоятельство, что в 1915 году, при всем героизме армии, мы были вынуждены отступить перед 42-сантиметровыми орудиями Круппа, то вы убедитесь, что в области наиважнейшей в культуре, там, где решается жизнь и смерть народа, немецкое владычество не утвердило могущества нашего племени, а, напротив, в опасной степени расшатало его. В течение последнего столетия немецкое внутреннее засилье делает самые глубокие и тяжкие захваты, и как естественное следствие их, начинается целый ряд безславных войн, из которых каждая не доведена до победоносного конца по отсталости вооружения и военной организации армии» [69, с. 527].

А ведь при Иване Грозном наш «огненный наряд» признан превосходящим все иные. Да и до него, судя все по тому же, мы сильно превосходили за границу в области вооружений. Что ко временам Петра, при просто патологической заподобивости первых Романовых, Михаиле, Алексее и Федоре, и было весьма благополучно утеряно. Любовь к иноземщине сделала свое дело — произвела разоружение сильнейшей до того и первокласснейшей во всем мире армии.

Но и много позже Петра, когда лишь на малое время появилась возможность воспользоваться умом и смекалкой русских умельцев, наше оружие наголову превзошло все иностранные образцы боевой техники. Вновь появляется у нас лучшее оружие в мире уже при Елизавете. О чем свидетельствует Андрей Болотов, исследовавший результаты Гросс-Егерсдорфского сражения:

«...со своей стороны видели мы побитых гораздо меньше, нежели прусской, и никакой иной причины тому не находили, кроме той, что много наделали тут вреда шуваловские секретные гаубицы» [411, письмо 48-е].

Но и впоследствии во времена походов Суворова наша:

«...артиллерия считалась лучшей в Европе. Полевая пушка — гаубица, сконструированная офицерами М.В. Даниловым и С.А. Мартыновым и известная под именем единорога, была для своего времени самым совершенным артиллерийским орудием²⁹. Единороги при меньшем весе, легком и устойчивом лафете имели большую дальность огня, меткость и убийную силу, чем такого же калибра орудия западноевропейских армий. Из единорогов можно было стрелять различными снарядами, что не обеспечивали другие орудия такого же калибра» [15, с. 140].

И это все притом, что и самого железа в нашей якобы лапотной стране добывалось в то время столько, сколько не было вообще ни у кого. К концу XVIII века Россия:

«...производила даже больше железа и чугуна, чем высокоиндустриализованная Англия. Так, в 1767 г. Россия производила 82 000 тонн чугуна, тогда как металлургия Англии в 1770 г. дала лишь 32 000 тонн...» [262, с. 616].

И так продолжалось на протяжении полутора веков. В чем и весь секрет успешного противоборства обычно противостоящим России собирающимся воедино вражеским коалициям:

«...в XVIII и в начале XIX века Россия стояла на первом месте в мире по производству железа и оказалась в значительной степени благодаря этому одной из самых сильных военных держав...» [262, с. 607].

Но и сами истоки происхождения огнестрельного оружия уходят опять к нам же:

«*Огневая стрельба*. — Хотя, по свидетельству летописей, *арматы и стрельба огненная* были введены в России еще в XIV столетии, и хотя, по тем же источникам, в 1382 году при нашествии Тохтамыша на Россию Москва защищалась *тюфяками* и пушками, но первое употребление артиллерии при обороне крепостей относят к XV ст. и именно к 1408 г., когда татарский полководец Едигей, являсь под Москвою, не смел подступить к ее стенам, боясь наших огнестрельных орудий» [36, с. 1066].

То есть наша русская военная наука еще во дни поля Куликова не просто подготовила огнестрельное оружие, но уже им, как теперь «вдруг» оказывается, обеспечила победу русского оружия, всегда самого лучшего в мире.

О нашей достаточно ранней подготовленности к войнам против армий, имеющих на вооружении огнестрельное оружие, свидетельствуют и постоянно обнаруживаемые подземные сооружения в пределах оборонительных линий Московского Кремля. Выясняется, что:

«...Московский Кремль был оснащен слухами задолго до того, как в России с помощью подкопа была разрушена первая крепость» [159, с. 55].

Что случилось лишь в 1535 г., когда литовцам удалось с помощью взорванного под стенами Стародуба порохового заряда овладеть этим нашим городом.

Таким образом, выясняется, что и в данной области наша наука намного опережала хваленую за границу. Ведь тех же литовцев, вторгшихся полстолетия спустя вместе с поляками, при защите Пскова мы просто наголову разгромили именно за счет нашего опережения в данной области:

«В 1581 году во время осады Пскова между поляками и русскими шла настоящая подземная война. Искусное расположение многочисленных слуховых галерей, удачно прикрывавших стены и башни Псковского кремля, позволило обнаружить и ликвидировать все вражеские подкопы» [159, с. 56].

Вот что сообщает об этих слухах Станислав Пиотровский — участник неудачного штурма Пскова в составе войск Стефана Батория:

«Ведем подкоп под стены, только не знаю как скоро он будет готов; хорошо, если бы русские не догадались, а то они, по рассказам пленных, поделали везде слухи (Остаток этих слухов, т. е. подземных коридоров и теперь можно видеть у Покровской башни,

²⁹ Нилус А. История материальной части артиллерии: В 2-х т. СПб., 1904, т. 1, с. 24.

вблизи которой сохранилось устье подземного хода, ведущего далеко в поле. Такие слухи были устроены и в Смоленске, о чем упоминает Маскевич в своем описании Смоленской осады: он говорит, что ни один подкоп не мог удалиться потому, что русские везде имели слухи — прим. переводчика» [461, с. 123].

И вот что в этом вопросе самое интересное:

«На Западе контрминные способы борьбы были применены лишь во второй половине XVII в. — почти на 100 лет позже обороны Пскова» [119] (с. 169).

Так что ко временам нашего «стояния» на Угре со своими в недавнем прошлом завоевателями, татарами, в те времена еще продолжающимися находиться в средневековье, мы оказались на совершенно разных уровнях развития:

«6 октября русские и ордынские войска сошлись, и разделяла их лишь гладь реки Угры. На левом берегу выстроились русские лучники, были расставлены пищали и тюфяки (длинноствольные и короткоствольные артиллерийские орудия), отряды стрельцов с дробницами (ручное огнестрельное оружие)» [149, с. 26].

Так что враг был встречен во всеоружии, а потому первый его наступательный порыв был остановлен меткими выстрелами москвичей.

«...и покушашеся многажды прилести реку во многихъ местехъ, и не можеша воспрещениемъ отъ Рускихъ вои. И много паде Срацынь его ту, и без числа претопоша въ реце» [439, гл. 4].

И лишь через двое суток, собрав все свои силы воедино, враг вновь принял решение атаковать наиболее удобные места для переправы, пытаясь во что бы то ни стало все же форсировать Угру. Но не тут-то было:

«Бои за переправы начались 8 октября и продолжались четверо суток. Ордынцам так и не удалось преодолеть реку ни на одном участке. Особую роль в этом сыграл “огненный наряд”. Татары, сгрудившиеся перед бродами, в результате метких выстрелов русских пушкарей понесли значительный урон. Хорошей мишенью стали и медленно плывущие через Угру ордынцы, а сами они не могли использовать свой излюбленный прием — массированную стрельбу из луков: долетавшие на излете стрелы теряли убойную силу» [3, с. 86].

Так что это «стояние» на самом деле никаким стоянием не было, но самой настоящей битвой!

Со стороны татар битвой за овладение плацдармом, а с нашей — защитой занимаемых нами выгодных рубежей. И уже в этой войне мы своих бывших завоевателей совершенно безнаказанно расстреливали, как много позже белые люди Европы будут расстреливать беззащитных папуасов Гвинеи или индейцев Америки. Таково наше пресловутое «отставание», как раз якобы из-за этого самого татаро-монгольского порабощения!

Практически все то же можно наблюдать и при взятии Иваном Грозным Казани. Вот как эту тему освещает голландец Эльзевир из Лейдена:

«...к дышлу колесниц прибывалась широкая и толстая доска, со многими скважинами для просовывания пищалей и мушкетонев; и так, когда они таким образом сильно поражали неприятелей (употреблявших только стрелы, от которых Московитяне не могли претерпевать никакого вреда), то им и не трудно было победить и покорить их» [296, с. 352].

Все то же подтверждает и итальянец Антонио Поссевино:

«...у московитов существует особый способ ведения военных действий: против тех татар, которых московит покорил, он применял большие пушки. Кроме того, он приказал прибить к повозкам толстые щиты с просверленными в них отверстиями, через них пищальщики стреляли из своих пищалей. Таким образом, врагам был нанесен значительный ущерб, сами же они никого не потеряли, так как ему легко было сломить их с помощью этого нового вида оружия» [469, с. 65].

И здесь наблюдалось все то же, что затем повторится и на Угре, — белые люди, спрятавшись за легкими укрытиями из досок, безнаказанно отстреливали индейцев,

вооруженных лишь луками и стрелами. И здесь уже не говоря за весь остальной наш «огневой наряд», который, что свидетельствуют практически все источники, у нас *всегда был особенно хорош*.

Причем, до такой степени хорош, что нашим врагам никаких шансов спастись при Иване Грозном не оставлялось. Вот чем мы их «потчевали» при взятии той же Казани. Летописец сообщает, что Иван Грозный:

«...повеле грады тья и туры и великия пушки блиско прикатити ко стенамъ граднымъ, а иныя ставити по Казани реке, по берегу, и поза Булаку и по рвомъ, около града, и бити по стенамъ граднымъ со всехъ странъ изъ великихъ пушекъ, ядра имеющимъ въ колено человеку и въ поясъ» [439] (гл. 62).

То есть величина русских ядер доходила до пояса. Возможно ли упасть от такого грозного оружия за любой толщиной стенами (а в Казани стены достигали толщины 14 м)?

Причем, иностранцы особо выделяют и то, что мы много лучше и качественнее их самих изготавливали и порох — самую важную составляющую военного производства. Чарльз Уитворт, например, свидетельствует, что:

«Порох делают в Москве сильный и хороший...» [298, с. 90].

И вот как наш порох разнес стены Казани, когда русские саперы закончили свой подкоп:

«...и возвысися пламень огня до облакъ, шумящъ, и клокочющи, аки некія великия реки сильны... и прорва крепкія стены градныя, прясло едино... и понесе на высоту великое древіе, на высоту съ людми, яко сено и прахъ ветромъ, и относя... и меташе въ лесе и на поле далече, за 10 версть и 20 версть... Бывши же на стенахъ погани... и вси безъ вести погибоша; овіе древіимъ и дымомъ подави, овехъ же огонь пояде, а иже внутрь во граде Казанцы, мужи и жены, отъ страха силного грянутія омертвеша, и падоша ницы на землю, чающе подъ собою земли погрязнути, или яко Содомскіи огонь съ небеси сошедше попалити ихъ» [439, гл. 79].

А остальное было, что называется, делом лишь техники:

«Руси же вои состизающи Казанцовъ немилостиво мечи своими и секирами разсекаху, и копіями и сулицами прободаху сквозь, и резаху аки свинеи нещадно, и кровь ихъ по улицамъ течаше» [439, гл. 82].

«Руси же вои... ищущи Казанцовъ, въ домехъ и во храминахъ и въ погребяхъ и въ ямахъ сокрывающихся, и где аще обретаху Казанца, стара или юношу или средолетного, и ту вскоре того оружіемъ своимъ смерти предаваху... И бы видети, яко высокія горы, громады же великія побитыхъ Казанцовъ лежащихъ... реки же по всему граду крови ихъ пролишася... яко великія лужа дождевыя воды, кровь стояша по низкимъ местомъ. И очерленеваше землю, яко и реченнымъ водамъ съ кровію смеситися, и не можаху людіе изъ рекъ по 7 днеи пити воды, конемъ же и людемъ въ крови до колону бродити» [439, гл. 83].

После этого побоища, произведенного с помощью русского грозного оружия, татарская грозная до этого момента орда практически перестала существовать:

«...боле 190 000 побитыхъ Казанскихъ людей всехъ, мала и велика, стара и млада, мужска полу и женска, кроме плененныхъ; есть же техъ число боле того» [439, гл. 86].

То есть потери Казани составляли до полумиллиона. Всего же потеряли татары в той войне и того более:

«И сосчиташе же сами себе изоставшия Казанцы и Черемиса воехъ побитыхъ своихъ во взятіе Казанское, и преже взятія и по взятіи, Татаръ, Черемисы, во граде и въ острогахъ, и въ полонь сведенныхъ, и отъ глада умершихъ, и мразомъ измершихъ, и всяческихъ везде погибшихъ, ведомыхъ ихъ писаныхъ, кроме, неведомыхъ и неписаныхъ, 757 270. Мало живыхъ остаха во всеи земли Казанскои» [439, гл. 100].

«Рускихъ же вои сочтоша побитыхъ отъ Казанскихъ людей, во всехъ приступехъ и на съемныхъ боехъ и въ загонехъ, 15 355» [439, гл. 86].

То есть на каждого погибшего до полусотни врагов. Вот по какой причине татар теперь не слишком большой процент от населения России. Не расправа ли это белого человека над злыми дикарями, в мире никак по соседству жить не могущими, вооруженными лишь луками и дротиками?

Так катастрофически для врага, в конце концов, закончилось срабатывание нами заложенного порохового заряда. Взрывом разнесло и разметало 14-метровой толщины мощнейшие укрепления врага, за которыми татары пытались спрятаться от гнева русского человека, пришедшего его покарать за многочисленные кровавые разбойные нападения на мирное население русских украин.

Но даже и здесь объяснения произошедшего имеются. Ведь все это случилось так для нашего воинства удачно лишь потому, что порох у нас и действительно — *особенно хорош*. В противном случае нам не пришлось бы в ту пору праздновать окончательную свою победу над постоянно нападающим на нас соседом.

Причем, обилие производственных мощностей России, специализирующихся на изготовлении пороха, вполне позволяли, при желании, изготавливать любые количества этого зелья — самого важного вида военной продукции со времен его, судя по всему, нами же и изобретения. Ведь русскими, о чем свидетельствует все тот же Чарльз Уитворт:

«...за короткое время могут быть приготовлены достаточные количества пороха...» [298, с. 90].

А вот что свидетельствуют поляки, словно кур во щи попавшие под жерла русских пушек при очередной своей попытке овладеть нашим Псковом. Участник штурма Пскова Станислав Пиотровский сильно удивляется его обилию и качеству, причем, в тот самый момент, когда русские были лишены его подвоза:

«Не понимаю, откуда у них такое изобилие ядер и пороху? Когда наши выстрелят раз, они в ответ выстрелят десять и редко без вреда» [461, с. 212].

Потому-то собранной поляками в те времена очередной вражеской коалиции — от итальянцев до шотландцев и от венгров до французов — так презрительно и настучали по зубам, что порох нами изготовлялся не только лучший во всем мире, но в таком количестве, которое сильно превосходило производственные возможности врага. Причем, не только Запада, но и объединенного с ним враждебного Востока — Турции с Крымом и Ногайской ордой. То есть даже не европейская, но очередная мировая коалиция оказалась беззубой против нашего в тот момент поднимающегося колосса.

А защитники Пскова даже смеялись над осаждающими их поляками со стены:

«отчего вы не стреляете? Если бы вы и два года осаждали Псков, то и тогда вам не видать его! Зачем сюда приехали, когда пороху не имеете?» [461, с. 213].

То есть огневой наряд, что здесь самое интересное, именно у прячущихся за стенами осажденных, был не только много совершеннее, но и оснащенный ядрами и порохом. Потому вражеские войска, собранные со всей Европы в надежде поживиться в России добычей, вместо обещанной им мзды, несли просто колоссальные потери среди солдат удачи: итальянцев и французов, немцев и шотландцев, поляков и венгров. А ведь Россия в тот самый момент воевала еще и со Швецией. Откуда у нее столько пороха? Каковы были на тот момент ее производственные мощности по его изготовлению?

Потому-то и гер наш, этот самый Питер, так любил выпаливать из пушек такое просто невероятное количество раз, изводя продукцию военных предприятий вовсе не по назначению, но исключительно для своих развлечений — ежедневных попок: шутовских «богослужений», машкерадов и ассамблей.

И порох, как и все остальное, что и понятно, научил нас изготавливать вовсе не Петр. Он просто не успел пока, к высказываниям Уитворта, то есть до 1709 г., запороть и данное производство, как запрет затем и многие из всех иных, до него, то есть еще до перекройки на иноземный лад, являющиеся у нас традиционно лучшими в мире.

Однако ж и про качество пороха все тот же Уитворт замечает, что он является самым лучшим:

«...кроме тех случаев, когда должностные лица в своих личных интересах смотрят сквозь пальцы на нарушения в процессе его изготовления» (там же).

То есть до того самого момента, что весьма скромно все же постеснялся откомментировать Уитворт, когда решаются пойти на воровство. А так как воровство именно Петром и было вздуто до самых умопомрачительнейших доселе невиданных размеров, то надо быть уверенным и в том, что и эту область военного производства, как и все остальное, Петр за время своего царствования угробил.

Но до него, то есть еще в допетровские времена, все оружие, связанное с применением пороха, да и он сам, у нас в России, чисто традиционно, что подтверждают практически все — и друзья, и враги, являлись лучшими.

Так что именно мы по тем временам имели армию, оснащенную самым современным оружием в мире. И это все при использовании ума и навыков наших отечественных оружейников.

И здесь стоит лишь обратить внимание на разнообразие имевшегося у нас в допетровские и вообще доромановские времена оружия:

«*Оружие древне-русское* = 1) *алебарда*... 2) *бердыш*... 3) *болт самострельный*... 4) *джид*... 5) *кинжал* — закрученный, длинный, трехгранный шпал (клинок), с рукояткой, черенком, набалдашником и кольцом; 6) *кистен*... 7) *клевец*... 8) *кончар*... 9) *копье* — черкасское, московское, булатное, стальное, железное, мереклянное, плоское, грановитое, 3-х или 4-х гранное, насаженное на ратовище, с железным или медным подтоком (оковом), с наводом золотым по яблоку, тулеи; 10) *кортик*... 11) *курды*... 12) *меч* — полоса стальная, булатная, железная, с долами, широкая, гладкая, обоюду острая, или зубчатая, с крыжем из яблока (набалдашника), черена и огнива (поперечного железа), с ножнами кожаными, сафьянными, бархатными, железными... 13) *нож* поясной, подсайдачный, засапожный — первые короткие с двумя лезвиями, с ножнами, вторые длинные, широкие, с одним лезвием вогнутый, третьи из кривого шпала (клинка) в ножнах; 14) *палаш*... 15) *полосы* — сабельная, мечевая, тесачная, полашная, из булата, стали, турецкие, ширинские, черкасские с долами, дамасские, кизилбашские, булат красный, тевризские, на польское дело, на немецкое дело, на московский выков, булат синий на литовский выков, зубатые на обеих сторонах, с тремя долами; 16) *рогатина* — английская, немецкая, московская, булатная, с широким, с острым, на обе стороны плоским пером, с яблоком и тульею, насаженное на *искепище* (древко); 17) *сабля* — булатная, стальная, железная — из полосы, крыжа и ножен; у крыжа огниво, черен и набалдашник, с кистью и варворкою; полоса с елманью, голомени с долами; ножны металлические — с устьем, наконечником, мишенями, обоймищами, кольцами и наконечниками; 18) *совея* — кривая, полоса, с одним лезвием, в виде ножа, с рукояткою; 19) *палица, ослоп*... 20) *стрелы* — железца трехгранные, четверогранные, прорезанные с яблочками, позолоченные, стальные, ложчатые, с доликами золотыми, вороненые, кизилбашские и кумыкские с двойными копьями, деревца яблонные, чинаровые, березовые, кипарисовые, камышевые, кедровые, ушки костяные, слоновьи, рыбий зуб, перья орлиные, павлиновые, белохвостовые; 21) *сулица*... 22) *секира*... 23) *тесак*... 24) *топорок*... 25) *топор*; 26) *посольский или рындовый топор* — московского, могилевского и польского дела, из булата, стали, с насечками золотыми и серебряными, обухи наведены золотом, с топорщицем, из яблока глухого или прорезного, наконечника и обоймы; 27) *тарч*... 28) *щиты* — булатные, железные, кизилбашские, московского дела, простые, с оправами... с плащами, запонами, состояли из венца, наверхья с яблоком и щита скольцами (см. подробен. в *Изв. и указ. о русск. древн. IV*, с. 23–24) [36, с. 1071–1072].

К уже перечисленному следует добавить и еще очередную особенность русского оружия — средство передачи приказов начальства на расстоянии — *боевой барабан*. Вот что сообщает о его наличии у нас не ознакомленный с этим средством управления войсками в армиях Западной Европы поляк немецкого происхождения Рейнгольд Гейденштейн:

«В войске каждый имеет маленький барабан привешенный к седлу, который употребляется всякий раз, когда войску нужно остановиться; при первом ударе и звоне, перенятом ближайшими и переданном остальным, в короткий промежуток времени войско перестает двигаться вперед» [451, с. 29–30].

Так что, даже по части взаимодействия военачальников с рядовыми солдатами своего воинства, имеется стоящее впереди всей мировой системы управления войсками средство оповещения, возносящее нашу систему управления на просто недостижимый иноземными армиями уровень.

Между тем, нет и тени сомнения, что наша вооруженность лучшими на весь свет средствами связи, как и само русское оружие, были самыми передовыми всегда. Это теперь подтверждается повсеместно и археологическими раскопками:

«Как показали остатки мастерских, все оружие делалось на месте русскими руками и притом из местных железных руд, что доказано спектроскопическим анализом изделий» [59, с. 62].

И мы всегда и во всем намного опережали хваленую теперь неизвестно за что Европу:

«Кольчуги появились на Руси... на 200 лет раньше, чем в Европе... даже слово “кольчуга”, т.е. “сделанная из колец”, славянское. Термин “броня” (от “боронити”, т.е. защищать) также русский» [59, с. 62].

Сюда же следует прибавить и *личину*, впервые упомянутую в употреблении именно у нас. Так что некая такая в чем передовитость западного рыцарства — это миф. Тому в подтверждение служат и результаты раскопок археологов:

«Оружие, найденное в курганах, которое прежде считалось норманнским, оказалось явно не норманнского типа и изделия» [59, с. 62].

То есть некий приписанный скандинавам над нами патронаж — всего лишь мифология немецкой этой самой «науки» — не более того.

Но вот и еще какой вид вооружений имели наши русские арсеналы во времена европейских игрушечек в войнушку — рыцарских ристалищ:

«Русские стрелы (по-видимому бронебойные) пробивали доспехи немецких рыцарей, о чем свидетельствует битва под Венденом в 1218 г.» [88, с. 176].

Но ведь к такого рода имеющимся у нас стрелам требовался и лук, обладающий достаточной убойной силой, чтобы пробить рыцарский доспех. Как же обстояло дело с его наличием в нашем арсенале?

Так ведь и он имелся у нас, что также теперь обнаружено. Причем, очень еще задолго до описываемых событий под Венденом:

«В Новгороде в 1953 г. в слое второй половины XII в. впервые был найден большой обломок древнерусского сложного лука. Обломок представляет собой половину целого лука — его вибрирующее плечо. Лук был склеен из двух прекрасно оструганных длинных планок различных пород дерева (можжевельника и березы) и винтообразно оклеен тонкими полосками бересты для предохранения от сырости...»³⁰ [88, с. 176–178].

Однако же эта находка не оказалась единичной. Благодаря чему сегодня установлено, что подобные луки мы изготавливали за многие века до победы под Венденом над рыцарским воинством Западной Европы.

Так что это был за лук?

«Не напоминает ли вам русский лук, тот самый, упомянутый Нефедовым, монгольский лук “саадак”?»

Ну конечно — это та самая пресловутая “машина убийства”! Но изготавливалась она на Руси уже в XII веке, и даже в XI, и в IX!» [88, с. 178].

Так что изготавливалась у нас эта самая «машина убийства» уже в ту далекую пору, когда о пресловутой монгольской орде еще и понятия никакого не имелось!!!

Но почему же наименование у него какое-то уж больно смахивающее на татарское?

³⁰ А.Н.Кирпичников, А.Ф.Медведев. Вооружение //Древняя Русь. Город. Замок. Село.

«...хуннское слово, означающее “сапоги”, известное нам в китайской транскрипции, звучит “сагдак”...

...это слово имеет прямое отношение к старорусскому слову “сагайдак”, т.е. колчан со стрелами и луком» [88, с. 180].

И вот по какой причине именно данный термин закрепился за этим смертоносным видом русского оружия. Воины:

«...затыкали за голенища стрелы, которые не помещались в колчане...»³¹ [88, с. 180].

Так что это «оружие смерти», приписанное историками гению «монголов», на самом деле являлось оружием исконно русским. И именно оно, судя по всему, долгие века и сдерживало натиск западного европейского рыцарства в Восточную Европу.

«...на Руси с IX по XIV в. имели широкое распространение и более сложные по конструкции луки. Об этом свидетельствуют и находки комплектов костяных накладок от рукояти сложного лука конца XII в. в Новгороде, и многочисленные находки костяных накладок от рукоятей и концов луков IX–XIII вв. в Тмутаракани, Чернигове, Старой Ладоге, Старой Рязани, Вщиже, Турове, Екимаяцах, Воине, Колодяжине и многих других... Судя по многочисленным находкам готовых изделий, заготовок и отходов производства костяных деталей сложных луков, налучий, колчанов и защитных приспособлений, употреблявшихся при стрельбе из лука, можно сказать, что луки делались во многих древнерусских городах. На Руси были специальные мастера лучники и тульники... Изготовление луков и стрел требовало больших знаний специфики этого оружия, свойств материалов и длительного производственного опыта»³² [88, с. 179].

Так что и по части вооружений: Древняя Русь всегда шла на несколько сотен лет впереди Западной Европы. И никакие татаро-монголы никогда не являлись мировыми лидерами по части изготовления смертельного для всего мира оружия — пробивающего стальные доспехи лука. Но являлись испокон века впереди планеты всей по части изготовления этого смертельного для наших врагов оружия именно мы. Причем и обучение этому виду единоборства с неприятелем у нас сидело просто в крови. О чем сообщает не только немецкий барон Герберштейн, но и его современник — швед Петр Петрей:

«...москвитяне: они еще смолоду учатся стрелять из луков и арбалет... они и прежде употребляли и теперь еще употребляют луки, лучки, арбалеты и стрелы, как на войне, так и в то время, когда стреляют диких птиц и зверей, и так ловки, проворны и опытни в этом деле, что редко пускают стрелу понапрасну. Луки у них сделаны очень искусно... так что в других землях не найдешь им подобных» [248, с. 216].

И вот в какую древность уходит это наше опережение всего остального мира по части пользования данным видом вооружения. О наших предках скифах:

«...упоминает и Гомер... **они одни употребляют луки**» [259, с. 234].

Но и иной теперь уже морских судов вид вооружения, самый грозный из всех иных, также принадлежал изобретению русского гения. Вот кто, что выясняется, являлся первым изобретателем всемирно известного «греческого огня». В Древней Персии, являвшейся некогда прообразом первой Русской мировой Державы, по словам грека Аммиана Марцеллина:

«...изготавливается **мидийское масло**. Если смазанная им стрела будет выпущена из слабо натянутого лука и вонзится во что-нибудь, то она разгорается сильным огнем — при быстром полете огонь тухнет; если кто захочет потушить огонь водой, то вызовет более сильное горение, и нет иного средства потушить, кроме как посыпать землей» [264, гл. 6, аб. 37].

А ведь Мидия, что доказал как своими переводами Г.С. Гриневиц, так и иные подтверждающие это мнение источники (см.: [221]), являлась страной славяно-русской. Так что и данное наигрознейшее оружие древности — «греческий огонь» — тоже, что на

³¹ Л.Н.Гумилев. В поисках вымышленного царства.

³² А.Н. Кирпичников, А.Ф. Медведев. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село.

поверку, вовсе никакое не греческое, но исконно наше — русское.

Но, что самое важное, все нами обнаруженное вовсе не стоит в ряду отдельных наших успехов в области военной техники. Лишь мы являемся обладателями древнейшего на планете СЛОВА. А потому именно нам принадлежат не отдельные изобретения, но вообще все, начиная с самого грозного оружия человечества — лошади. Ведь уже доказано, что именно:

«...русы-индоевропейцы впервые в мире приручили дикую лошадь и вследствие того (только одна из причин) покорили этот мир (само слово-понятие “князь-конунг-кениг” происходит от русского “конник”, как “шевалье-кавалер-кабальеро” от слова “кобыла”)» [354, с. 393].

Так что во времена луков и стрел, то есть до изобретения нами же огнестрельного оружия, Русь всегда опережала своих врагов качеством вооружения ее воинов. И якобы преимущество над Русью каких-то монголов уж в данном случае, когда мы разобрали пока лишь значение самого нашего СЛОВА, выглядит разгоряченным бредом антирусской историософической пропаганды наших недоброжелателей. Русское оружие, что выясняется, и до и после нашествия несметных полчищ басурман, обозначенных историками некими монголами, было лучшим в мире.

Ничего не поменялось в разбираемом нами вопросе о вооружениях и к петровским временам:

«Ударно-кремневый замок в Европе появился около 1670 года. Ружья с ударно-кремневыми замками на вооружении русской армии появились уже в первой половине семнадцатого столетия.

Уже в XVII столетии русские ружейные мастера изготавливали нарезное ручное оружие, заряжающееся с казенной части.

...раньше, чем в Европе, в русской артиллерии были введены нарезные (винтовальные) пушки. Первые нарезные орудия в московской артиллерии появились в начале XVII столетия, а европейской — лишь в конце века.

В XVII же веке вводятся на вооружение и нарезные пушки, заряжающиеся с казенной части (с клиновыми и поршневыми затворами).

В 1678 году в ста пятидесяти городах, подчиненных разрядному приказу, было три тысячи пятьсот семьдесят пять орудий³³.

Во время походов во второй половине XVII века русские войска имели до четырехсот пушек. По количеству орудий русская артиллерия превышала артиллерию любой европейской армии того времени» [238] (с. 32–33).

То есть весь этот петровский «прогресс» на поверку оказывается дутым. Факты указывают на полностью противоречащее версиям лжеисториков заключение: отданная на откуп немцам наша оружейная наука скатилась от не имевших аналогов в мире орудий Древней Руси, поражающих своей не встречаемой нигде мощью, к орудиям онемеченной России, которые стали неспособны противостоять пушкам Круппа XX столетия.

Но не только в те еще давние времена Россия имела преимущество над Западом. Нам слишком хорошо известны и результаты последней с ним войны:

«В чем вообще Европу можно считать передовой? В оружии и военной технике? Но не далее как в 1941–1945 гг. СССР вдребезги разнес эту Европу, несмотря на европейский перевес в людях и промышленном потенциале» [88, с. 64].

Черeda позорищ, признанных заслугой

Приписанные же Петру его европеизированной армией победы на поверку оказались затяжным периодом из безконечной череды поражений:

³³ «Дополнение к актам историческим», том IX.

«Вспомним Нарву. Петр, которому было уже не семнадцать лет, и который был уже взрослым человеком — ему было 28 лет, повел свою тридцатипятидесятитысячную армию к Нарве...

Узнав о приближении восемнадцатилетнего мальчишки Карла с восемью тысячами, Петр повторяет свой уже испытанный прием: покидает нарвскую армию, как одиннадцать лет тому назад покинул свои потешные войска, — а потешных у него по тем временам бывало до тридцати тысяч, Софья же сконцентрировала против них *триста* стрельцов» [126, с. 443].

Здесь Солоневич упускает из виду первый поход Петра на Азов, когда он, при пятикратном своем над турками превосходстве, никак не меньшем, чем при самой Нарве, предпринимает подобный же «воинский» прием: пускается в бега.

Попытка сбежать предпринята Петром и во втором своем походе на тот же злосчастный Азов. Но тогда ему повезло:

1) выручили не имеющие к его воинству никакого отношения казаки;

2) сбежать на корабле, на котором он в тот момент находился, не легко, а сбежать с корабля еще сложнее — воды он боялся больше, чем неприятеля.

То есть бегство при Нарве было уже по счету четвертым посетившим его *конфузом*.

И вот какими мероприятиями предусмотрительный Карл, ввиду подавляющего численного превосходства противостоящего ему петровского полицейско-мародерского воинского формирования, очень предусмотрительно не пренебрег:

«...победитель так боялся своих побежденных, что за ночь поспешил навести новый мост... чтобы помочь им поскорее убраться...» [126, с. 444].

Так какой же злодей им мост испортил, тем помешав сбежать петровским потешникам вообще без единого выстрела?

Ну уж только не шведы — от такой оравы мародеров они не знали, как отделаться по-хорошему: шведов против безчисленной армии агрессора оказалось, почти впятеро меньше! Воинство же Петра драпало с завидным упорством без оглядки назад на отпускающего его по-хорошему восвояси неприятеля. Если бы оглянулось, то сильно удивилось чрезмерной жидковатости наступающего врага...

Но куда же делся их верховный главнокомандующий? Почему не доказал той приписанной ему историками грандиознейшей великости, которую якобы стяжал своими воинскими подвигами? Издал же он указ всех трусов вешать на рее:

«ежели он (офицер — *М.Б.*) живот свой нерадением дела спасти хочет, то после на безчестной виселице погубит... Кто же место свое без указа оставит... или безчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести и живота...» [12, с. 24].

То бишь казнен будет смертной, стало быть, казнью. И не просто расстреливанием, что может не воспрепятствовать спасению души убиваемого, но исключительно перенятым у «доблестной» фем давно ею практикуемым методом — через повешение.

Что ж, очень «веселенький» указец! Звучит красиво, а в особенности с дополнением, где пусть и не «безчестной виселицей», но всего лишь пулей, он кому-то там такому все никак не желающему ему довериться, строго грозит даже не останавливаться на пожертвовании самого себя:

«Я *приказываю* вам, — писал Петр I, — стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже *убить меня самого, если я буду столь малодушен*, что стану ретироваться от неприятеля...» (там же).

Хороша дисциплинка была у этого монарха, что после такого распоряжения его так никто и не пристрелил! Ведь таких возможностей, при способах ведения им военных действий, было их как еще и немало: Петр бегал практически отовсюду, откуда только имелась еще возможность сбежать. Где же ее не было, приходилось отдавать все, что требовал от него неприятель. За свою собственную шкуру (шкуру зверя), которая для него была по-особому дорога, он готов был отдать все.

Написал, похвастался и писулочку свою под сукно: а то ведь и впрямь не оценят красоты жеста — пристрелят чего доброго как собаку при очередном дезертирстве. Это он как Ельцин: голову на рельсы, если цены поднимутся.

Вообще-то Петра, по части отписывания всеразличных высокопарных писулек, судя по всему, следует возвести на первое место в мире — здесь он просто никем не превзойденный и всеми общепризнанный лидер:

«Он написал 20 тысяч одних указов!» [14, с. 54].

Однако же факты, в отличие от хвастовства и болтовни, достаточно упрямая вещь. И даже Алексей Толстой, в пику дружно кем-то упорно приписываемой «преобразователю» какой-то там мифической «храбрости», не может не констатировать, что при своем пятикратном преимуществе под Нарвой Петр в очередной раз доказал миру, что отнюдь не являлся он никогда, в том числе и здесь, образцом для подражания. Даже придворный пиетист большевиков не находит в защиту Петра по части его здесь неслышанной ретирады никаких извинений. Но лишь констатирует:

«...главнокомандующий бежал...» [135, с. 434].

И тот самый главнокомандующий, который отписывал в артиклях про подобное:

«...отнюдь не должен никто бегать назад, но стоять до последнего... во время бою приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия...» [61, с. 30].

Потому-то и бегал наш «реформатор», ну очень большой дока по части оных отписочек, еще и до самой малейшей возможности такому конфузу случиться. И все потому, вероятно, что он в этом вопросе (в вопросе ретирады) знал главное:

«Петр I... говаривал: “Во всех действиях упреждать”» [106, с. 18].

И понятно почему: чтобы этот его очередной артикул просто никто выполнить не успел. А потому, как бы до времени, как бы невзначай, за порохом или провиантом — в обоз... А сам — быстренько так, ловкенько: на коня — и бежать, бежать, бежать...

И бежал он и на этот раз достаточно быстро. Но такое и понятно: к тому времени в данном искусстве стратегического ведения войны он уже поднаторел преизрядно:

«Весть о нарвском разгроме догнала Петра в день, когда он въехал в Новгород...» [135, с. 435].

Вот как неслабо драпанул наш прославленный в веках «великий» от противника, впятеро уступающего числом! И не догони его в Новгороде весть, что шведы отказались от преследования, он бы раньше появления Сибирских сопок, от переусердствия в любвеобильности к собственной персоне, не очухался бы!

И вот до какой степени герой наш в тот момент перепугался:

«Узнав о поражении армии под стенами Нарвы, он переоделся крестьянином, чтобы спастись от следовавшего, как ему казалось, за ним по пятам врага» [16, с. 112].

Фоккеродт подтверждает эту сцену с переодеванием:

«Получив весть об этом несчастье в Новгороде, он оделся в крестьянский кафтан, обулся в лапти, часто заливался слезами...» [301, с. 44].

«Царь плакал ручьями и впал в состояние полного безсилия...» [16, с. 112].

«...и всеми возможными силами старался склонить шведского короля к миролюбивому расположению, для чего и предлагал ему необыкновенно выгодные и почти невероятные условия» [301, с. 44].

«...он готов был принять самые унижительные условия мира» [16, с. 112].

То есть в крестьянина-то он вырядился будучи уже в Новгороде!!! Хорошо, что еще не в Нижнем!

Но Карл не погнался за ним не потому, что как-либо сомневался в поистине выдающейся трусости своего оппонента, но вследствие опасения произойти при этом большого конфуза. А ведь не зря опасался: такой конфуз много позже все же случился с его восьмикратно превосходящим полтавский гарнизон воинством. И окажись в том районе перед ним настоящее русское войско, а не петровское опереточное — ему конец.

Тогда вся эта шведская кампания должна была в этот же день победно завершиться: измотанная длительным переходом горстка отважных шведов просто не могла бы не стать легкой добычей поджидающего ее прихода огромного воинства Петра. И отважный король должен был оказаться в плену.

И если Карл со своей 30-тысячной армией в те времена являлся хозяином Европы, в ту пору вследствие успешной борьбы западноевропейцев с перенаселением своей части света, вконец обезкровленной, то кто мог противостоять полуторасоттысячной армии Петра?

Однако же неслыханная трусость правителя, предавшего на заклятие неприятелю свое многократно превосходящее врага войско, не позволила тут же поставить точку над всей этой бездарно продолженной им действительно очень великой, — по времени — растянувшейся на долгие два десятилетия эпопеи с ведением неких «военных действий». А на самом деле варварских пиратских набегов на соседские владения с последующим убеганием от неприятеля, преследующего в страхе удирающее от хозяина тех земель петровское воинство.

Странно как-то слушать перлы о каких-то мифологических победах, которых на самом деле не только никогда не было, но и быть не могло. На самом же деле вот в какую истерику впал Петр, сбежавший из-под Нарвы в Новгород:

«Страх... побудил царя лихорадочно искать выход с помощью дипломатов, прося выступить посредниками в переговорах о мире Англию, Францию, Голландию и Австрию. Однако все предложения Петра (причем на самых заманчивых для Стокгольма условиях) шведский король отклонил» [53, с. 49].

Он, судя по всему, уже прекрасно тогда понимал, что с таким лгуном как Петр договариваться не о чем: он один раз такой договор уже нарушил, подло ударив в спину, нарушит и все договоры иные. Потому не договариваться с ним следует, но бить, что есть сил.

Так, собственно, Карл впоследствии и действовал: бил петровских бандитов где только мог.

И вот интересный момент: как же можно было так постараться, чтобы образину Петра, вынутую нами на свет уже предостаточно, подчистить и подгримировать так ловко и так незаметно, что облапошенные обыватели до сих пор все продолжают петь ему дифирамбы. И многие делают это искренне, ни на минуту даже не задумываясь о правдоподобности впитанных ими всеми фибрами души пропагандистских баек.

Но вот какими примерно средствами пользовались создатели образа царя-воителя — фальсификаторы. Лажечников, например, пытается нам навязать мысль о некоем ореоле геройства этого великого дезертира следующими им якобы произнесенными словами:

«— Затем и царь я, — перебил Петр, — что должен сам во всех случаях пример являть... в баталии я должен быть *наперед*» [56, с. 346].

Что-то не слишком заметно стремление Петра «быть наперед». Вот если только как-нибудь Новгород передовой объявить. Только в таком случае он и может быть объявлен *наперед* своего воинства, которое, собственно, прямым за ним и последовало: данному эрзац-формированию — эдакому *Петра творенью* — тоже шкура дорога.

Но предводитель обогнал своих подопечных весьма стремительно и непреодолимо, опередив их «атаку», тем и обозначив это самое свое неоспоримое «в баталии... *наперед*». Чем, собственно, и «пример являть» вознамеривался. Он только немножечко перепутал направление этой самой своей «атаки» — не сориентировался, в какую сторону «наперед», а в какую *назад* получится. Тому причиной, думается (раструбить бы следовало Лажечниковым-Толстым), дурное в географиях обучение в этой самой дремучей и неотесанной Московии. А в особенности дьяк Зотов в том всенепременно повинен: пил-де много, в науках же случился *не горазд*. Вот его выученик Петр в свои двадцать восемь с географией-то и обмишурился. Оттого не в ту сторону наступать соблаговолил.

Так откуда взялось непонятное всеми, в один голос нам сообщаемое пятикратное превосходство петровских полицейских частей над шведской армией?! Ведь советская военная энциклопедия нам о Нарвском сражении вот что сообщает:

«К 19 (30) нояб. численность рус. войск составила около 35 тыс. чел. (27 тыс. пехоты, 1500 драгун, 6500 — поместной конницы) и 173 ор[удий]. ... швед. армия во главе с Карлом XII (32,5 тыс. чел., 37 ор[удий].) 19 (30) нояб. подошла на помощь осажденному гарнизону. Стремясь ускорить подход подкреплений и обозов с боеприпасами, Петр I уехал...» [118, т. 5, с. 495].

Но даже и по этому, насквозь лживому раскладу у Петра этих самых *орудий* было, как минимум, в пять раз больше, нежели у поистине безрассудно атаковавших его шведов!

А как же Петр затем пытался выгородить свое припозорнейшее бегство? Какие аргументы он выставил для прикрытия конфуза поражения от многократно слабейшего противника всей его громадной младожандармской армии?

Вот какие его отписочки, представленные Петром в 1723 г. кабинет-секретарю Макарову, выставляет на обозрение Устрялов:

«“И так при той осаде наших от голода померло в шанцах, и на бою побито и потонуло”, — сколько же именно, оставил пробел...» [197, с. 51].

Но вот как «голодно» было в этом потешном петровском лагере на самом деле:

«“Если бы, — говорит очевидец, граф Верде³⁴, — русский генерал, имевший до 6 000 под ружьем, решился на нас ударить, мы были бы разбиты непременно: мы были крайне утомлены, не имея пищи, ни покоя несколько дней; притом же наши солдаты так упились вином, которое нашли в московском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок”» [196, с. 49].

Вот с какого такого «голода» «перемежло» там под Нарвою петрушечно-палаческое воинство антихриста: шведы недоеденным с этого самого их «барского стола» так «обкушались», что чуть с того жизни не лишились.

А вот что шведами было изъято у беглецов по части воинского вооружения. В захваченном лагере аника-воинства:

«...найдена богатая добыча: 145 новых медных орудий разной величины, в том числе такие, что могут стрелять ядром в 45 фунтов по шведскому весу; 28 новых медных мортир и 4 гаубицы (следовательно всего 177 орудий, или более, чем показано в Гистории, 32), с 6 парами литавр, 151 знаменем, 20 штандартами и несметным множеством ружей³⁵.

Генерал-фельдцейгмейстер граф Брюс в 1723 году, на вопрос кабинет-секретаря Макарова, сколько было пушек под Нарвою в 1700 году?» [196, с. 53],

называет цифру в 181 орудие (против 37 шведских!). Причем, этот петровский срам лег несмываемым позором и даже на тех русских умельцев, которые еще за столетие до Петра отливали лучшее в мире оружие:

«...пищали “Лев” и “Медведь”, весом в 320 и 290 пудов, отлитые за 110 лет [до сдачи их врагу — А.М.] Андреем Чоховым и Семеном Дубинкою: обе они хранятся в С.-Петербургском арсенале, с вычеканенною шведами надписью, что взяты Карлом XII под Нарвою» (там же).

А вот что сказано о наличии у Петра пороха в пороховницах, сославшись на нехватку которого он сбежал. Вот какими тысячами пудов наш «воитель» пренебрег при поисках причины своего позорнейшего бегства, которые также, вместе с многотонными залежами ядер, достались шведам в качестве сувенира:

«Артиллерийский обоз для доставки орудий, снаряжения и боеприпасов насчитывал около 10 тыс. телег и подвод. В нем к Нарве доставили 12 тыс. пудов пороха, 5 018 пудов свинца, 6 000 пудов ядер, 11 337 пудов бомб и 11 500 ручных гранат» [188, с. 154].

То есть не собирались только начинать доставлять, но именно — **доставили!**

³⁴ Приложение II, 50.

³⁵ 24 000 ружей взято под Нарвою, по словам Фрибе. Согласно шведским объявлением пишет и Адлерфельд по немецкому изданию с. 112.

И это под имеющиеся у него в наличии:

«...184 гаубицы, мортиры, пушки» [188, с. 153].

По другим данным и еще больше:

«Шведы получили все 5 пушки, что были на батареях, числом 64 ломовых, до 70 полковых пушек и 95 мортир; также с 2 000 бомб...» [322, с. 133].

Так почему же он столь трусливо и поспешно сбежал, сославшись на якобы нехватку зарядов?!

А у страха глаза, как теперь выясняется, велики. Откуда ж знать этому «великому» было перед своим позорным бегством, что пушек у шведов, столь показавшихся ему грозными, было всего тридцать семь! Но такого их количества даже на один военный корабль едва ли хватит, а уж для наступающих войск это означает практически полное их отсутствие! И это против наших ста восьмидесяти четырех орудий!

И такие данные о войсках Карла даже в столь ангажированном источнике, пытающемся заретушировать весь случившийся с петровским воинством конфуз!

Но полу столетием раньше Алексей Толстой, изо всех сил стремившийся как-либо выгородить полную бездарность Петра, на столь неприкрытую ложь все же не отважился. Он пишет, что Карлу пришлось:

«...с *десятью тысячами* голодных, измученных солдат, навьюченных мешками (обозы пришлось бросить в поспешном наступлении), броситься на *пятидесятитысячную армию* за сильными укреплениями...» [135, с. 431–432].

То есть еще в самом начале революционных преобразований в России подтверждали именно пятикратное преимущество Петра: на иное еще не отваживались. И лишь к 1980-му году советская пропаганда решилась на столь нахальный подлог, увеличив воинство неприятеля как минимум втрое, уменьшив почти вдвое воинство Петра.

Читаем продолжение советской версии в военной энциклопедии, уже спустя полвека после начала подправок исторической «наукой» биографии нами рассматриваемого представителя «царизма», к которому революционные власти просто ну никак не должны были относиться с симпатией:

«Утром 19(30) нояб. *после двухчасового арт. обстрела* швед. армия атаковала позиции рус. войск» [118, т. 5, с. 495].

Да они что ж, смеются, что ли, над своими читателями?! Это кто ж там кого, интересно бы знать, целых два часа безнаказанно обстреливал, если у нас этих самых артиллерийских орудий (как минимум, даже по выше цитируемому советскому источнику) *в пять раз больше*?!

В течение двухчасовой перестрелки Карл должен был остаться без своей артиллерии вовсе и давно бежать без оглядки, если бы ему это только еще удалось. Но, имея артиллерию, пятикратно превосходящую противника, и получасовой перестрелки станет вполне достаточным, чтобы оставить от неприятельской армии мокрое место, стреляя к тому же *из-под защиты заранее возведенных укреплений*. К тому же имея такой умопомрачительный запас огневого снаряжения, что при соприкосновении этих двух армий о шведов уже через полчаса обязано было остаться мокрое место.

Но Петр сбежал...

Что же произошло там, под Нарвой, на самом деле?

Сначала определим целевое назначение подтасовки фактов, произведенное советской исторической «наукой».

Заинтересованность в возвеличивании Петра большевиками объясняется принадлежностью к наследникам именно его «славных дел» пламенных борцов уже за нынешнее «народное» дело. А потому и потребовалась им для промывания наших мозгов столь теперь шокирующая лжеверсия, ни с какими историческими данными не совпадающая и извращающая слишком очевидные для всех факты.

Но что ж с пушками-то советские историки свой вариант случившегося с Петром конфуза как следует не подрихтовали?! Ведь высоси из пальца вдобавок к двум с

половиной десяткам тысяч шведских солдат еще сотенку-другую такого же «качества» пушечек — и возводи Петра в великие гении, как и полагается, по всем правилам лжеистории. Ведь если из Ленина манекен сделали, то почему бы его не сделать и из Петра? Ведь если ленинские дела сокрыть уже просто невозможно, так как они у всех на виду, то сочинить очередную сагу о «преобразователе» — дело плевое, не создающее никаких проблем. А тем более, что и много как ранее ретираду Петра вот чем пытались оправдать. Шведский король удосужился, в их интерпретации:

«...с малой своею армиею напасть на россиян, которые от множества выстрелов пушечных совсем оглушены будучи [из 37-то орудий! — А.М.], и не воображая, что сражаются с малым числом, пришли в великий страх...» [189, с. 31].

Но если у страха глаза оказались велики, то факты свидетельствуют об обратном — о пятикратном перевесе в наличии пушек вовсе не со шведской стороны. Но со стороны петровских мародеров. И вот где весь случившийся конфуз высвечивается наиболее наглядно: конфискованные шведами у разбежавшихся петровских потешников пушки, в качестве просто ничем неопровержимого вещдока, остались-то — у неприятеля! И они их теперь имели возможность всему миру экспонировать: поглядите, мол, с какой *шушерой* нам воевать приходится — вояки почище *чухонцев* будут.

Потому: как с версией советских энциклопедистов, так и с ей предшествующими сагами о некоем «чудесном гении» Петра, изобретшего некую такую «русскую армию», то есть чисто, как выясняется, петрушечную, такая весьма существенная неувязочка и приключилась. Однако же, помимо слишком явного аргумента с пленением шведами пушек, в те времена было общеизвестно, что Петром была приведена под Нарву:

«...самая многочисленная из армий европейских государств» [149, с. 134].

Что подтверждается теперь и нынешними источниками. Много ранее же это ни для кого не было секретом:

«Войско, которое должно было начать осаду Нарвы, состояло из трех вновь сформированных дивизий под командой генералов Головина, Вейде и Репнина, из 10 500 казаков и нескольких иррегулярных отрядов — всего 63 520 человек. Дивизия Репнина, насчитывающая 10 834 человека, и малороссийские казаки оставались еще в пути, что сводило действительный наличный состав к 40 000 человек³⁶. Но Карл XII со своей стороны не мог привести осажденному городу больше 5 300 человек пехоты и 3 130 конницы» [16, с. 310].

Именно эти цифры до прихода к власти в России наследников дел Петра являлись общепринятыми и сомнению не подлежали ни у кого из мало-мальски уважаемых историков. А в особенности у флагманов западнической версии российской исторической науки, Петру глядящей буквально в рот:

«Карл быстро шел к Нарве... и утром 19 ноября явился перед русским лагерем, имея около 8 500 человек войска³⁷» [125, с. 600].

«Кроме того, принужденное идти от Везенберга по *совершенно опустошенной стране*, отделенное от своего лагеря и вследствие этого вынужденное нести с собой жизненные и боевые припасы, это войско, очутившись после ряда усиленных переходов перед врагом, в *пять раз более многочисленным*, оказалось в состоянии полного истощения³⁸» [16, с. 310].

То есть, следуя логике данных строк, не просто с шестидесятитысячным войском Петр I вторгся в страну Ливонию, но и с войском самых отъявленных мародеров, потому как после их здесь всего двухмесячного присутствия эта страна из цветущей стала вдруг *совершенно опустошенной!*

Вот что сообщает о способах воевать с мирным населением петровских птенчиков Соловьев:

³⁶ Устрялов, т. VI, с. 9.

³⁷ Hansen. Geschichte der Stadt Narva, 1856 (1858. S.143–146.)

³⁸ Hansen, Geschichte der Stadt Narva, Dorpat, 1858, p. 144.

«5 сентября Шереметев вошел безпрепятственно в Везенберг, знаменитый в древней русской истории Раковор...» [124, с. 8].

Ну и как же он поступил с русской древностью, занятой освободительным русским воинством?

Как и обычно поступал:

«...кучи пепла остались на месте красивого города» [124, с. 8].

Так производилось «освобождение» по-петровски. Но здесь следует отдать должное петровским мародерам, они и со всеми иными захваченными городами поступали точно так же, как и со своими собственными древними. Соловьев продолжает:

«Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей, по его объявлению, было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно» [124, с. 8].

И вот что разъясняет нам теперь Костомаров о том, каким же это образом «птенчикам» удавалось облегчить свою тяжелую дорогу назад:

«Города и деревни сжигали дотла, опустошали поля, уничтожали домашний скот, жителей уводили в плен, а иногда целыми толпами сжигали в ригах и сараях...» [51, с. 643].

То есть этим пресловутым «облегчением пути» являлась «всего лишь» замена уничтожения скота зверским уничтожением людей!

Костомаров далее сообщает:

«1704 год был замечательно счастлив в войне со шведами...» [51, с. 646].

И вот по каким просто сегодня ужасающим причинам. Петр:

«...опустошил Эстонию таким же жестоким способом, как в прежнее время Ливонию... 9 августа взята была Нарва...» [51, с. 646].

Это приободрило воинство палача-Петрушки. Его не знающие пощады кровавые сардары:

«...истребляли и старого, и малого» [51, с. 645]. «По одной лишь рижской дороге они выжгли более 600 поселений» [53, с. 28].

А вот как «по-рыцарски» Петр поступил затем и с защитниками этого города:

«...комендант города вступил в переговоры о сдаче. “Accord”, подписанный 15 июля содержал 65 пунктов, позволяя гарнизону уйти к своим... Однако царь подписанных Шереметевым условий не выполнил и задержал шведов, как военнопленных» [53, с. 73].

А вот что случилось с мирным населением сдавшегося города. Усиленная бомбардировка города (8 600 бомб):

«...превратили Ригу в обширное пожарище, страшный голод и мор довершили бедствие осажденных. Смерть являлась во всех видах и 22 тысячи жителей были ее жертвою³⁹» [185, с. 442].

Однако ж имеются цифры и много превышающие приведенные в конце XIX века Н.П. Ламбиным. Датский посол Юль, современник событий, вот какие приводит цифры. Дневник Юста Юля от 24 июля 1910 г.:

«За время осады Риги от чумы и голода погибло более 70 тысяч горожан, солдат и тех крестьян, что сбежались в (город) с женами и детьми» [193, с. 194].

Так что пир более пристальном рассмотрении, как и обычно при упоминаниях о «подвигах» Петра, настоящие цифры им убитого мирного населения сильно превышают те, которые официальная цензура пытается навязать общественному мнению.

Вот еще штришок по части «рыцарства» и «чести»:

«24 июня Выборг сдался на “accord”. По его условиям гарнизон уходил “с пожитками и семьями...” Однако после капитуляции Петр не сдержал слова и объявил 3 880 шведов военнопленными» [53, с. 74].

³⁹ По дневнику Гельма, веденному в Риге; а по показанию самого Штремберга в продолжение осады в Риге погибло 60 000 человек.

Вот этого «дивного гения» истинная личина! Клятвопреступничество, на самом деле, являлось одной из главных составляющих пресловутой петровской «политики».

Но не только гарнизон был взят в плен обманом. Датский посол Юль сообщает, что после взятия под стражу Выборгского гарнизона:

«Горожанам, напротив, велено было объявить, чтобы они оставались при своих домах и имуществах и присягнули царю, что они и исполнили» [293, с. 188].

Однако же, петровские эрзац-воинские формирования, при этом, о чем также свидетельствует в своем дневнике все тот же Юль:

«...уводили (в плен) всех женщин и детей, попадавшихся им на городских улицах» (там же).

И вот куда затем попадали все эти арестанты:

«Когда я вернулся в Петербург, женщин и детей продавалось сколько угодно задешево...» (там же).

Вот цена этой пресловутой *присяги царю!* Все кошмары изнасилований, которые были вытворяемы пьяными «потешниковцами», посол державы, союзной петровской России, что и понятно, в своем тексте несколько опускает, оставляя на это лишь намеки:

«Дорогою я встретил, между прочим, одного русского майора, который (имел при себе) девять взятых таким образом женщин. Царь тоже получил свою часть в подарок (от других лиц)» (там же).

И тут совершенно без комментариев понятно, для каких нужд этот самый царь их затем использовал. Ведь лишь известных бастардов у Петра за сотню. А подобного плана, попавших ему в лапы из захваченных его «птенчиками» городов, так и вообще не счесть. Кстати, вот как обрисовывает составленный из пленниц гарем Петра курфюрстина Бранденбургская Софья-Шарлотта.

Будучи в Пруссии проездом Петр со своей пассией, представили королевской семье:

«...так называемых дам, в числе 400, которые составляли государынин штат. То были по большей части служанки из немок, которые исполняли обязанности дам, прислужниц, поварих и прачек. Почти каждая из этих тварей держала на своих руках богато разодетого ребенка, и когда их спрашивали — не их ли то дети, то каждая из них... отвечала: “Государь мне сделал честь, пожаловал мне дитя”. Королева не пожелала приветствовать эти жалкие создания» [334, с. 9].

Тем же, судя по избирательности его подопечного, занимался и упомянутый Юлем майор, набравший себе здесь, следуя поступкам своего сюзерена, подобного же рода гарем. Понятно дело, на некоторое время.

А уже затем, обезличенных, женщин и распродавали в Петербурге — городе монстре. Где, следуя из вышеприведенного свидетельства, кроме Петропавловского рavelина, с его пыточными камерами, а также невообразимого количества зарытых в землю покойников, закованных в кандалы надорвавшихся на непосильной стройке от безкормицы и холода строителей города, существовала и еще очередная достопримечательность — рынок рабов.

И это не в античные времена и даже не в кровавое средневековье. Но в XVIII веке. О чем, между прочим, притихохоньки помалкивают себе в тряпочку десятки тысяч как наших собственных, так и иностранных писарчуков, скрывавших в своих восхвалительных одах всю правду о царствовании Петра. Что нами выясняется, мало чем отличающегося своими нравами от бабушки Яги, огородившей свою территорию заборчиком из насаженных на колья человеческих голов.

Но и десятилетием ранее описанного Юлем, система работорговли, используемая Петром, уже работала вовсю. Вот как ее описывает другой очевидец царствования царя-антихриста — Корнилий де Бруин, побывавший в России в 1702 году:

«14 сентября привели в Москву около восьмисот пленных — мужчин, женщин и детей. Сначала продавали многих из них по четыре гульдена за голову... При такой дешевизне иностранцы охотно покупали пленных... Русские тоже купили многих пленных, но

несчастнейшие из них были те, которые попали в руки татар, которые уводили их к себе в рабы в неволю, — положение самое плачевное» [323, с. 96].

И вот во что превращалась местность после прохождения по ней пьяных петровских «птенчиков», промышлявших, что выясняется, помимо всего уже изложенного, еще и работоторговлей:

«Мызы, села, деревни пылали... и в короткое время окрестности Дерпта и все страны, прилежащие к России, превратились в пустыню» [185, с. 307].

А вот и еще детали исполнения людоедской доктрины «преобразователя». На этот раз про петровскую «политику» нам сообщает беллетрист Лажечников:

«...кругом небосклона встали огненные столбы: это были зарева пожаров. Из тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленных, лишенных крова... Таков был... способ... воевать, или, лучше сказать, такова была политика... делавшая из завоеванного края степь... — жестокая политика...» [56, с. 253].

Но достаточно часто, о чем свидетельствуют просто холодящие кровь потери среди русского населения западных земель, и эти вопли поднимать было некому. Петровскими «потешными», долго приучавшимися Петром, еще в пору его вьюношества, палить из пушек по мирному населению:

«Деревни полностью выжигались. Пойманные... поголовно уничтожались. Причем преимущественно зверскими методами» [53, с. 6].

Такие карательные экспедиции со стороны антихристового воинства превращали некогда цветущий край:

«...в безлюдную пустошь с сожженными деревнями, уничтоженными посевами и отравленными колодцами» [53, с. 49].

И вот какими страшными цифрами эта звериная политика Петра отразилась на землях Белоруссии:

«Белорусский народ потерял... в годы Северной войны 900 тысяч из двух миллионов» [132, с. 142].

Таков был «способ воевать» у зверя, уничтожившего половину мирного населения Белоруссии, вдвое перекрывшего своей кровожадностью последователя своих «славных дел» — Адольфа Гитлера. Зря фюрер порешил нацистам сверяться в тонкостях пыточно-палаческого искусства у своих коллег по социализму: они лишь *щелки* — жалкие и ничтожные подражатели своего далекого предшественника. Надо было за подобным опытом обращаться сразу к главному в этом вопросе *льву* — наивеличайшему специалисту по *преобразованию* живых людей в мертвых — Петру I.

Русские православные воины-стрельцы — защитники Отечества — для подобного рода «политики» совершенно не годились. Здесь требовалось иное воинство: то, которое без приставочки эрзац- в обиходе не употребляется. А потому именно такие банды, способные не воевать, но лишь грабить, убивать и насиловать и формировались им. Вот почему его «потешные» обучались в его еще вьюношеском начале этих самых «дел» на обстреле мирного населения из пушек! Своего собственного, заметим, населения...

Кстати, вот откуда к Петру попадали такого вот рода «воины». Оказывается, масон Гордон:

«...поставлял ему в “потешные” солдат из своего, Бутырского полка» [341, с. 163].

То есть, просеивая через прекрасно ему известные тайные масонские рычаги вверенных ему солдат так называемого «нового строя», он тщательнейше отбирал всякую мразь и снабжал ею петрушечно-палаческое воинство своего сюзерена. Однако ж и при себе у него достаточно при всем при этом оставалось принявших сторону Петра военнослужащих. В том числе и иностранцев. Вот как сам Гордон отзывается о последствиях своих действий:

«Прибытие наше в Троицын монастырь стало решающим переломом, после чего все начали высказываться в пользу младшего царя» [342, с. 167].

То есть организатором победы Петра, а возможно, что и самого его нелепого бегства, является Гордон. Ну и, судя по всему, его тайная организация, в которую входили как его союзники, Лефорт, например, так даже и мнимые соперники — В.В. Голицын. С тех пор:

«Без Гордона не обходилось ни одно из многочисленных празднеств и развлечений царя» [341, с. 164].

Причем, Гордон был первым иностранцем, который был приглашен Петром, по случаю рождения в 1690 г. его сына Алексея, в Грановитую палату. Но так как патриарх Иоаким тогда ему такой вольности еще не дозволил, Петру затем пришлось отдельно для Гордона устраивать обед в своей загородной резиденции [343, с. 25]. Вот какое значение для Петра имел масон Гордон — организатор и исполнитель его путча против царевны Софьи.

Но и Петр, что выясняется, даром масонским хлебушком, что называется, не питался. Из отобранных первым надзирателем, его масонским руководителем, отбросов русского общества он изготавливал уже конечный продукт — бандитско-мародерскую армию, способную вырезать и выжигать всех, кого им только ни прикажут — в том числе и своих соотечественников.

Так что здесь, узрев в петровских палачах слишком явных предшественников карательных отрядов фашистов, следует лишь констатировать: что росло, то и выросло.

А вот как петровские потешники, обманувшие гарнизон Выборга, пообещав шведам свободу, но, после сдачи ими крепости, вероломно нарушив свое обещание, имели обыкновение приводить себя в должную форму для столь необходимого при шествии по чужой территории озверения. Преображенскому полку, полковником которого числился сам Петр, по пути их следования, «по-обыкновению», как сообщает в своем дневнике Юль, то есть как бытовало в подобной ситуации:

«...на их пути выносили водки и других напитков... полк... остановился, чтобы пить» [293, с. 186].

А поднабравшись, что и понятно, и зяблик превращается в кабана: жестокого и беспощадного, сам не зная для чего и зачем. Потому и шествие это затем происходило по трупам и среди сожженных городов и деревень.

Однако ж в писанных исключительно лишь для нас с вами петровских артикулах читаем совершенно противоположное:

«Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали *без позволения и указа грабить и разбивать*, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего приступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота» [61, с. 29].

Живота этого самого, во исполнение данного артикула, как показывает история, лишен не был никто. О чем это говорит?

Да только о том, что все выше и ниже описываемое творилось не только с позволения, но и *с указу*. То есть уничтожение всего живого было вменено в обязанность, которой и являлась эта самая петровская пресловутая *политика*. Вот какие отчеты о произведенных погромах ее характеризуют. Шереметев, например, так докладывает об исполнении в точности избранной Петром тактики выжженной земли:

«Не осталось целого ничего: все разорено и пожжено; и взяли твои государевы ратные люди...» [56, с. 327].

Как таковых «ратных» следует квалифицировать?

Лишь на «больших дорогах» таковая деятельность всегда почиталась «целесообразной». Но только уж никак не под государственным флагом своей страны, а под флагом черным с изображенным на нем черепом и скрещивающимися костями в качестве опознавательного знака.

И что «птенчикам» унести не удавалось, требовалось хоть «надкусить», что ли:

«...ели и пили всеми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили...» [56, с. 328].

И тут, казалось, уж о похвалах изобретшему такой способ ведения войны монстру просто и заикаться никакой возможности не оставалось бы. Однако ж кудесник от лжеистории Лажечников даже и в такой патовой ситуации ставит все с ног на голову:

«К этому описанию прибавлять нечего; каждое слово есть драгоценный факт истории, жемчужина ее» [56, с. 328].

К подобному заключению и действительно *добавить нечего* — хороша «жемчужина». Ведь своей производительностью изобретенная им фабрика смерти мало чем отличается от гитлеровских «жемчужин» подобного же плана — Освенцима и Дахау.

А вот чем заканчивались в вышеописанном и подобном ему краях «реформы» этого «реформатора»:

«Вслед за военными дозорщиками рыскали стада волков, почуявших себе добычу» (там же).

Таково было предназначение изобретенного творцом «славных дел» эрзац-воинства, подобного которому Святая Русь не только отродясь не видывала, но совершенно себе не представляла возможности такового на ее территории когда-либо объявиться. И не среди кровожадных янычар, алчных наймитных ландскнехтов, злобной татарщины или иной какой немчуры и инородчины, но именно в нашей среде, пропитанной патриархальной привычкой к нестяжанию и доброте, человечности и помощи ближнему. Однако уже первые десятилетия выковывают из собранных Петром отбросов совершенно лишенный русскости генотип. И здесь следует лишь удивляться искусству Петра, в столь рекордно короткие сроки наштамповавшему своих мутантов — полностью чуждых всему русскому инородцев. Ведь менталитет этих страшных бандформирований русским не мог являться ни при каких обстоятельствах и ни под каким видом.

«Разоряя Мензу с ее окрестностями, Шереметев посылал драгун, казаков и калмыков разными дорогами, для опустошения южной Лифляндии: генерал-адъютант Дмитриев-Мамонов ходил за город Адзель; полковник драгунского строя фон-Верден к Смильтену и Роненбергу: и тот и другой все в конец опустошили, людей же порубили» [197, с. 121].

Шереметев сообщал Петру:

«...только остались целыми Колывань, Рига и Пернов, Реймеза (Лемзаль)». Петр похвалял за это Шереметева и приказывал разорять край до последней степени.

Когда таким образом Шереметев опустошал шведскую провинцию Ливонию, сам царь делал завоевания в другой шведской провинции — Ингрии... и здесь завоевание сопровождалось таким же варварским опустошением...» [51, с. 644].

«Наступила весна 1704 года... В Ливонии и Эстонии опустошать было нечего более...» [124, с. 9].

А к 1714 году Вебер в этих краях обнаруживает оставшейся лишь восьмую часть населения [402].

Но вот, странный вопрос, почему Карл в то время не мог оказать этим разбойным нападкам достойного сопротивления?

Все вышеизложенное производилось лишь в тот момент:

«...пока “швед увяз в Польше”, по выражению Петра⁴⁰» [124, с. 9].

В подобный же момент был приговорен и Дерпт. Петр отписывает Шереметеву:

«...идти и осадить конечно Дерпт, чтобы сего данного богом случая не пропустить, который после найти будет нельзя» (там же).

А Дерпт, как известно, это древний русский город Юрьев. Который Петр, как и все на его пути города иные, повелел отдать в жертву тому самому богу, которому служил и приносил человеческие жертвоприношения. Именно этот его идол, похоже, и подталкивал Петра убивать беззащитных.

⁴⁰ Голиков, X, с. 124.

Но и мстительности его кумир был нисколько не меньшей. Вот как Петр отомстил Нарве, где некогда поимел первый свой серьезный конфуз на европейской арене. Его пираты:

«...ворвались в город и произвели в нем страшную резню без пощады женщинам и детям» [124, с. 10].

Но именно в подобной же ситуации, когда шведы увязли под стенами Копенгагена, было произведено и первое нападение на Нарву, когда и случился с петровским потешным воинством тот удручающий конфуз. Ведь вовсе не воевать со шведами приходил тогда к стенам Нарвы патрон сфабрикованной им для душегубства шайки-лейки, подобранной из отбросов нашего общества:

«Петр не ожидал найти шведского короля в Ливонии. Он предполагал, что ему достаточно долго придется воевать с королем датским... Он весело отправился во главе своей гренадерской роты, рассчитывая на легкий успех. Явившись к городу 23 сентября, он был удивлен тем, что город, по-видимому, приготовился к серьезной обороне» [16, с. 310–311].

Что мы здесь узнаем о тех событиях?

А то, что наш столь «великий» монарх пресловутое свое «окно в Европу» вовсе не прорубать вознамеривался в честном бою с равным соперником. Но лишь открамсывать кусок, столь ему желаемый, подлым ударом в спину воюющего сразу на три фронта соседа, в данный момент находящегося аж за морем под стенами далекого Копенгагена, где по всем расчетам вояка Карл должен был увязнуть слишком надолго. Именно это обстоятельство и обеспечивало создателю бутафорско-полицейского бандформирования безнаказанное разграбление края, оставшегося практически беззащитным. Против его шестидесятитрехтысячного войска в самой этой Нарве и Ивангороде находился крепостной гарнизон, весьма смехотворный для какой-либо попытки противостояния Петру:

«Швед. гарнизон Нарвы и Ивангорода имел *1,9 тыс. чел...*» [118, т. 5, с. 495].

И, несмотря на это, совершенно не собирался ему сдаваться без боя. Чему Петр, придя в Ливонию со своим тридцатикратно превышающим численность врага воинством, и был столь поразительно удивлен.

«Он не знал, что условия Травендальского мира, которые должен был принять его союзник, были подписаны в тот самый день, когда русская армия тронулась в поход» [16, с. 311].

И вот о чем это говорит: Петр не просто забрался грабить своего воюющего с коалицией четырех европейских государств соседа, отделенного на данный момент от него Балтийским морем. Сосед не просто вел затяжную изнуряющую войну на три фронта, но и не имел никакой возможности в какие-либо даже самые ближайшие месяцы вообще появиться в Ливонии, так как шведский флот был заблокирован англичанами, а потому и должен был стоять в бездействии. Высадке же десанта в Ливонии к тому же должен был воспрепятствовать участвующий в коалиции воюющих со Швецией европейских держав король польский и саксонский Август.

А потому и распоряжался Петр, находясь во враждебной ему стране со своим жандармским корпусом, столь беззастенчиво и нагло, словно грабитель в мясной лавке, чей хозяин надолго отлучился. Потому и стала она за столь короткий срок после вторжения туда огромной банды петровских «потешных», чье ремесло — рубить головы пленным стрельцам, из цветущей страны «совершенно опустошенной».

Но вот вдруг нежданно нагрязнул хозяин, и атаман шайки мародеров первым кинулся улепетывать, что полностью раскрывает нам мотивацию его беспрецедентно трусливого поступка, который так до сих пор никто из историков до конца и не понял (или не захотел понять):

«Из тех соображений, на которые ссылались сам государь и его апологеты, чтобы оправдать это безпримерное дезертирство, ни одно, по-моему, не выдерживает критики.

Необходимость свидания с польским королем, желание ускорить движение Репнина — все это жалкие нелепости» [16, с. 311].

Между тем удивляться какой-то особой трусости предводителя шайки мародеров особенно не приходится. Внезапное появление пускай и десятикратно более слабого, но уверенного в своей правоте хозяина обычно очень сильно психологически воздействует на грабителя. Потому уличенный в неблагоприятном занятии преступник, бросая все, в страхе улепетывает, побыстрее унося ноги под оглушительные крики: «Ату его! Держи вора!»

Именно по этой причине и бежал Петр, в очередной раз показав свою вопиющую трусость:

«Петр вообще был человек очень сильного воображения, чрезвычайной мнительности и опасности, переходящей в робость и испуг…» (Розанов, 1905)» [46, с. 207].

А потому шведский монарх в глазах своего ближайшего советника и выглядел полностью противоположно ему:

«Высадка в Ливонии, куда дурная погода помешала привезти часть полков, была безумием даже в глазах безстрашного дипломата. “Можно очень опасаться, что король не останется в живых”, — пишет он (2 ноября 1700 г. из Ревеля). Чтобы достигнуть со своими *восемью тысячами человек* Нарвы, Карл должен был, сделав переход через совершенно пустынную местность, перейти узкую, перерезанную ручьями долину. Если бы она была укреплена, Карлу сразу пришлось бы остановиться. Гордон думал об этом, но Петр не послушал его и только в последнюю минуту послал туда Шереметева... Но Карл, подвигаясь вперед, продолжает вести свою рискованную игру. Солдаты изнемогли; лошади не ели два дня⁴¹» [16, с. 315–316].

«Шведская армия была так малочисленна, что, по выходе ее из леса, герцог фон-Круи принял ее за авангард главных сил неприятеля, скрывавшихся за Германсбергом, никак не предполагая, чтобы король решился со столь слабыми средствами напасть на сильное войско, защищенное окопами⁴². В самом деле русский лагерь был обнесен высоким валом с бруствером, окружен глубоким рвом и огорожен рогатками с палисадом...» [197, с. 45].

«Карл проникает в неприятельский лагерь и через полчаса овладевает им» [16, с. 316].

И это тем самым лагерем он «овладевает», который защищали с оружием в руках пять русских солдат против одного нападающего шведа! Возможно ли такое?!

Наша история таких позорных поражений ни до Петра, ни после — просто не знает!

Так от чего ж столь изрядный конфуз с нашим в прошлом славным воинством случился?

Да потому, что воинство это, им столь лелеемое, было насильно оторвано от своего православного менталитета:

а) посты в его полицейской банде были строго-настрога запрещены;

б) исконно русские православные хоругви и знамена стали упразднены и заменены безбожным монархом красного цвета знаменами и прочими масонскими символами, что также не могло не сказаться на деморализации совсем в недавнем прошлом русского воинства, превращая его менталитет в «общечеловеческий»;

в) приглашенные малоросские священники ввели свои полууниатские, полупротестантские порядочки, что также не могло не сказаться на моральном состоянии в прошлом настоящего русского человека;

г) подмена православных ценностей на «общечеловеческие» превратила самое стойкое в мире воинство в обыкновеннейшую европеизированную банду мародеров, что не могло не стать причиной столь сокрушительнейшего поражения от неприятеля, многократно уступающего числом.

А потому бегство главаря застуканной врасплох банды грабителей столь пагубно отразилось на моральном духе всей этой огромнейшей шайки ушкуйничков, чье удивительнейше трусливое поведение до сих пор так и оставалось почему-то никем не

⁴¹ *Sarauv*, Die Feldzuge Karls XII, Leipzig 1881, p. 55; *Устрялов*, т. 4, с. 181.

⁴² Так впоследствии признавался он Гиксару. Adlerfeld, I. 98.

разбираемым. Но именно потому этих *русскоязычных* бандитов так безнаказанно и топили в реке, что домой нагрянули нежданно самые на тот момент настоящие хозяева. И как нагрянули хозяева, то разбойники, в страже, под пронзительные «ату его, ату!»:

«...все, яко овцы, не имеющие пастыря, в одном смятении побежали...» [322, с. 129].

«Часть русских тонет в Нарве. “Если бы на реке был лед, — сказал Карл насмешливо, — то я не знаю, удалось бы нам убить хоть одного человека”» [16, с. 316].

И вот как все это происходило:

«Пехота бросилась через мост, мост обрушился, и много народа потонуло в Нарве» [125, с. 601].

Потому улизнуть от возвратившегося хозяина в первые же минуты «соприкосновения» с неприятелем петровским карательно-потешным полкам так и не удалось. Пришлось этой сорокатысячной шайке, страхом превращенной в жалкую скованную ужасом толпу, соглашаться на любые самые унижительные условия, выдвигаемые им горсткой шведов, пришедших в свой разрушенный дом. И петровские птенчики *архиллюбезно*:

«...согласились отступить, отдавши шведам артиллерию...» [125, с. 601].

То есть согласились, за ненадобностью, отдать самый теперь весомый вещдок позорнейшей за всю историю России ретирады: бегства, которое даже наследникам Петра, имеющим в своих руках всю полноту средств массовой информации, так и не удалось как-либо заретушировать. Потому читаем даже в возвеличивающих Петра источниках:

«Поражение полное... Честь погибла среди насмешливых кликов Европы, приветствовавшей это поражение без боя, — а монарх бежал!.. Завоевательные планы... мысли о славе и цивилизаторской миссии, — все рушится... Он продолжает бежать. Не преследуют ли его шведы? Он плачет и хочет заключить мир, мир немедленный и купленный какою бы то ни было ценой. Он обращается с жалобными просьбами к Голландским Соединенным провинциям, к Англии⁴³...» [16, с. 316].

И абсолютно неважно то совершеннейше пустячное обстоятельство, что Петр своего союзника Августа просто-напросто надул:

«Царь Петр клялся на распятии не идти дальше Ямбурга...» [135, с. 389].

Здесь, следует признать, ложь для Петра была делом обыденным. Точно так же как и Августа, он чуть раньше надул Карла XII:

«21 ноября 1699 г. — Август и ...Петр I официально оформили военный союз против Карла XII» [53, с. 21].

А 30 ноября петровская дипломатия внушает развесившему уши:

«...шведскому посольству, прибывшему специально для этой цели в Москву, что не имеет к скандинавам никаких претензий, и будет свято соблюдать условия последнего мира» [53, с. 21].

Но папой у Петра, судя по всему, являлся сам отец лжи. Потому этой его премилейшей привычке удивляться вовсе не стоит.

Но даже это клятвopеступление выглядит безвинным малозаметным штришком к биографии Петра в сравнении со всеми иными «славными делами», которые он, «не зная брода», натворил уже в завершении своей военной карьеры:

«...венцом полководческого искусства Петра был, конечно, Прутский поход: ничего столь позорного Россия не переживала никогда...»

Петр сунулся совершенно не спросясь никакого броду и влип, как кур во щи: великий визирь окружил всю петровскую армию, так что Петру на этот раз, — за отсутствием по тогдашним временам авиации, — даже и бежать было невозможно. И в этой обстановке Петр проявил свою обычную “твердость духа” — плакал, писал завещание, предлагал отдать обратно всю Прибалтику (не Петром завоеванную!) тому же Карлу, выдачи которого еще вчера он ультимативно требовал от султана. Великий визирь не принял всерьез ни Петра, ни его гения, ни его армии, иначе он не рискнул бы выпустить ее за

⁴³ Устрялов, т. IV, с. 77.

взятку, которою расторопный еврей Шафиров ухитрился смазать и визиря, и его пашей» [126, с. 445].

Чуть прервемся. Как же это так? Неужели же Шафиров, занимающий у Петра пост министра финансов, принадлежал к некогда проклятому Ноем народонаселению планеты — к хананеям?

Не только принадлежал, но, как здесь же свидетельствует в своем дневнике датский посол Юль, исповедовал иудаизм. Это подтверждает и его наблюдения за сыном Шафирова, которого Юст Юль:

«желая стяжать дружбу вице-канцлера... предложил взять к себе в дом» [293, с. 191]

И вот что он вывел из своих наблюдений:

«Выше упоминалось о слухах, касательно того, что вице-канцлер Шафиров втайне (остается) жидом. В моем мнении (слухи эти) подтвердились (тем) что, как мне много раз случалось замечать, у меня за столом сын Шафирова не прикасался к свинине, а однажды на мой вопрос, почему он ее не ест, отвечал, что ее не едят ни родители его, ни братья, ни сестры, ибо считают это грехом» (там же).

Так что не просто масонским являлось правление Россией Петром, но, уточняем, именно жидомасонским. Точно таким, каким было и правление Ленина.

Но не зря Ванга сообщала, что именно в Петре некогда сидел тот самый воспетый Рерихами и Блаватской дух, который затем будет находиться сначала в Ленине, а затем — в его мавзолее. Ведь именно этот дух и руководил этими обеими «русскими» революциями. А потому-то и обладающие им людишки столь всегда тряслись за свою шкуру. Шкуру, что выясняется, аж самого зверя. Того самого зверя, который из преисподней.

Потому-то и страну свою что его дел наследник, что сам Петр, передавали исключительно в руки в прошлом туземных жителей древнего Ханаана. Именно из данной породы народонаселения, что предсказано, и должен выйти антихрист. И он был в шкуре Ленина, а сегодня — его мавзолея. Ранее же этот дух сидел в Петре. Потому-то так тот всегда и опасался за сохранность своей шкуры. Потому-то так и дрожал от страха и теперь — у реки Прут.

Но зря, что выясняется, он так опасался за свою звериную шкуру. Турки не приняли всерьез ни Петра, ни его бутафорскую армию. А потому:

«Любезность победителей дошла до того, что они охраняли путь отступления петровской армии» [126, с. 445].

И вот по какому поводу была турками эта любезность проявлена. Один из петровских потешников:

«продавал татарам пистолеты» [293, с. 313].

Но сделка не состоялась, а незадачливый расхититель собственности петрушечно-потешного этого эрзац-воинского формирования оказался тароватыми татарами даже убит. И вот как пригорюнились после данного весьма для них мрачного эпизода эти воры, которым даже свое собственное оружие не давали жестоковыйные басурманы распродавать по демпинговым ценам:

«Мы немедленно пожаловались на такое безчинство верховному визирю, который на другой день прислал нам пашу с тысячью всадников *sprahi*, имевших [приказ] охранять нас» (там же).

И вот как страшны были улепетывающим незадачливым потешникам, расхитителям приобретенного на деньги русских налогоплательщиков военного имущества, эти татарские вражины, все норовящие умыкнуть итак задешево им сбрасываемое, оказавшееся и здесь без надобности, военное снаряжение петрушечного воинства:

«Шли мы не только эту ночь, но, сделав около полуночи привал часа на два, продолжали идти и (весь) следующий день.

13/24 июля. За недостатком фуража (?) [знак вопроса поставлен переводчиком — А.М.] шли до полудня... потом продолжали марш до **одного места...**» [293, с. 313–314].

Вот, что выясняется, куда устремлены были все пожелания драпающего от несговорчивых перекупщиков краденого оружия этих басурман взоры и устремления кинувшегося в бега воинства — *в одно место*.

И только лишь:

«здесь турки расстались с нами» [293, с. 314].

Вот аж где.

Однако ж Петр драпал и много далее все с той же своей удивительной проворностью в ретираде, столь усвоенной им с раннего вьюношества и не забытой да самых до седин. Мост через Днестр, который аж у Могилева, что свидетельствует датский посол Юль:

«...наводили с величайшей поспешностью, так как немало опасались перемены решения со стороны турок» [293, с. 317].

Вот сколько «храбрости» имелось в этом воспетом одами и балладами «воителе» и его аника-воинстве.

Солоневич подытоживает «успехи» Петра в воинском искусстве:

«За нарвские, гродненские и прутские подвиги любому московскому воеводе отрубил бы голову — и правильно бы сделали. Петра вместо этого возвели в военные гении» [126, с. 446].

А вот что произошло под вышеупомянутым Гродно: имея своих войск трехкратное над шведами превосходство, наш «славный гений» впал в обычное свое в минуту хоть какой-либо малейшей опасности состояние. По словам Ключевского:

«“Петр, в адской горести обретаюсь” ...располагая силами втрое больше Карла» [238, с. 104],

вновь струсил и вновь сбежал. Причем, там же, под Гродно, это бегство повторилось и в следующий раз.

А вот на чем был построен первый поход царя Петра на Азов. Вся стратегия этой его военной «операции» заключалась в возможности неожиданно напасть в тот момент, когда сопредельное государство будет связано крупномасштабным ведением военных действий с коалицией европейских стран. И вот такой момент наступил. То есть появилась уникальнейшая возможность неожиданно ударить Турции в спину:

«Теперь время удобное: у султана три больших войска ратуют в Венгрии с императором... у турок и татар была война с немцами...» [135, с. 192].

А потому:

«В начале 1695 года он приказал объявить поход... Государство имело в распоряжении *сто двадцать тысяч войска, кроме малороссийских полков*» [51, с. 625].

«*Шкипера* [то есть Петра — *А.М.*] должна была прельщать мысль, что Азов был ключ к Азовскому морю. Хотели оплошать турок, напасть нечаянно на Азов...» [125, с. 510].

Переводим этот премилейший историко-пиетический каламбурчик: «оплошать» и «напасть нечаянно» — значит незаметно подкрасться и подло ударить в спину.

В поход с Петром отправилось:

«...войско нового строя, полки: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов... всего 31 000...» [125, с. 510].

И без ернического куража, что и понятно, не обошлось и здесь:

«...бомбардирскую роту вел *бомбардир Петр Алексеев*» [125, с. 511].

Настроение в петровской жандармской команде было отменным:

«“Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть идем”, — писал бомбардир в Архангельск к Апраксину» [125, с. 511].

«...Петр и под Азов отправился развлекаться» [14, с. 72].

Но вот наткнулись на первое препятствие: путь лодкам преграждала перекинутая через реку цепь, охраняемая двумя каланчами. И вот, интересный момент, с самого же начала военных действий все эти якобы выученные Петром воевать его личные воинские формирования куда-то вдруг из поля зрения исчезают. На горизонте же появляются до того даже и в войсках не числящиеся донские казаки:

«Кликнули клич по охотниках из донских казаков — кто пойдет на каланчу? Каждому обещано по 10 рублей. Казаки взяли одну каланчу... ночью турки, сидевшие в другой каланче, ушли из нее, покинув свои пушки, утром казаки заняли каланчу» [125, с. 512].

А в то же самое время:

«Шереметев и Мазепа взяли приступом... Кази-Кермень и Таган...» [125, с. 513].

У Шереметева в подчинении имелась так называемая «старая дворянская конница», а у Мазепы, что и естественно, — малороссийские казаки. То есть и вновь: ни о каких победах бутафорских солдат Петра нет и малого намека.

А вот теперь сведения и о них:

«Петр I, подойдя к турецкой крепости Азов с гарнизоном не более 5 000 человек, осадил ее и 5 августа попытался взять штурмом, но потерпел неудачу...» [2, с. 293–294].

Так что даже астрономическое численное преимущество успеха потешной армии Петра так и не принесло, так как войском, по большому счету, оно вовсе и не являлось.

В этом пришлось убедиться достаточно быстро:

«...при атаке татарской конницы “на русский пехотный Швартов полк” иноземный командир приказал всему полку стрелять сразу» [119, с. 195].

Последствия не заставили себя долго ждать:

«Татары смяли солдат и, как “овец погнали” в свою землю вместе с полковником» (там же).

На таком уровне в те времена находилась хваленая западноевропейская военная наука. Другое дело — мы сами:

«Подобных промашек стрелецкая пехота не допускала за всю историю своего существования» (там же).

Но модная закордонного образца пехота Петра такой казус допустила после первого же соприкосновения с настоящим неприятелем, обнажив на тот день в военном отношении свой слишком низкий уровень. Потому Петру, располагающему исключительно подобного рода эрзац воинскими жандармского покроя формированиями европеоидного типа, пришлось и отсюда срочно ретироваться:

«2 октября русские сняли осаду и отступили» [2, с. 294].

Так как же «историкам» соврать позабористее? Почему же все-таки «отступили»?

Примерно так:

«Петр затаил страх, тот же страх, как в памятную ночь бегства в Троицу...

...Петру жутко было взваливать на одного себя такое важное решение: молод еще был и смолоду пуган» [135, с. 191–192].

И это в двадцать три-то года молод?! А Александр Невский в свои девятнадцать, когда наголову разгромил своим малым отрядом полчища вторгшихся шведов, глубоким стариком уже что ли был?!

Так ведь Карлу, насмерть перепугавшему его под Нарвой, еще не было и девятнадцати!

Но Петр еще и не единожды, бежал...

Жаль, что Софью предал оказавшийся масоном ее фаворит Голицын. Ведь ей, что выясняется, нечего было тогда бояться этой петровской тридцатитысячной аника-«армии», умеющей воевать лишь с мирным населением, так как она способна выполнять, в лучшем случае, лишь полицейские функции. Да и то: когда вдесятером против одного. И при первой же возможности кидается в бега от шестикратно уступающей ему армии не только каких-либо европейцев, но даже от турок!

Однако ж вся эта армада, многократно превышающая количество засевших в крепости солдат неприятеля, после внезапного бегства Петра поддалась паническому настроению своего предводителя и почти поголовно была вырезана турками, кинувшимися в погоню за беглецами. И слишком немногим из пришедших тогда с Петром представителей его жандармских формирований довелось тогда унести ноги:

«...всего треть осталась от армии» [135, с. 215].

Большого позора в войнах России именно с турками просто не бывало ни до, ни после Петра! Именно мы всегда били их, несмотря на просто подавляющее своей численностью превосходство врага, доходящее и до 1:5, и даже до 1:20 не в нашу пользу!

«Вообще во время войн XVIII–XIX вв. соотношение сил одного русского солдата против 10 персидских или турецких солдат русское командование считало нормальным для ведения сражения. Недостаток сил компенсировался храбростью и умением русского воина» [154, с. 203].

Но Петр, имея шестикратное преимущество, бежал...

Однако ж битому снова нейдет. И после первой неудачной попытки была предпринята вторая. Для чего устроена корабельная верфь в Воронеже.

После длительной подготовки потешные части Петра вместе с вышедшим из потешного Плещеевского теперь уже Воронежским флотом выступили под Азов.

Но при виде неприятельской флотилии Петр опять поступил как и обычно — испугался.

«20 мая, после рекогносцировки турецкого флота, которому он должен был преградить выход из Дона и не дать подвезти провиант в крепость, Петр вдруг, испугавшись его грозного вида, отступил со своими галерами...» [16, с. 72].

И это самое «отступил» и означает — бежал!

Только вот галера не конь — она только идти может. А потому Петра, после его весьма обыденного дезертирства, уже к полудню следующего дня все же настигла радостная весть (куда он к тому времени на своей все же лошадиной скорости отструганной им из сырого леса тихоходной посудине мог успеть доретироваться, осталось за кадром). Оказалось, что в тот же день, когда Петр столь ретиво кинулся в весьма привычные ему бега (тогда уже в четвертый раз в своей необычайно богатой на ретираду практике):

«...казаки на своих “чайках”, легких кожаных челнах, летающих, как настоящие чайки по воде, без всякого приказанья, по собственному побуждению напали... на турецкие суда и принудили их отступить с большими потерями» [16, с. 72].

Иными словами видя, что очередное бегство Петра неминуемо послужит сигналом к бегству и его бандформированиям, что неизбежно закончится преследованием и поголовным истреблением беглецов, среди которых, между прочим, окажутся и сами казаки, вынудила эту здесь единственную присутствующую настоящую боевую войсковую единицу вступить в неравный бой со всей армадой турецкого флота. Мало того, в отсутствие удирающих петровских потешных моряков, одержать над сильно превосходящими силами врага неслыханную победу: разгромить утлыми лодчонками военно-морской турецкий флот!

И когда он уж было вообще почти удрал, что сообщает Желябужский:

«Июня в 14 день из-под Азова пришла почта, а в той почте написано, что милостью Божию и его государским счастьем турецких людей на море побили, и 15 фуркатов со всем взяли, и один корабль взяли со всеми припасами, и пороху много взяли, а другой корабль взять не дался, и его потопили совсем» [325, с. 289].

Весть обрадовала беглеца. Он даже разрешил победителям воспользоваться плодами своей победы:

«...и государь всем тем добром пожаловал казаков, и казаки делили то добро три дня между собой» (там же).

Петр после такого неожиданно выпавшего ему счастья, приободрился. Он воротился к потешникам, на свое счастье не успевшим драпануть вместе со своим сюзереном за компанию, подставив спины под немилосердные удары турецких сабель.

Это дало возможность все же приступить к обстрелу города, который велся потешными, то есть бутафорскими придворными «солдатиками» Петра, достаточно неточно, так как по целям они бить никогда и не приучались. Пушки применялись Петром при пальбе в воздух в честь каких-либо, с его точки зрения, знаменательных событий. А

потому и толку от этих выстрелов практически не было никакого. Однако же это вовсе не помешало казакам взять Азов. Месяц петровские птенчики топтались на месте и пуляли из своих гаубиц исключительно по воробьям. Казаки же, в это самое время, готовились к штурму. То есть, имея немалый опыт русского человека по овладению вражескими крепостями, рыли подкопы и насыпали валы. И вот:

«17 июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм... турки, опасаясь возобновления штурма... на другой же день сдались» [51, с. 626].

То есть и сдались-то они, как здесь более чем четко указано, именно казакам!

Вот что подробно об этом штурме сообщает Желябужский:

«...великоросское и малоросское наше войско, во обложении будущего около града Азова, земляной вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно [привело]... и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятелями, кроме оружия, едиными руками терзаться... И сего же настоящего июля 17 числа, в пяток, малороссийское наше войско... и с донскими казаками предварили неприятельский раскат подкопав, и на него мужески взошли, и с неприятелями бились довольно, и тем раскатом овладели... В 18 числе, в субботу, о полудни, неприятели, видя... свою конечную погибель, замахали шапками и знамена преклонили...» [325, с. 292–293].

Таким-то вот образом наш не в меру пугливый монарх и стал победителем сражения, где как его бутафорский флот, так и потешные же части, со специализированными исключительно по пальбе «по воронам» пушкарями, не сыграли какой-либо заметной роли в случившейся виктории. Все сделали отнюдь не подготовляемые иностранными «специалистами» войска, а не имеющие к его немцам и близко никакого отношения запорожские и донские казаки.

Петр же все заслуги этого сражения тут же присвоил исключительно самому себе. А потому и отправился в поисках улучшения наступательной способности своих потешных эрзац-воинских формирований не на Дон и не в Запорожье, где базировались одержавшие данную викторию иррегулярные части, а за границу, где и аналогов казацким воинским формированиям никогда не бывало, да и быть не могло.

И турки постоянно крушили собираемые против них европейские коалиции, наводя ужас лишь одним только своим именем.

Казаки же, живя с турками по соседству, наводили ужас уже на них. Их опытом и следовало бы воспользоваться столь любящему заимствования монарху.

Но его почему-то понесло в совершенно противоположную сторону. В ту самую, куда, между прочим, потянуло некогда и его по самозванству предшественника. Перед самым своим безславным концом Лжедмитрий, по словам Жака Маржерета, капитана на службе в его войсках:

«...решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего тысяча шестьсот шестого года отплыть с английскими кораблями во Францию, чтобы приветствовать христианнейшего короля, о котором он говорил мне много раз с великим почтением, и завязать с ним отношения» [249, 204–205].

Причем возраста он был аккурат того же, что и Петр во время своего пресловутого «великого посольства». Ведь собираясь через полгода отъехать за границу, Самозванец, по словам очевидцев, был:

«...в возрасте 23–24 лет» [249, с. 212].

Но и цель у обоих этих посещений за границы была одна. Петр, например, во всеуслышание заявил:

«Я в ранге ученика и нуждаюсь в учителях⁴⁴» [16, с. 75].

Но вовсе не обучаться военному ремеслу, что нам сегодня внушено, собирался отправляться за кордон этот *выученик* масона Лефорта в свое первое путешествие:

⁴⁴ Соловьев, т. IX, с. 461; т. XI, с. 93.

«В такой форме было придумано посольство с исключительной целью испытать Петра в роли **ученика** и подготовить его к посвящению в **масонство**. “Аз бо есть в чину учимых и учащих мя требую” — вот девиз, под которым проходил курс своей будущей подготовки реформатор» [182, с. 106].

Однако ж истинная цель этой поездки, обучиться безапелляционно заставлять у себя в Московии птичек петь и ручеек покорно журчать, просто бесследно растворилась в его уродливых поступках, которыми он запечатлел здесь свое присутствие, оставив вполне однозначное о себе впечатление у местной публики.

Ученик-переросток

«В Москве иначе представляли действительную цель этого путешествия и думали, что царь будет делать за границей то же, что делал до сих пор в слободе, т.е. веселиться⁴⁵» [16, с. 75].

Так оно и было на самом деле. Миф о каких-то там его особых учениях (в смысле обучению наукам и ремеслам) вдребезги расшибается о свидетельства очевидцев, тут и там пестрящие его ужаснейшими выходками, типа:

«Его встретил там церемониймейстер Жан де Бессер, придворный с головы до ног; и к тому же ученый и поэт. Петр бросился на него, сорвал с него парик и бросил в угол.

— Кто это? — спросил он у своих. Ему объяснили, как могли, полномочия Бессера.

— Хорошо. Пусть приведет мне девку⁴⁶...

... множество подобных случаев не оставляют ни малейшего сомнения в том, каково было общее производимое Петром впечатление» [16, с. 79].

«До чего болезненно суетлив был этот человек! Лишенный выучки, не умеющий даже писать, как следует... он с порыва с налету, нахрапом как-то кидается то на изучение геометрии, то на хореографию и танцевальное искусство, то учится играть на барабанах... Отрубить голову собственными руками и, выпив рюмку водки, заняться составлением регламента для маскарада; при всех, в присутствии собравшихся на прием приближенных *изнасиловать женщину* и, как ни в чем не бывало, пойти в церковь и там петь на клиросе; убить собственного сына и сразу же вслед за этим торопиться на веселый пир — все это для него обычно и естественно» (Василевский, 1923)» [46, с. 182].

И такое ужасное отвратительнейшее пугало, столь удивительно искусно кем-то замаскированное в одежды, уж никак ему по размерчику не подходящие, своими животными похотями апокалипсического зверя полностью соответствовало своему предшественнику по самозванству. Ведь известно, что и Лжедмитрий I, как сообщает Костомаров:

«...был слишком падок до женщин и позволял себе в этом отношении грязные и отвратительные удовольствия» [51, с. 309].

То есть самозванцы своєю животною природой и безмерной похотливостью здесь основательно прокалываются, обнаруживая в своей пасти совсем нечеловеческие звериные клыки. Теперь становится понятно, почему Феофан Прокопович объяснил наступление преждевременной кончины Петра, как:

«...от безмерного женоневостовства...» [98, с. 66].

Однако он являл собой не только блудливое животное, но животное кровожадное и жестокое, что не могли не отметить даже инородцы, столь изощренные в методах борьбы с перенаселением своих варварских стран:

⁴⁵ Устрялов, т. III, с. 18.

⁴⁶ Бергман. Peter der Grosse. Mensch und Regend. Рига, 1823, т. I, с. 256.

«Иногда у него являлись странные желания; он непременно хотел, напр., присутствовать при колесовании; он думал разнообразить уголовный процесс своей родины введением этой пытки. Пред ним извинились: временно не было присужденных к этой казни. Петр удивился: сколькими способами можно убить человека?! Почему не взять кого-нибудь из его свиты⁴⁷» [16, с. 81].

Хорошо бы представить в тот момент состояние лиц его свиты — их хозяин-собутыльник был готов любого из них, с кем еще вчера допивался до неменяемости, исключительно из любознательности в области анатомии, «немножечко *почетвертовать*»!..

Исключительно подобного рода новшества он и коллекционировал. То есть собирал: «...с Европы дань просвещения, чтобы обогатить ею свое государство» [56, с. 29].

В плане увеличения разнообразия пыточно-палаческого искусства: безусловного повышения квалификации «отечественных» катов в плане нивелирования выверенности их тонкой «ручной заплечных дел работы» под всемирно признанный общеевропейский стандарт. И это все для того:

«...чтобы сзывать в свое отечество богатства и просвещение Европы...» [56, с. 6].

А разнообразие в изуверском искусстве у этой самой Европы было и действительно — *богатое*. И как можно покуситься без элементарнейшего познания в величайшем из искусств — искусстве четвертования живых людей — хотя бы пытаться урегулировать узаконение смертоубийства половины мужского населения «своего» отечества?

Да никак. Ведь четыре тысячи смертных приговоров царя Иоанна, за таковые «кошмарики» прозванного Грозным, который совершил эти казни в течение долгих пятидесяти лет, разве ж можно просвещающемуся у Запада монарху ввести за норму?

Его наипервейшая задача ухайдакивать эти четыре тысячи русских людей не в полвека, но в полнедели! Именно таковая «плотность» убийств и была впоследствии принята царем-антихристом за норму. Петр устрашающе прилежно учился этой людоедской профессии, столь серьезно обнадеживающей извечно враждебный нам Запад. В его «славных дел» планы входило тотальное уничтожение этого упрямого и неподкупного народа, все так и не желающего отклоняться от Православия, некогда воспринятого им не за какую-то экзотическую религию Востока, но за норму поведения. И вот какой подарочек, лишь оказавшись в крае прирожденных палачей — Западной Европе, он отправляет своим заплечных дел мастерам в качестве амулета от своих единоверцев:

«...еще в начале путешествия Петр купил топор для отсечения голов преступников и послал его в подарок начальнику Преображенского приказа “на отмщение врагам”» [274, с. 160].

То есть *на отмщение врагам* масонов — братьев «Преобразователя» живых русских людей в мертвых. Для того, с барского своего плеча, даже выслал самое главное оружие Западной Европы по борьбе с перенаселением — топор. И вовсе не корабельный или плотницкий, чем нам пропаганда о Петре все уши пробуровила, но именно тот, с которым и должно быть изваяно чучело этого Петрушки палача-ерника — специальный топор палача, предназначенный для отсечения голов.

Так что именно палаческое искусство, способное вероисповедание русского человека вырубить просто с корнем, лишь одно и могло серьезно заинтересовать Петра. В своих личных владениях он первым делом, еще со времен своего *вьюношеского* возраста, учредил пыточные застенки Преображенского, а уж потом все остальное. Мучить и убивать ему просто нравилось. Какая там еще иная наука могла его серьезно заинтересовать?

Кстати, вот что свидетельствует о попытке его рубить головы своим людям даже находясь за границей описатель его голландских приключений Ян Корнелиссон Номен:

⁴⁷ *Пелльниц* [Барон Карл-Луи] Мемуары. Берлин, 1791. т. I, с. 179.

«Один князь и один вельможа его государства говорили с царем, по его мнению, слишком смело... он за это так сильно рассердился, что велел обоих заковать в кандалы и посадил их под арест в старый Герен-ложемент в Амстердаме, решив отрубить им головы; но бургомистры Амстердама... приводили разные доводы, стараясь отговорить его от исполнения этого жестокого намерения...» [321, с. 42–43].

Так что даже хохмачеством от его поведения в Голландии не попахивает. А в конце своего о нем описания Номен так высказывается о Петре:

«...у этого государя очень суровый нрав; впрочем, и лицо у него весьма суровое» [321, с. 43].

Так что очень не зря Петр предлагал для более тщательного исследования процесса четвертования, уж так ему наиболее полюбившегося из всех достопримечательностей заграницы, выбрать, за неимением на тот момент осужденных, кого-нибудь из его собственной свиты. Он был очень большим любителем анатомических исследований. Для чего и посадил для начала в кутузку парочку пытавшихся ему в чем-то перечить лиц из своей свиты. Он, думается, все же надеялся, что местные власти доставят все же ему радость изучить этот их весьма для его любопытствующего характера необходимый процесс превращения живого человека в мертво посредством размеренного обрубания его конечностей.

Вот какой род обучения его в этих заграницах единственно по-настоящему и интересовал.

А потому все его какие-то там сказочные нам поведанные придворными пиетистами обучения сводились примерно к следующим результатам:

«...он работал под руководством артиллериста Стернфельда и в несколько недель получил диплом канонира. Об этом напрасно говорят серьезно. Через три года два монарха, одинаково влюбленные в оригинальность, Петр и польский король, встретились в Ливонии, в замке Бирзе и развлекались стрельбой в цели из пушки; Август попал два раза, Петр ни одного⁴⁸» [16, с. 80].

Такова цена этому диплому, купленному Петром на деньги русских налогоплательщиков. И отнюдь не следует даже надеяться, что все им полученные там же и прочие многочисленные дипломы не являются такого же поля ягодами. К разряду все той же фикции относятся и все его карнавальные переодевания в обноски рабочего судостроительной верфи:

«Переодевание, конечно, никого не обманывало. Родственник одного из рабочих, работавших в России, давно уже прислал описание наружности царя: “Он высокого роста, голова трясется, правая рука в постоянном движении. На лице бородавка”» [16, с. 87].

И действительно:

«...голова царя постоянно тряслась, и все его тело было подвержено конвульсивным движениям» [51, с. 631].

Француз де ла Невилль, побывавший в Москве в 1689 г., вот как описывает внешность молодого Петра:

«он очень высок ростом... Глаза у него достаточно велики, но такие блуждающие, что тяжело в них смотреть; голова все время трясется» [465, с. 170].

Но уродство его было куда как и еще более разящим. Это был:

«...долговязый царь с крохотной головой, меньше собственного кулака, и безумными глазами маньяка» [14, с. 341].

В дополнение к этому излучающему просто неврастенические кошмарики портретцу идолища заморского необходимо присокупить и еще несколько деталюшечек, весьма пикантно дорисовывающих наружность этого ходячего чучела. Ступни ног у него были очень маленькие. Потому, чтобы скрыть эту несоразмерность с его не естественно длинными ногами, ему, в сапоги большого размера, вставляли специальный вкладыш.

⁴⁸ *Пельниц* [Барон Карл-Луи] Мемуары. Берлин, 1791. Т. I, с. 179.

Руки у него были очень короткими — также слишком несоразмерно с необычайно длинным туловищем. Потому Петрушили очень длинные рукава, чтобы создавалось впечатление, что руки находятся под ними. Плеч у него не было вообще, что можно наблюдать на его многочисленных восковых фигурах, например, в Эрмитаже. Здесь, правда, в недавние времена, чтобы спрятать этот шокирующий компромат на Петра подальше от людских глаз, на его восковую фигуру стали одевать специально сшитый камзол, конфигурация которого, имитируя могучие плечи, призвана скрывать от людских глаз еще и это уродство. Но, при желании, экскурсовод может милостиво приоткрыть край камзола и показать фрагмент этой уродливой фигуры. Причем, полностью снять ни камзол, ни сапоги, не преступив при этом буквы российского законодательства, возможности не предоставляется — **они запечатаны!**

Но почему же, в таком случае, это чудовище выполнено точно по формам некогда усопшего тела?

Так ведь по ночам в восковые фигуры вселяются их души. А точнее бесы, некогда находящиеся еще при жизни их владельцев! Потому россиянам нашим властям, сегодня буквально на вытяжку стоящим на службе у бесов, уродство Петра не спрятать никак. Ведь именно для вселений в восковые тела их бывших inferнальных владельцев и создаются все музеи подобного рода. Эти бесы, по замыслам организаторов, судя по всему, и способствуют поддержанию в нашей стране порядков, живущих во всех этих мертвых телах inferнальных личностей (все сказанное в первую очередь относится к мумии Ленина).

Но вот нашли половинчатое средство — изготовили камзол. И теперь многие действительно верят в то, что страну нашу создал тот исполин, который красуется на всех статуях и «героико-патриотических» картинках.

Но выглядел он, что выясняется, вовсе не так, как его сегодня пробуют изобразить.

А представьте себе, что это уродливое чучело еще и трясется в конвульсивных судорогах, подергивая рукой и головой *с безумными глазами маньяка?*

Потому и шархались местные жители, еще издали завидя это заморское чудовище, прибывшее к ним «инкогнито». Его вид психически явно ненормального человека полностью соответствовал и внутреннему содержанию этого припадочного тела. А потому:

«Дети, с которыми он дрался, бросали в него камнями; он сердился и, забывая о своем инкогнито, объявлял во всеуслышание о своем звании» [16, с. 87].

А что здесь удивляться? Уже в наших психиатрических клиниках каждый второй из больных норовит провозгласить себя Бонапартом. И хотя сам Наполеон к тому времени еще не родился, но искушение поиздеваться над личностью со всеми признаками болезни пляски св. Витта, которая, следуя по улице в заляпанной вонючей одежде плотника, вдруг посреди дороги объявляет себя императором какой-то заморской весьма экзотической территории и требует к себе почтительного верноподданнического уважения, было слишком непреодолимо. А потому — дети безвинны. Выряженный сумасшедший в любой стране мира ну просто никак не сможет не стать предметом их насмешек и улюлюканий. А царь Петр, судя по описанию его внешности, не стать предметом насмешек просто не мог.

Однако же это еще не все впечатления, которые он о себе оставил жителям провинциального городка Голландии:

«Царь пробыл в Саардаме 8 дней; он катался там на лодке и дал 50 дукатов служанке, за которой ухаживал» [16, с. 87].

Этот фрагмент из жизни любвеобильного монарха запечатлел на своем полотне художник Гореман.

Во дворце Монплизир в Петергофе:

«...хранится картина фламандской школы, на которой изображен человек в красном камзоле, крепко обнимающий полногрудую девушку...

Нартов, сделавшийся впоследствии одним из самых близких к Петру лиц, упоминает об этой девушке и замечает, что она отдалась царю лишь после того, как поняла, заглянув в его кошелек, что имеет дело не с простым судовщиком» [16, с. 88–89].

То есть Петр, прекрасно понимая, что ему, как достаточно неприятному для общения с дамами субъекту⁴⁹, следует расплачиваться за предстоящие интимные услуги заранее, поступил в момент входа в контакт с объектом своего вождения следующим образом:

«Его величество хаживал в Саардам... в один винный погреб... пить виноградное вино и пиво, где у хозяина находилась в прислугах одна молодая, рослая и пригожая девка. А как государь был охотник до женщин, то и была она предметом его забавы... В воскресный день по утру... хозяин и прочие были тогда в церкви; он не хотел пропустить удобного времени... сел и завел с нею любовный разговор... обняв ее, говорил: "...я тебя люблю!"» [324, с. 5–6].

«При сем слове хотел было он ее поцеловать, но она, не допустив, пошла от него прочь» [364, с. 103].

Но кошелек Петра был туго набит банкнотами. А в заграницах имеет возможность заставить всех его окружающих исполнять свои желания лишь тот, кто имеет возможность за них щедро расплатиться. А у Петра кроме желания имелась и необходимая для его исполнения сумма финансовых средств. Потому, чтоб не схлопотать по морде за излишнюю свою назойливость, Петр, в тот самый судьбоносный момент царь всея, так сказать, Руси:

«...вынул из кармана кошелек, полный червонцев, отсчитал десять червонцев и подарил девке...» [324, с. 6].

Но откуда же Петр мог знать — как следует поступать в незнакомой ему стране с дамами?

Об этом он сообщает нам сам⁵⁰:

«В Амстердаме ж устроены изрядные дома, где собираются по всякой вечер изрядные девицы по 20 и 15. И музыка непрестанно играет. И кто охотники, преходят и кто которую девицу полюбить тое взявши за руку иттить с ней в особливую камору или к ней в дом начевать с нею без всякого опасения. Потому что те дома нарочно устроены и пошлины платять в ратушу. А домов таких з 20. А называют шпильгоус или дома игральные. А ины дома есть, которые те дела исполняют только тайно. А домов таких з 200 в Амстердаме и зело богатые. А кто охотники, нанимають на месяц или на два или **на неделю** и живут без всякого опасения» [333, л. 121].

Петр, судя по всему, выбрал себе такого вот рода товарец аккурат именно *на неделю*.

Однако ж подобного рода нравы Петру, посетившему на пути в Голландию Кенигсберг, никак не были в диковинку. Здесь, по уверению, например, Андрея Болотова:

«...женский пол... слишком любострастию подвержен...» [411, письмо 59-е].

И по сей причине:

«... находятся в оном превеликое множество молодых женщин, упражняющихся в безчестном рукоделии и продающих честь и целомудрие свое за деньги» (там же).

⁴⁹ Здесь следует припомнить лишь Анну Монс из Кукуевой слободы, которая хоть и отдавалась ему за приличное вознаграждение, но, при этом, даже не скрывала, что все равно брезгует им:

«Не смотря на то, что государь несколько лет ее при себе имел и безмерно обогатил... Она поползнула принять любовное предложение Бранденбургского посланника Кайзерлинга и согласилась идти за него замуж...» [324, с. 23].

Нартов при этом ужасается:

«Предпочсть двадцатисемилетнему разумом одаренному и видному государю чужестранца, ни тем, ни другим не блистающего!» (там же).

Петр, правда, такого отношения к себе ей все же не простил. И хоть сведений о его причастности к ее смерти не имеется, Анна Монс:

«... в том же году умерла» [324, с. 25].

⁵⁰ Но не следует думать, что Петр был знаком с правописанием и знаками препинания. Просто пробуем эту с трудом разобранную и специалистами-то писульчку несколько облагородить лишь с целью обретения возможности вникнуть в ее смысл.

Конечно же, пропаганда «подвиги» Петра в стяжании девиц, подверженных данному роду «рукоделия», переводит из публичного дома, как например Нартов, в винный бар. Но, кроме Нартова, однако ж, свидетельства о похождениях Петра в Саардаме имеются и в иной мемуарной литературе. Там уже пересказ предпринятой Петром закупки полногрудой «рукодельницы» выглядит и еще в более радужных тонах. Вот, например, что предоставляет на эту тематику изрядно потрудившийся в архивах, историк Валишевский:

«В отрывке письма к Лейбницу от 27 ноября 1697 года я прочел следующие строки: “Царь встретил саардамскую крестьянку, которая ему понравилась, и в часы досуга будет, подобно Геркулесу, наслаждаться любовью на своей барке”⁵¹» [16, с. 89].

То есть автор письма к Лейбницу девицу из бара именуется уже *крестьянкой*. И здесь нет каких-либо расхождений. Ведь для подобного рода деятельности, как розлив спиртных напитков, работодателю выгоднее взять человека из глубинки — он менее подвержен растлению, чем житель города. Потому *крестьянка* — она же и *прислуга*.

А этот *не простой судовщик*, который будет теперь, что сообщается в письме к Лейбницу, *наслаждаться любовью на своей барке*, для верности давший заглянуть голландской крестьянке в переполненные банкнотами недра своего кошелька, продолжает Нартов, за свои удовольствия и расплачивался соответственно даже не своим финансовым возможностям. Но, что выясняется, финансовым возможностям тянуть подобного рода позорящую его лямку всему огромному государству, именуемому Российским. Ведь после того, как эта девица, несмотря на очень нехилое ей подношение, все же намеревалась отказать этому уродливому потливому чудищу заморскому, в ход пошли и дополнительные подношения из его кошелька, оказавшегося просто-таки безразмерным. Да такие во всех отношениях не скромные, на которые ей просто уже нечем было и возразить, будь перед ней хоть Квазимодо (а он перед ней как раз и был). И потому, после того, как даже за предложенную очень не хилую сумму этому потливому противному уродцу в домогательствах было все же отказано, в ход пошли дополнительные с его стороны подношения. После явного нежелания девицы отдаться ему за десять червонцев⁵², пришлось выделяемую на интимную связь с разносчицей пива⁵³ сумму упятерить:

«...он дал ей пятьдесят червонцев» [324, с. 7].

То есть купил ее Петр, когда эта крестьянка-служанка-разносчица заочевряжилась, уже за такое количество коров, на молоке, полученном от которых, в этой нищей стране, где и одна-то корова была еще не у каждого, можно было жить безбедно всю оставшуюся жизнь. То есть предлагаемая Петром за опозоривание девицы сумма представляла собою целое состояние. Понятно дело, что уже после такого подношения, служанка эта⁵⁴ отдалась ему со всеми ее потрохами. Здесь уже ни о каких там симпатиях или антипатиях разговоров более не велось. За такие деньжищи за границей продадут не только свое тело, но и свою душу.

И понятно дело, что Петр наш этот самый, исключительно в подобных лишь вопросах и «Великий»:

«После сего во все пребывание свое в Саардаме, когда надобно было [а *надобно* ему *было* все эти 8 дней там пребывания — А.М.], имел ее в своей квартире и при отъезде... пожаловал ей триста талеров» [364, с. 103].

⁵¹ *Геррье*. Переписка Лейбница, СПб., 1873, с. 31.

⁵² А это по тем деньгам стадо коров! То есть целое для нищей по тем временам Голландии состояние. Так что унижение отдаться такому чучелу пересиливало желание стать состоятельным человеком — обезпечить себя финансово на всю жизнь. Вот как, на поверку, «прекрасен» был всеми и вся захлеб расхваливаемый Петр.

⁵³ Или крестьянкой.

⁵⁴ Или крестьянка.

То есть 60 червонцев, лихорадочно отсчитанные трясущимися руками этого параноидального липкого и противного существа, что теперь выясняется, представляли собой лишь задаток. Так что сумму финансовых средств, изъятую из бюджета Российского государства и затраченную Петром на голландскую потаскушку, следует еще и удвоить.

И потому как Петр, что выясняется, потратился на свои здесь в Голландии «подвиги» весьма внушительно, то и обязан был за растроченные им средства пополнить за каждый гульден свою долю интимного удовольствия. Потому, что дополняет Геррье, *надобно было ее иметь* Петру, и он ее там все это купленное время и имел, не только *в своей квартире*, но и на *нанятой им барке*.

И вот что отмечают те из местных жителей, которые попытались, не понимая, чем там царь этот на сданном ему в аренду плавсредстве занимается, подплыть к нему поближе и как следует разглядеть столь загадочного экзотического заморского гостя их города:

«...он, желая отделаться от назойливости любопытных, схватил две пустые бутылки и бросил их, одну за другой, на пассажирское судно прямо в толпу, но, к счастью, никого не задел» [321, с. 49].

Такими-то вот «славными делами» наполнена была жизнь этого набитого золотом трясущегося припадочного параноика, чья безграничная любвеобильность напрямую зависела лишь от содержимого его туго набитого кошелька. В противном же случае этому уродливому грязному чучелу не дала бы к себе и прикоснуться ни одна даже самая зачуханная служанка⁵⁵.

Нартов пребывание Петра в Саардаме дополняет следующими подробностями:

«Картина сего любовного приключения нарисована была масляными красками в Голландии, на которой представлен его величество с тою девкою весьма похожим. Сию картину привез государь с собою и в память поставил оную в Петергофском дворце, которую и поныне там видеть можно» [324, с. 7].

Вот что об этой картине сообщается уже сегодня — 300 лет спустя:

«В Петергофском Монплеzure действительно находилась картина, изображающая молодого человека в голландском платье, беседующего с трактирною служанкой, работы Яна-Иозефа Гореманса... Ныне эта картина находится в Императорском Эрмитаже» [364, с. 103].

Такое вот «обучение», имеющее несколько интимный характер, Петр получил в Саардаме. И чему уж за шестьдесят червонцев восемь дней его обучала пышногрудая тамошняя девица — можно нам теперь только гадать...

После своего суетного двухмесячного пребывания в Амстердаме, где Петр попытался обучиться сразу и всему, он, со товарищи, переплывает Ла-Манш и продолжает подготовку начала своих «славных дел» уже в Лондоне.

«...в такое короткое время он поглотил всю голландскую мудрость, так что ему нечему более было учиться здесь, и он порешил для дальнейшей науки отправиться в Англию» [239, 27].

«Царь Петр Алексеевич, по получении довольного практического знания в Голландии... в начале 1698 года воспринял намерение отправиться в Англию, дабы... обучиться там основательнее» [324, с. 7].

Да, *знания*, приобретенные Петром в Голландии, что подмечает и Нартов, были исключительно *практического* характера. И обошлись они ему достаточно «дешево». Лишь развлечения с полногрудой разносчицей пива обошлись в довольно кругленькую суммочку.

А вообще в своих личных впечатлениях об Амстердаме он не оставил о каких-то там учебках или работах вообще ни одного. Либо его интересовали бои быков с собаками, либо раскройка профессорами мозгов только что казненного арестанта, либо рыба какая

⁵⁵ Или крестьянка, или барменша, или проститутка из борделя (что скорее всего), которых в Амстердаме 200.

диковинная заспиртованная, либо заспиртованный младенец с двумя головами. Либо опять вся та же ему уж больно здесь полюбившаяся тематика:

«В Амстердаме ж ужинал в таком доме, где ставили нагие девки ествы на стол. И пить подносили все нагие. А было их пять девок. Только на голове убрано, а на теле ни нитки. Ноги перевязаны лентами и руки флерами» [333, с. 183].

Сколько он еще и этим девицам из кошелька своего бездонного вывалил?

Но впереди была еще и Англия. Позволит ли его преизрядно похудевший кошель продолжить интимного характера обучение, так бурно начатое в Саардаме, еще и там?

Однако ж и здесь впечатления о себе он оставил уж слишком далекие от какой-либо и малейшей схожести с Бонапартом. То есть того самого величайшего из величайших воителей, которого из Петра вылепила советская историография за годы своей безраздельной власти в стране, некогда завоеванной гидрой революции.

Вот как характеризует его, например, Бюрнет:

«Трудно представить себе, что этот человек способен управлять великим государством; из него может выйти хороший плотник, — это так⁵⁶...» [16, с. 94].

Но и до плотника, следуя иным его же высказываниям, прибывшему на туманный Альбион этому параноидальному существу было слишком далековато. Выходки Петра:

«...до такой степени поражали Бюрнета, что он считал его почти помешанным» [51, с. 631].

Здесь он обучался все тем же наукам, ключом к познанию которых чуть ранее обзавелся в процессе интимных общений с полногрудой девицей с картины Горемана:

«Актриса Гросс, заменившая служанку из саардамской гостиницы, жаловалась впоследствии на скупость царя. Когда кто-то позволил себе упрекнуть его, он резко возразил: “За пятьсот гиней люди мне служат душой и телом; а эта девка мне плохо служила, ты сам знаешь чем, и стоит дешевле” (Нартов, с. 9. Выражения более грубы)» [16, с. 95].

Нартов уточняет:

«...эта худо служила своим передом» [324, с. 9].

То есть Петр, обучившись в Саардаме, уже имел представление — как и каким местом ему обязаны служить. И, самое здесь главное, какую данный вид услуг широкого потребления имеет среднерыночную цену.

Меншиков («кто-то» Валишевского), поняв намек своего брата по масонской части Петра, выразил и свое в расценках по половой тематике неоспоримое соглашательство:

«Какова работа, такова и плата» (там же).

То есть, если следовать предложенной Нартовым версии, плата *передом*, как соизволил выразиться Петр Великий, что соответствует общеевропейской рыночной стоимости того времени, то есть расценкам, конкретно, на сдачу в наем, во временное пользование, исключительно данного отверстия в теле, много ниже, нежели прокат отверстия иного. То есть заднего, в чем подводит итог своей заключительной мудреной фразеологией сдающий Петру это-то аккурат отверстие бесплатно его интимный друг в содомитских утехам сам же этот Меншиков. А ведь не знай таких тонкостей рыночной стоимости данного вида услуг «Великий» этот нами разбираемый Петр, вывалил бы плохо служащей телом саардамской вымогательнице куда как много более, чем вывалил, прекрасно зная цену. Обучившись данному виду закордонской премудрости: то ли у служанки гостиницы, как считает Валишевский, а то ли у разливицы спиртного в винном погребе, как считает в свою очередь Нартов, а то ли у проститутки из борделя, как намекает сам Петр.

Что ж, обучение, как мы видим, кем бы ни была эта пышногрудая девица, соблазненная сверканием царского золота, пошло впрок. И уже не 60 червонцев великий наш лишь на подобные утехы Петр вытряхивает из своего быстро пустеющего

⁵⁶ Бюрнет. Воспоминания. Т. II, с. 221.

кошелька, но несколько все же более приличествующую его драным штопаным носкам сумму финансовых средств. Пустячок, судя по немереным тратам Петра вообще за все виды оказываемых ему за кордоном услуг, но все-таки приятный. То есть сэкономил для державы, так сказать, обучившись и данной величайшей премудрости — траты финансовых средств на проституток, ох как еще и немалую толику, судя по запросам тамошних куртизанок, финансовых средств. Вот она где петровского покроя экономия. А нам все про какие-то нарочито одеваемые им, показанные французскому дипломату Карберону в качестве некоей якобы бережливости Петра:

«будничные его шерстяные чулки, заштопанные на пятках» [407, с. 44].

Или:

«башмаки старые и заплатаемые» [375, с. 61–62].

Однако ж в данном случае, то есть в случае с выдачей запрошенной суммы актрисой Гросс, он, в процессе обучения западным «наукам», так и вообще даже временно восстановил содержимое своего бездонного кошелька.

По крайней мере, в статье трат на похождения к девицам легкого поведения:

«Он вернул свои пятьсот гиней, выиграв пари у герцога Лейдского (Leeds): гренадер из его свиты одолел знаменитого английского боксера» [16, с. 95].

Вернул он их, правда, не для того чтобы хоть на малую толику ослабить нажим соисканием средств на свою учебу у проституток из кармана русского налогоплательщика. Вот куда, как свидетельствует Нартов, ушли эти выигранные 500 даже не Петром, а его гренадером гиней.

Ну, во-первых, на лечение побитого англичанина. Петр, из своего удивительнейшего человеколюбия исключительно к иностранцам:

«...подозвав к себе лекаря и наказывая о излечении, дал врачу двадцать гиней; из выигранного заклада пожаловал победившему гренадеру двадцать гиней, англичанину бойцу — двадцать гиней, бывшим с ним гренадерам — тридцать гиней, черни бросил пятьдесят гиней, а остальные деньги отослал в инвалидный дом» [324, с. 13].

Так что сумма финансовых средств, ушедшая за исполнение интимных услуг к актрисе Гросс, что выясняется, обратно в его карман, а точнее в безразмерный карман государства Российского, который он присвоил себе лично, уже все равно не возвратилась. Но лишь возрастала на подобного рода развлечения:

«Истратив на подобные занятия три месяца, он отправился на шесть недель в Дептфорд...» [16, с. 95].

Но Петр и там оставил по себе впечатление не многим лучшее:

«В Дептфорде Петру со свитой отвели помещение в частном доме близ верфи, оборудовав его по приказу короля, как подобало для такого высокого гостя. Когда после трехмесячного жительствова царь и его свита уехала, домовладелец подал куда следовало счет повреждений, произведенных уехавшими гостями. Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную. Полы и стены были заплеваны, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах прорваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах. Всех повреждений было насчитано на 350 фунтов стерлингов, до 5 тысяч рублей на наши деньги по тогдашнему отношению московского рубля к фунту стерлингов» [49, с. 426].

Ничуть не менее эффективно выглядел затем и разгром прусского королевского дворца. О чем свидетельствует курфюрстина Софья Шарлотта:

«Наконец, по прошествии двух суток, этот варварский двор уехал. Королева тотчас же отправилась в Мон-бизу, где нашла картину Иерусалимского разрушения. Я в жизни своей ничего подобного не видала: до того все было испорчено, и королева принуждена была велеть чуть не сызнова строить этот дворец» [334, с. 11].

И это несмотря даже на то, что все меры предосторожности прусской королевой, перед приемом этих ох как еще и не дешево обошедшихся им гостей, были выполнены по полной программе:

«В предупреждение беспорядков, которые господа русские оставляли по себе во всех тех местах где только побывали, королева озаботилась вывести из своего дворца всю мебель и вынести все хрупкие вещи» [334, с. 9].

Но даже такая мера предосторожности, что сообщает наследственная принцесса крови, которая была предпринята именно потому, что Петр везде, где только ни бывал, оставлял после себя страшнейший гадюшник, не слишком-то и помогла. Королевский дворец, после этого «высокого» гостя всего двухдневного посещения, приходилось отстраивать чуть ли ни заново.

А это произошло уже почти два десятилетия спустя того еще первого погрома, учиненного Петром с его милыми «птенчиками» в английском Дептфорде. Такие следы своего присутствия, что выясняется, он оставлял вообще везде и всегда, куда бы не занесло его со своей пьяной бандой немножечко покуролесить.

Ну а когда взятый из Москвы на его еще первое путешествие по заграницам годовой бюджет огромного государства был уже благополучно промотан Петром с его буйной компанией, громко называемой почему-то «посольством», то в ход пошло совершенно обычное для его «славных дел» наследников занятие — распродажа с молотка своего Отечества:

«Из Москвы непрестанно слали соболя, парчу и даже кое-что из царской ризницы: кубки, ожерелья, китайские чашки...» [135, с. 240].

А Россией всех перечисляемых богатств было приковано к тому времени великое множество. И вот по какой причине. Борис Годунов послу австрийскому, Николаю Варкочу, в 1589 г. сообщал:

«Что казна государя безмерна, так как уже многие столетия из нее ничего не бралось. Скорее, наоборот, она росла» [416, с. 108].

То есть цари Московии богатства государства всегда лишь прибавляли, но уж отнюдь их не разбазаривали. Так что Петр был и по части разбазаривания государственных сокровищ России ее царями, причем, на свои глупые увеселения, — первым. Потому сокровищницы Московского Кремля были в то время разоряемы на закупку Петром проституток, на попойки и кутежи его компании, на прогулочные яхты и экипажи и т.д.

«...но всего этого не хватало...» [135, с. 240].

Но и не могло бы хватать. Вот как любил швыряться Петр деньгами в заграницах. Маленький пример:

«Мая 25-го. По указу царского величества, будучи в Ганovere в саду, лоуфору курфирстрскому, который при его величестве танцевал и пел, два червонных. (л. 15.)

Мая 26-го. В местечке Шпринге, четыре мили от Гановера, дано почталионам ганноверским, которые везли его величество, два червонных (л. 15)» [193, с. 10],

и т.д.

Что здесь приходит на память при подобного рода мотовстве?

Так ведь всего лишь русская народная песня. Где совершенно четко указана цена за подобного рода небольшую конную прогулку:

За копейку найму трэйку

Но ведь не за два же червонца-то?!

Но это все цветочки. Вот насколько простирались его щедроты при замене сухопутной прогулочки гульбою на столь обожаемых им морских судах:

«В 28-й д[ень] вышеупомянутому капитану, который был на той яхте на которой их величества изволили итить, дано в презент 10 червонных, матрозам 13-ти и одному трубачу 21 червонной; гофмейстеру три червонных; итого 34 червонных. — Того же числа на

другую яхту, на которой ехали дамы и прочие служители их величеств, капитану и матрозам и одному трубачу, 25 червонных» [193, с. 83].

Итого, всего за один денечек такой вот увеселительной прогулочки, лишь еще в качестве презента обслуживающему яхты персоналу (расходы на выпитое шампанское и паюсную икорку, а тем более на проституток, будут выписаны отдельно) Петром было израсходовано 59 золотых червонцев. Сумма, заметим, по любым меркам вовсе уж и не малая. Ведь если эти выброшенные на ветер капиталы вновь перевести на мясо, то получится его столько, сколько самому Петру, несмотря на всю его прожорливость, и за десять лет при всем на то неумном желании, — просто-таки не сожрать!

А вот что сообщает о транжирстве Петра еще очередной свидетель его распутной кутежной жизни — Нартов. На сей раз он пересказывает диалог о сорении деньгами русских налогоплательщиков Петром, который сообщил ему маршал Д.А. Шепелев. Петр ему, подвыпивши, как-то хвастался:

«...я трактирщику заплатил в Нимвегене сто червонцев за двенадцать яиц, за сыр, масло и две бутылки вина» [364, с. 108, № 31].

То есть не только интимное общение с проститутками, но даже рядовой ужин Петра обходился русскому налогоплательщику поистине в астрономические суммы.

Так ведь таким не хитрым способом можно не только бюджет страны в своих катаниях по заграницам ухайдакать, но и с десятков таких бюджетов. Если подобным образом годами жить.

А Петр, что выясняется, именно так и жил, годами, и ухайдакивал, себе в сладость, раздавая любимым его сердцу иноземцам умопомрачительные суммы финансовых средств единоразово, за каждую увеселительную прогулочку или безхитростный свой обед в грязной харчевне.

Но ведь в Англии, в то еще первое свое путешествие по заграницам, он не просто катался на лошадаках, нанимал в Саардаме на неделю прогулочную яхту или выслушивал менестрелей. Но и кутил. И кутил, между прочим, именно по-черному. Здесь траты, что и понятно, просто несоразмерные тому: дорогие сорта вин, выпиваемых сотнями ящиков, деликатесные закуски, вследствие излишков выпитого регулярно выблевываемые на дражайшие гобелены и персидские ковры; нанятые в борделях проститутки и т.д.

Потому астрономические суммы денег, им в тот период изведенные, которые равнялись годовому бюджету его самой богатой и самой огромной в мире страны, были промотаны в считанные недели.

Но денег все не хватало: как было «снискать» себе и своей пьяной шайке этот пресловутый «хлеб насущный» уже промотавшему все взятое с собой нашему «Преобразователю», чья тяга к столь любимому им закордону воспета в легендах?

Но не воспета, при этом, в чем вскрыта этих историков поразительнейшая стеснительность, тяга к алкоголю, который в тот момент просто вывернул карманы налогоплательщиков им возглавляемой страны. Но ему всего уже изведенного казалось поразительно мало: требовалось «продолжения банкета».

Как здесь быть?

«Выручил любезный англичанин лорд Перегрин маркиз Кармартен: предложил отдать ему на откуп всю торговлю табаком в Московии...» [135, с. 240].

Петр любезно согласился: «сколькими способами можно убить человека?!»

В том числе, можно и *табаком*. А ведь:

«До сих пор табак был воспрещен в России... как нечистая и противорелигиозная вещь, так что даже до сего дня никакой священник не войдет в комнату, где накурено табаком» [329, с. 108].

Но Петр, в числе и многих иных, вводит в стране распространение и этой заразы, кроме как безусловно вредной для души, вредной к тому же еще и для здоровья.

Однако ж контрактов, подобных этому, Петр перезаключал такую массу, что сам Лейбниц удивлен такой им бойкой распродажей оптом и в розницу собственной страны:

«...в Кенигсберге, в Голландии, в Англии, везде, куда ни приезжали русские послы со своим молодым царем, их старались угостить, удивить роскошью пиров, завести с ними дипломатические связи, выхлопотать у них привилегии в пользу торговых обществ и частных лиц...» [390, с. 24].

И здесь, при перечислении всех «подвигов» Петра при увеселительных разъездах его по заграницам, следует все же отметить, что именно Запад в то время погибал от дурных привычек: алкоголизма и курения, проституции и связанных с нею не излечимых венерических заболеваний. Житье же там простолюдинов было просто катастрофически ужасным.

Вот и вояж Петра во Францию не мог не быть отмечен подобными впечатлениями:

«Он, как полвека спустя другой путешественник — Артур Юнг, был поражен видом нищеты встречавшегося ему народа...⁵⁷» [16, с. 390].

И это о той модели общества, которую столь настойчиво навязывал нам этот «мудрый» нашей страной управитель. Главный же город этой им копируемой западной цивилизации он «одарил» следующим эпитетом: «...если бы он был мой, то непременно бы сжег его...» И, думается, что если бы город Париж по каким-то капризам судьбы действительно ему достался, то свои угрозы Петр выполнил бы в точности.

Однако же и здесь он не оставил своих наклонностей, хоть прекрасно знал, что каждый его шаг фиксируется:

«...в Медоне он наградил “бумажным экю” слугу, который, по словам Бюва, оказал ему услугу в очень интимном и грязном деле»⁵⁸ [16, с. 394].

И эта его половая ориентация, столь несвойственная истинно русскому человеку, уж теперь не просто наводит на какие-то мысли о его национальной принадлежности, но и полностью избличает в нем уроженца земли Ханаана — прямого наследника уничтоженных именно за этот грех языческих городов Палестины: Содомы и Гоморры. Видать, отнюдь не зря он не мог засыпать без головы пажы на своем животе [16].

Кстати, вот как обрисовывается Голиковым предназначение ввезенного Петром из Африки арапа:

«Сей российский Ганнибал, между другими дарованиями, имел чрезвычайную чуткость» [364, с. 51].

И вот в чем она выражалась:

«Сия чуткость была причиною, что монарх сделал его своим камердинером и повелевал ночью ложиться или в самой своей спальне, или подле оныя» (там же).

То есть вот чем, что выясняется, прославился этот «арап Петра Великого». Он представлял собой одного из пажей, засыпающих на животе этого двухметрового чучела, имеющего гомосексуальную половую ориентацию.

А вот что говорится об очередном из его придворных, судя все потому же, исключительно за предоставление своего заднего отверстия в качестве интимного предмета для использования «Великим» на такие вот штучки Петром, введенного на высшие государственные должности. Голиков, очевидно не предчувствуя, что грязная половая ориентация Петра когда-либо будет раскрыта, сообщает, что у этого содомита был:

«Любимый его денщик Павел Иванович Ягушинский...» [364, с. 61].

Который, впоследствии, как и многие иные из этих его прошедших через такую же постыдную школу «птенцов», в конце концов занял:

«...место генерал-прокурора в Сенате...» (там же).

Вот как описывает половую ориентацию Петра Нартов:

«Государь... клал с собою деньщика Мурзина, за плеча которого держась, засыпал, что я сам видел» [364, с. 107, № 27].

⁵⁷ Соловьев, т. XV, с. 71.

⁵⁸ *Sergent*, Letire du 19 juni 1717 г.

Но не только мальчики интересовали Петра в качестве удовлетворения его содомитского плана утех. Он ничуть не против был пользоваться, впрочем, как и вся его свита, и услугами проституток. Вот что сообщает на эту тему Сен-Симон:

«Они привезли девиц и спали с ними в покоях, принадлежавших г-же де Ментенон... Блуэн, смотритель Версаля, крайне возмущался, видя такое осквернение храма целомудрия... Но сдерживаться было не в обычаях царя и его людей» [312, с. 366–367].

Вот еще подробности об этой же выходке. На этот раз свидетельствует Ливуль:

«...в Марли... “Он выбрал это место, — рассказывает современник, — для того, чтобы запереться со своею любовницей, которую он привел сюда и над которой одержал легкую победу в помещении, м-ме де Ментон”. Он отослал девицу, давши ей два эку и хвастаясь своей дикой выходкой перед герцогом Орлеанским, употребил выражения, которые современник решился воспроизвести только по-латыни...⁵⁹

Слух об оргии, которой он осквернил королевское жилище, дошел даже до мадам де Ментэнон, жившей в полном уединении. Она сообщает об этом своей племяннице: “Мне только что сказали, что царь притащил с собой девку и что Версаль и Марли страшно скандализированы...” Охота в Фонтенбло мало понравилась царю; зато он так хорошо поужинал, что герцог д’Антэн нашел необходимым отказаться от его общества и сел в другую карету. Сен-Симон рассказывает, что в карете царь доказал, что слишком много ел и пил. В Пти-Бурге, где остановились на ночь, пришлось нанять двух крестьянок, чтобы привести в порядок карету...

“Я вспоминаю, — писал в одном из своих писем Вольтер, — как кардинал Дюбуа говорил, что царь просто сумасшедший, рожденный быть помощником боцмана на голландском судне⁶⁰» [16, с. 399–400].

Вот что сообщает о пребывании Петра в Магдебурге в 1717 г. Пельниц:

«Так как король (пруссский) приказал оказывать ему всевозможные почести, то различные государственные учреждения явились приветствовать его in corpore, и их президенты держали речи. Фон Кокцей, брат государственного канцлера, во главе депутации от регентства, явившись приветствовать царя, застал его среди двух... дам, груди которых он ласкал. Он не прервал своего занятия и во все время произнесения речей» [16, 375, с. 101].

«Или другой рассказ, описывающий его встречу в Берлине с герцогиней Мекленбургской, племянницей его: “Царь поспешно пошел навстречу принцессе, нежно обнял ее и отвел в комнату, где уложил на диван, а затем, не затворяя двери и не обращая внимания на оставшихся в приемной, предался, не стесняясь, выражению своей необузданной страсти”» [16, 375, с. 102].

И во что вылилась эта самая его *страсть*, нам теперь остается только гадать.

Однако ж обычно, дабы не заполучить за таковые попытки удовлетворения своих страстей по мордам:

«...останавливая свой выбор на простых служанках, он встречал мало препятствий. Нартов, между прочим, упоминает об одной прачке. Брюс уже выводит на сцену более драматические отношения к дочери одного иностранного купца в Москве, вынужденной во избежание любовных домогательств государя бежать из родительского дома и прятаться в лесу. Один из документов, опубликованных князем Голицыным, доказывает, что царь подрался в Голландии с одним садовником, пустившим в ход грабли, чтобы прогнать Петра, который мешал работать поденщице. Эти грубые похождения, однако, положили в нем начало болезни, которая, не будучи правильно лечима, ускорила его смерть. Но госпожа Чернышева замешана в это дело, и депеша Кампродона явно обнаруживает ее ответственность, говоря о болезни, полученной самой Екатериной в 1725 году после того, как она разделила ложе своего супруга...

⁵⁹ Ливуль, Мемуары, Париж, 1818, т. II, с. 241.

⁶⁰ Письмо Шовелену, 3 окт. 1760, Correspond. gen., т. VII, с. 123.

“Должно быть его величество имеет в себе легион сладострастных бесов”, — сказал о государе один из врачей, лечивших его во время последней болезни» [375, с. 102–103].

О наименовании же этой болезни, доконавшей Петра, подробно будет разобрано в следующих книгах о «дивном гении».

О г л а в л е н и е

Финансовая политика.....	89
Загадки родословной.....	101
Масонство Петра.....	114
Храм в Дубровицах.....	131
Наступательная оборона Москвы.....	137
Русское оружие.....	144
Череда позорищ, признанных заслугой.....	151
Ученик-переросток.....	170